

ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ

ПРЕЗИДЕНТ И ПАРЛАМЕНТ В УСЛОВИЯХ НОВЕЙШЕЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: СВЕРТЫВАНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ И ФОРМИРОВАНИЕ АВТОРИТАРНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ РОССИИ: УГРОЗА ТОТАЛИТАРИЗМА ИЛИ ГАРАНТ ДЕМОКРАТИИ? *

* Подготовлено совместно с доцентом А. Е. Комаровым. Опубликовано на английском языке в сборнике «Левое и рабочее движение в бывшем СССР». Материалы информационного агентства «Экономика и демократия». — М., 1993. С. 11—29

«Что делать со съездом, который не вписывается в правовую государственность?», «Наша законодательная власть дожила до самого элементарного политического климакса», «Не съездить ли по съезду?» — такими и подобными им фразами пестрит сегодняшняя «независимая» «демократическая» печать. Еще перед VII съездом народных депутатов Российской Федерации (декабрь 1992 г.) С. Алексеев, бывший председатель Комитета Конституционного надзора (!) СССР и мэр Санкт-Петербурга, видный юрист-правовед (!) А. Собчак открыто предложили Президенту нарушить Конституцию и издать Указ о роспуске Гарламента, а сам Президент 20 марта попытался реализовать эту рекомендацию, объявив, что указы и распоряжения Президента выше любых решений съезда и Верховного Совета. При этом Б. Ельцин не раз заявлял, что позиция большинства депутатов — это «позиция дешевого популизма и откровенной демагогии, дезорганизации сложных преобразований и в конечном счете восстановления тоталитарной советской коммунистической системы».

Оставив на совести авторов вопрос о допустимости подобных призывов и действий в демократическом государстве, посмотрим, насколько обоснованны претензии к Парламенту? Действительно ли съезд и Верховный Совет консервативны, действительно ли они представляют собой силу, способную вновь качнуть маятник исторического развития России до отказа «влево»?

Чтобы ответить на эти вопросы, следует, на наш взгляд, обратиться к недолгой, но бурной истории российского Парламента и проанализировать нынешнее соотношение партийных и фракционных сил (что, как будет показано ниже, не всегда совпадает). Но прежде о самих понятиях «левые» и «правые» в современной России, так как у нас на самом деле если не все наоборот, то, по крайней мере, многое не так, как на Западе.

Приблизительно до 1989 г. оценка тех или иных политических ориентаций в России (тогда еще в Советском Союзе) совпадала с общепринятой в цивилизованном мире: социал-демократы, социалисты и коммунисты признавались левыми; противники социалистической идеи в любых ее формах — правыми. Иначе говоря, как и во всем мире, критерием деления на правых и левых служило

отношение политических течений к идее социального равенства и, соответственно, ориентация на интересы общественных групп, выступающих в большей или меньшей степени либо его сторонниками, либо противниками.

Однако в 1989 г. эти общепринятые оценки общественных движений резко сменились на противоположные. В качестве ведущего, а зачастую единственного, ориентира на оси «право» — «лево» на словах было провозглашено отношение к демократии, а на деле — отношение к существовавшей тогда власти: левыми стали называть всех противников режима (и чем радикальнее, тем «левее»), правыми же — его сторонников.

Оставляя в стороне теоретические и социальные предпосылки такого сальто мортале, отметим лишь одно обстоятельство, в известной мере помогающее понять и ситуацию в Парламенте. Официальная пропаганда десятилетиями укрепляла в общественном сознании стереотип: лево — всегда хорошо, право — плохо. Теперь этот стереотип был использован против создавшего его режима. Вообще, ирония истории так называемой «второй русской революции» (точнее, реставрации) состоит в том, что «казарменно-коммунистические» идеи и представления сплошь и рядом используются для разрушения «казарменно-коммунистических» отношений. Последний пример — всеобщая ваучеризация, когда уравнильный раздел собственности будет иметь своим следствием скачкообразный рост социального и имущественного неравенства.

Испорченный политический компас облегчил новой элите (точнее, пополненному второму эшелону старой элиты) завоевание власти, но стал подводить при использовании властных полномочий. В результате началась «новая» переориентация, и ныне, весной 1993 г., все смешалось в отечественной политической пропаганде: на страницах одной и той же газеты, из уст представителей одной и той же партии или фракции Парламента те или иные политические движения называются то «левыми», то «правыми». Авторы данной статьи, как, уже надеемся, понял читатель, придерживаются общепринятого в политологии критерия деления политических течений на левые и правые.

Но вернемся к вопросу о российском Парламенте. Напомним, что идея двухступенчатого Парламента (Съезд — Верховный Совет) родилась в период перестройки и отражала объективную реальность переходного периода. В условиях рождавшегося многообразия социальных интересов и отсутствия классической многопартийной системы именно эта двухступенчатость позволяла (и позволяет, по нашему мнению, до сих пор), с одной стороны, учитывать доминирующие общественные настроения (за счет всего состава депутатского корпуса, работающего на местах), с другой стороны — законодательно обеспечить курс реформ (за счет работающего на профессиональной основе Верховного Совета).

Отражая вектор общественных настроений, Парламент России в первые два года своей деятельности шаг за шагом смещался вправо. В экономической сфере это проявилось в обосновании и законодательном закреплении курса на господство частной собственности, в политической — в передаче все новых и новых полномочий по управлению обществом от представительной власти к исполнительной под флагом разделения властей. В связи с этим уместно напомнить, что принцип разделения властей был сформулирован в период борьбы с абсолютной монархией. Считалось, что представительная власть — это власть,

отражающая интересы различных слоев народа, в то время как исполнительная — власть, представляющая правящую элиту. Разделение властей родилось, следовательно, из стремления ограничить власть элиты, ввести ее в законные рамки. Сейчас в России об этом забывают, и не случайно.

Свою, и немалую, долю ответственности несет Парламент России и за развал Советского Союза. Напомним, что именно I съезд народных депутатов принял «Декларацию о государственном суверенитете РСФСР», провозгласившую верховенство Конституции и Законов РСФСР над законодательными актами Союза; что Российская Федерация раньше западных стран признала в сентябре 1991 г. независимость Прибалтики; что Верховный Совет республики под аплодисменты ратифицировал Беловежские соглашения.

Результаты этих шагов хорошо известны. Проводимая новой правящей элитой политика неизбежно вела и продолжает вести к неуправляемому спаду производства, массовой безработице, обнищанию народа, разрушению всего хозяйственного механизма и, как следствие, к широкомасштабным социальным и межнациональным конфликтам. Под угрозой оказались не только перспективы оздоровления и реформирования экономики, но и демократические институты, целостность Российской Федерации.

В этих условиях в массовом общественном сознании все активнее стала намечаться «переоценка ценностей». Конечно, коренного перелома не наступило, но движение «вправо» если и не прекратилось, то, во всяком случае, резко замедлилось. Это не могло не сказаться как на деятельности Парламента в целом, так и на позиции отдельных его фракций.

В настоящее время в российском Парламенте насчитывается 15 политических фракций. Как уже отмечалось, фракции российского Парламента — совсем не то же самое, что фракции в парламентах развитых стран Запада (или развитых стран Востока).

Во-первых, они были созданы не перед выборами и не для них, а после выборов, задним числом, в большинстве случаев из бывших членов КПСС. В настоящее время большинство депутатов, входящих во фракции, беспартийны. Более или менее приближаются к однопартийности лишь фракции «Свободная Россия», которая объединяет членов Народной партии Свободной России, и «Коммунисты России». Довольно часто в рамках одной фракции сотрудничают депутаты, принадлежащие к партиям, отнюдь не находящимся в блоке, а иногда отмежевывающимся друг от друга. Например, в группе «Смена — Новая политика», по словам ее координатора О. Плотникова, состоят представители около десяти партий. Несмотря на провозглашение принципа, согласно которому каждый депутат может быть членом только одной политической фракции, некоторые сотрудничают в двух и более, а в начале деятельности Парламента находились даже такие, кто состоял одновременно в двух основных соперничающих фракциях: «Коммунисты России» и «Демократическая Россия».

Во-вторых, фракции весьма неустойчивы, постоянно происходят расколы, слияния и т. п. Ряд фракций, ярко заявив о себе на одном—двух съездах, сходят с политической арены («Объединенная фракция республиканцев и социал-демократов», «Гражданское общество», «Беспартийные депутаты») и на их месте появляются новые депутатские объединения (в конце 1992 — начале 1993 г.

зарегистрированы три новые фракции: «Родина», «Согласие ради прогресса» и «Свобода слова»). Численность фракций систематически меняется. Так, от фракции «Коммунисты России», которая первоначально насчитывала 355 депутатов, осталось на декабрь 1992 г. 68 депутатов. Среди покинувших эту фракцию и ныне, судя по официальным данным, числящихся в списке депутатов, не участвующих во фракциях, бывший Председатель Совета Министров РСФСР А. В. Власов, бывший секретарь ЦК КПСС Ю. А. Манаенков, другие бывшие партийные функционеры.

В-третьих, вследствие этих и других обстоятельств анализ результатов голосования членов различных фракций выявляет крайне низкие индексы групповой сплоченности. Исключение составляют, пожалуй, лишь «Демократическая Россия», «Радикальные демократы», отчасти «Коммунисты России», наиболее близкие к фракциям парламентских партий. Координаторы фракции «Демократическая Россия», подобно парламентским организаторам на Западе, регулярно анализируют результаты голосования своих членов и проводят с ними «разъяснительную» работу. Напротив, индексы групповой сплоченности в таких фракциях, как «Смена — Новая политика», «Россия», «Родина», сильно колеблются в зависимости от вопросов, по которым идет голосование.

В качестве примера можно привести результаты поименного голосования по президентскому проекту Постановления VII съезда «О стабилизации конституционного строя Российской Федерации»:

Напомним, что в качестве альтернативных на голосование выносилось еще два проекта — от редакционной комиссии съезда и от субъектов Федерации. При этом 72 депутата (из 934 принявших участие в голосовании), или 7,7%, проголосовали за все три проекта!

В-четвертых, большинство фракций до сих пор не имеют четких платформ. Программные установки многих фракций, особенно правого фланга политического спектра, были сформулированы еще в период борьбы с КПСС и отражали лишь самую общую ориентацию их деятельности. Многих депутатов объединяют не столько эти платформы, сколько симпатии к определенным политическим лидерам и сформировавшиеся уже личные связи.

Например, «Левый центр — Сотрудничество» — это фракция генерал-полковника Дмитрия Волкогонова. Поэтому многие военные депутаты, а также депутаты, оказавшиеся в комитетах соответствующего профиля, стали членами этой фракции, хотя по своим «кулуарным» позициям они гораздо левее либеральных устремлений своего лидера.

Приведем несколько сокращенных самохарактеристик фракций российского Парламента.

«Коммунисты России»

Группа создана 19 мая 1990 г. на I съезде народных депутатов РСФСР, еще до организационного оформления Компартии Российской Федерации. В программном заявлении отмечается, что эта фракция социалистической ориентации, выражающая и отстаивающая конкретные жизненные интересы различных слоев населения России: наемных работников умственного и физического труда, коллективных и индивидуальных производителей, источником доходов которых являются личный труд и собственность, а также студентов, пенсионеров, других малоимущих граждан. Группа ставит целью сохранять и развивать достижения

советской формы власти, соединяя ее преимущества с выгодами парламентаризма. Главной целью провозглашается создание социального строя, основанного на преобладании коллективной и индивидуальной собственности, на идеалах свободы личности и демократии, способного обеспечить справедливость и благосостояние для большинства россиян.

«Аграрный союз»

Фракция была создана до открытия заседаний I съезда народных депутатов РСФСР, зарегистрирована 17 мая 1990 г. как группа «Продовольствие и здоровье». По настоянию группы на I съезде был решен вопрос о списании задолженности с колхозов и совхозов, созван II (внеочередной) съезд, утвердивший программу возрождения российской деревни. На V съезде группа перерегистрировалась во фракцию «Аграрный союз». Основными целями и задачами фракция считает законодательную защиту агропромышленного комплекса России, утверждение подлинного приоритета АПК, законодательное развитие решений II съезда народных депутатов о возрождении российской деревни. Фракция выступает за многоукладность сельской экономики, равенство всех форм собственности, за право крестьянина самому выбирать форму собственности и хозяйствования.

Фракция «Россия»

Возникла осенью 1990 г. как альтернативная «Демократической России» и «Коммунистам России». Члены фракции выступили не с позиций России в границах РСФСР, а той России, которая складывалась на протяжении тысячи лет. Программные положения фракции:

1. Россия — суверенное государство, созданное многонациональным российским народом, обеспечивающее достойную жизнь каждому советскому гражданину, свободное развитие всех наций, их культур, традиций и обычаев.
2. Добровольный союз суверенных государств как единое экономическое, социальное и политическое сообщество.
3. Духовное и нравственное возрождение народа.
4. Рыночная экономика. Развитие всех типов и форм собственности, прежде всего народных предприятий.
5. Социальная защищенность и социальная справедливость.
6. Правовое государство. Самоуправление народа, верховенство закона, разделение властей, многопартийность.

«Смена — Новая политика»

Организационно оформилась еще до I съезда народных депутатов как группа политиков нового поколения. Вначале поддерживала движение «Демократическая Россия», позже выделилась организационно, затем идейно. На VI и VII съездах выступила с резкой критикой Правительства, требовала коррекции программы реформ и осуществления антикризисных мер. Своими целями декларирует:

1. Стабильное демократическое государство, основанное на разделении законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, разграничении полномочий между различными уровнями государственного управления и местного самоуправления.
2. Развитое гражданское общество.

3. Цивилизованный рынок.
4. Национально ориентированное и социально ответственное предпринимательство.
5. Приоритет прав личности над правами наций и государства.
6. Интегрирование республики в мировое сообщество.

«Свободная Россия»

Фракция возникла в апреле 1991 г. по инициативе А. Руцкого, первоначальное название — «Коммунисты за демократию». В своей деятельности руководствуется программными документами Народной партии «Свободная Россия». Фракция заявляет о поддержке радикальных реформ при обеспечении социальной защиты населения, о политическом союзе с Президентом, оставляя одновременно за собой право конструктивной критики, коррекции решений и методов деятельности Президента и Правительства.

«Демократическая Россия»

Фракция зарегистрирована 23 мая 1990 г. и представляет собой одноименное движение. Своими программными установками определяет:

1. Становление и развитие гражданского общества, приоритет прав личности перед интересами групп (классов).
2. Всемерное развитие и приоритет частной собственности в условиях свободной конкуренции. Последовательная поддержка мер по приватизации, освобождению государства от функций монопольного производителя, распределителя и собственника.
3. Решительное противодействие попыткам реставрации тоталитарного военного коммунистического режима, росту влияния неофашистских, националистических и прокоммунистических сил.
4. Установление верховенства норм международного права над нормами внутреннего законодательства, за исключением Конституции и конституционных законов.
5. Поддержка тех шагов Президента и Правительства, которые направлены на реальные широкомасштабные экономические, социальные и политические реформы.

Представленные программные документы дают возможность утверждать, что спектр провозглашаемых фракциями российского Парламента экономических и политических позиций охватывает ориентации, характерные для более или менее левой социал-демократии, правой социал-демократии, социал-либерализма, леволиберальные и ярко выраженные праволиберальные взгляды. Уже платформа ЦК КПСС к XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза, а еще более проект новой Программы КПСС были выдержаны в социал-демократическом духе. Социал-демократическая же партия Российской Федерации тяготеет, скорее, к социал-либерализму. И далее все политические течения как бы сдвинуты на одну ступень вправо.

В этих условиях традиционное деление на левых и правых не исчезает, но на первый план выдвигаются другие критерии, по которым различаются основные парламентские блоки.

Анализ расстановки политических сил в Парламенте позволяет выделить три

основные ориентации.

Во-первых, оппозиционный блок «Российское единство», объединяющий фракции «Отчизна», «Аграрный союз», «Россия», «Коммунисты России». Блок нельзя однозначно относить к «левым», в него входит широкий спектр политических объединений, от коммунистов до кадетов и христианских демократов.

Во-вторых, центристы, входящие в два блока: «Созидательные силы», объединяющий фракции «Смена — Новая политика», «Промышленный союз», «Рабочий союз — Реформы без шока» и «Демократический центр», в который вошли члены фракций «Левый центр — Сотрудничество», «Свободная Россия», «Суверенитет и равенство». Стратегические цели и практические действия этих двух блоков в настоящее время совпадают, хотя между ними и есть разногласия относительно глубины и формы предлагаемых изменений в осуществляемом Президентом и Правительством курсе реформ.

В-третьих, парламентская коалиция реформ, основу которой составляют «Радикальные демократы» и «Демократическая Россия». Хотя эта коалиция, образованная в апреле 1992 г. на основе индивидуального членства, на VII съезде не прошла перерегистрацию и формально перестала существовать, фактически она продолжает свою деятельность.

Вне стен Парламента эти политические направления поддерживаются, соответственно, объединенной оппозицией, «Гражданским союзом», блоком «Демократический выбор». С известной долей условности эти направления можно различать по следующим основным позициям.

Первое и главное — отношение к государственным интересам России. Блок «Российское единство» объединяет по преимуществу радикальных государственников, патриотов, а также национал-патриотов. Блоки центристских сил — умеренных государственников. Депутаты, входящие ныне в коалицию реформ, при наличии союзного Центра занимали ярко выраженную антигосударственную («антиимперскую») позицию. В настоящее время большая часть из них продолжает отождествлять государственническую позицию с «имперской» и при этом по-прежнему уповает на лозунг «Запад нам поможет». Меньшая часть пытается переосмыслить этот вопрос, что привело к созданию в Парламенте фракции «Согласие ради прогресса».

Катастрофические последствия разрушения Союза, ослабление хозяйственных связей между республиками в составе Российской Федерации, малый объем и неэффективность использования иностранной помощи, слепое следование Правительства рекомендациям МВФ привели к тому, что в обществе все яснее стала осознаваться необходимость опоры на собственные силы, интеграции республик СНГ. Это не могло не сказаться на депутатском корпусе, и позиции государственников, несомненно, укрепились.

Доказательством тому может служить, например, создание фракции «Родина», объединившей умеренно-правых государственников, которые прежде в большинстве своем входили в «Демократическую Россию». Еще более симптоматичны ностальгия по Союзу и стремление снять с себя ответственность за его разрушение, отчетливо прозвучавшие на VIII и IX съездах в речах не только Р. Хасбулатова, но даже и Б. Ельцина.

Второй критерий — отношение к методам и темпам преобразований. Именно к методам и темпам, потому что основное направление реформ — к рынку — оспаривается относительно редко.

В условиях России либерализация цен, а именно с этого начали Президент и Правительство, неизбежно вылилась в легализацию спекуляции как нового распределительного механизма, что, в свою очередь, привело к разорению основной части населения. Широко рекламируемая «приватизация через ваучеризацию», будучи по видимости разделом собственности, в действительности представляет собой ее передел и вследствие заниженной цены ваучеров позволяет обладателям торгово-бюрократического капитала купить предприятия даже дешевле, чем это можно было бы сделать напрямую, с аукционов.

Естественно, что в этих условиях коалиция реформ, выступающая за «шоковую терапию», жесткую монетаристскую политику, ускоренную приватизацию с упором на классическую частную собственность, минимальную («адресную») социальную защиту, стала утрачивать влияние в депутатском корпусе, «Российское единство» по этому поводу не имеет однозначной позиции, но в большинстве случаев ратует за восстановление государственного заказа и государственного регулирования экономики в переходный период, за приватизацию с широкими правами трудовых коллективов и более постепенную, более высокий уровень социальной защиты для малообеспеченных, хотя бы и ценой инфляции. Блок центристских сил занимает промежуточную позицию, как правило, акцентируя интересы производителей.

Таким образом, суть разногласий в Парламенте состоит не в том, двигаться или нет дальше по пути реформ (как пытаются представить дело Президент и его команда), а в выборе между неолиберальной и социально ориентированной (социал-демократической) моделями рыночной экономики. Число сторонников последней действительно увеличилось, о чем свидетельствуют цифры опроса народных депутатов в период VII съезда.

На вопросы анкеты ответило 317 депутатов, представляющих все парламентские фракции, что позволяет говорить о достаточной степени представительности полученных данных.

Третий критерий, по которому могут быть выявлены различия между основными парламентскими блоками, состоит в их отношении к демократии вообще, к конституционности и законности — в частности. И особенность нынешней ситуации состоит в том, что те, кого в России обычно называют демократами, действительно имели некоторые основания на это почетное наименование пока находились в оппозиции, когда страна переживала полосу демократического романтизма.

Символом романтических иллюзий этого периода, пожалуй, может служить требование народного депутата СССР Б. Ельцина образца 1989 г. ежегодно проводить референдумы о доверии политическому лидеру страны (тогда им был М. Горбачев).

В настоящее время, однако, ситуация поменялась коренным образом: именно из рядов «Демократического выбора» то и дело раздаются требования об установлении «просвещенного» авторитаризма, а депутаты, принадлежащие к

коалиции реформ, регулярно голосуют за дополнительные полномочия Президенту, а при случае — за роспуск или приостановку деятельности Советов. Аргументация такой позиции имеет, конечно, чисто идеологический характер — Советы клеймятся как «гнезда партократии». Символом нового этапа политической истории России, связанного с поворотом к авторитаризму, может служить заявление все того же Б. Ельцина, но теперь уже Президента Российской Федерации, о том, что снять его с должности может только Господь Бог,— заявление, свидетельствующее, что от прежнего имиджа демократического романтика не осталось более ничего.

Впрочем, дело в данном случае отнюдь не сводится к смене оппозиционной политической роли на властную. Корень проблемы глубже. Как известно, именно правым либералам досталась в России роль революционеров, разрушающих прежнюю систему, так сказать, «до основанья, а затем...». И как бы ни ругала нынешняя печать марксистов, жизнь в данном случае показывает их правоту: наиболее вероятным типом политического режима при смене общественных отношений является, конечно, авторитарный.

Надо иметь в виду — и в этом особенность российского политического спектра по сравнению с западным,— что сторонники жесткой власти, «железной руки» и т. п. как в стране, так и в Парламенте имеются у нас не только на краях политической палитры, но также и среди течений, более или менее близких к центру. Однако, во-первых, среди центристов их значительно меньше; во-вторых, оказавшись в оппозиции, бывшие приверженцы псевдокоммунистического авторитаризма активно используют те же антиавторитарные лозунги, которые некогда привели к власти «Демократическую Россию»; в-третьих, благодаря «своему» Президенту, формирующему «силовые» структуры исполнительной власти, именно бывшие демократы, как никто другой, располагают возможностями реализации своих новых авторитаристских тенденций и поэтому превратились в главную угрозу для демократии в России. Впрочем, подобными метаморфозами мировую политическую практику не удивишь. Достаточно напомнить, что прогрессивный либерал Клинтон, став Президентом, активно вмешивается в политическую ситуацию в России на стороне своего коллеги, тогда как ярко выраженный консерватор Киссинджер предупреждает Правительство США об опасности такого вмешательства.

Излишне говорить о том, что эта новая ситуация не только не фиксируется российскими средствами массовой информации, но в их кривом зеркале выворачивается наизнанку. Так, стоило Председателю Верховного Совета Р. Хасбулатову предложить альтернативную правительственную программу экономической реформы, предполагающую большую роль государства, как он тотчас был обвинен в том, что пытается вернуть Россию к временам тоталитаризма, и, естественно, в измене демократии. Вообще в России сначала «отлучили» от демократии коммунистов (среди которых есть, безусловно, разные группы), затем социалистов, социал-демократов, а в последнее время «отлучают» и умеренных либералов. Если бы движение «маятника» вправо продолжалось, от демократии, не исключено, были бы «отлучены» Б. Ельцин и Е. Гайдар, а «истинными демократами» предстали бы только сторонники восстановления династии Романовых.

Четвертая позиция, разъединяющая политические блоки, характеризует их

отношение к социальным группам, составляющим новую экономическую и политическую элиту. Если блок созидательных сил вообще, а «Промышленный союз» в особенности, ориентируются на так называемый «директорский капитализм», на то, чтобы преимущественное положение среди новых собственников заняли бывшие руководители, прежде всего хозяйственные, то коалиция реформ, провозглашающая себя приверженцем либерального капитализма, на самом деле обеспечивает большую свободу нуворишам — новым предпринимательским структурам в значительной степени криминального характера. Впрочем, финал в обоих случаях будет одинаков — криминально-бюрократический капитализм. В одном варианте более бюрократический и менее криминальный, в другом — наоборот. Думаю, в этом аспекте борьба блоков будет ослабевать, а единство — нарастать. И закончится дело сращиванием теневого и бюрократического капиталов, как это происходило во многих странах третьего мира. Правда, правая часть «Российского единства» и блок созидательных сил отдают предпочтение национальному предпринимательству, а коалиция реформ сознательно или неосознанно работают в интересах компрадорского капитала. Поэтому с точки зрения экономического будущего страны победа линии «Промышленного союза» представляется меньшим злом.

Подведем некоторые итоги. Совершенно очевидно, что кочующие по страницам печати, волнам эфира и телеэкрана обвинения съезда народных депутатов России в антиреформизме и коммунистическом тоталитаризме представляют собой политические агитки не слишком высокой пробы. Во-первых, среди народных депутатов в настоящее время почти не осталось ортодоксальных коммунистов. Преобладают же в Парламенте правые социал-демократы, либералы и псевдолибералы разных мастей. Во-вторых, до недавнего времени съезд и Верховный Совет не только не мешали попыткам проведения экономических реформ по рецептам неоконсервативной чикагской школы, но, напротив, дали под эти реформы чрезвычайные полномочия Президенту. В-третьих, из истории хорошо известно, что угроза установления тоталитарного или авторитарного режима исходила, за крайне редким исключением, не от представительной, а от исполнительной власти. Представительная власть чаще всего и выступала как основа демократии. Несмотря на все реальные и мнимые недостатки нынешнего съезда народных депутатов России, это утверждение относится и к нему. Действительные же пороки Парламента, позволившие политическим лидерам в большинстве случаев успешно им манипулировать и сделавшие его соавтором политической трагедии страны, во многом связаны с его квазифракционной структурой, о которой подробно говорилось выше.

Совершенно очевидно, что в ближайшем будущем создание в российском Парламенте фракций по типу развитых стран Запада практически невозможно. Идея о том, чтобы разбиться, наконец, на коммунистов, социалистов, социал-демократов, либералов и неоконсерваторов, не раз высказывалась в парламентских кулуарах, в том числе и автором, однако не находила поддержки. Приверженность лидерам и личным связям оказывалась сильнее. Видимо, псевдофракционная структура российского Парламента будет сохраняться до самого конца, облегчая манипулирование им и ослабляя левый фланг политического спектра.

Но и после новых выборов, которые представляются необходимыми, вряд ли

можно ожидать возникновение Парламента с небольшим числом партийных фракций. Наиболее вероятный вариант — Парламент польского типа с множеством микрофракций, не способный принять сколько-нибудь кардинальных решений. Множество мелких враждующих парламентских группировок позволяет исполнительной власти бесконтрольно проводить собственную линию и при этом, во-первых, сохранять легитимность, а во-вторых, списывать провалы экономической и социальной политики на мешающий ей Парламент, превращая его в «козла отпущения» и объект ненависти широких слоев народа. В случае необходимости это даст возможность ввести «по просьбам трудящихся» авторитарный режим.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА IV СЪЕЗДЕ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ РСФСР

21 МАЯ 1991 г. *

- Опубликовано: Четвертый съезд народных депутатов РСФСР. 21—25 мая 1991 года. Стеногр. отчет. Т. 1.— М.: Издание Верховного Совета РСФСР, 1991. С. 80—82

Уважаемые Уважаемые коллеги! Безусловно, вопрос, который мы сегодня обсуждаем,— один из важнейших. Я не был поклонником президентской власти ни тогда, когда она вводилась в Союзе, ни тогда, когда она вводилась в России. Но теперь прошел референдум, и вопроса, вводить ли президентство в России, больше нет. Воля народа выражена однозначно: Президент в России будет. Вопрос только в том, каким будет этот Президент.

Я должен сказать, что концепция закона, который принят Верховным Советом, в целом меня устраивает. Вместе с тем при всем уважении к Верховному Совету мне представляется, что Закон «О Президенте РСФСР» не свободен от серьезных недостатков. На один из этих недостатков я уже указал, когда задавал вопрос уважаемому Сергею Михайловичу Шахраю. Действительно, приостанавливая членство будущего Президента в любой политической партии, мы не заботимся о том, чтобы он не занимался коммерческой деятельностью. В принципе, не нарушая Конституцию и закон, наш Президент может стать, скажем, банкиром или заодно президентом какой-либо компании, что запрещено во всех цивилизованных странах. Объяснения уважаемого Сергея Михайловича Шахрая меня не вполне убедили, поэтому мне представляется, что поправка к статье 1 законопроекта абсолютна необходима.

Посмотрим теперь на статью 8, которая предусматривает, что съезд или Верховный Совет Российской Федерации может отменить указы и распоряжения Президента лишь по представлению Конституционного Суда. Однако хорошо известно, что бывают решения, вполне законные с точки зрения права, но неверные по существу. Например, недавнее применение войск в Баку, видимо, законно, но я совсем не уверен, что оно правильно. В таком случае ни Верховный Совет, ни съезд народных депутатов исправить ошибку не смогут. Надо обязательно в статью добавить, что отменять решения, распоряжения и указы Президента Верховный Совет может и по заключению Конституционного Суда.

Обратимся далее к статье 5, пункту 5. Этот пункт представляется мне

неприемлемым, потому что он почти полностью выводит Правительство из-под контроля Верховного Совета. Депутаты смогут повлиять на Правительство практически два раза за пять лет. Один раз, когда дадут согласие о назначении премьера, второй раз, когда дадут такое же согласие на отставку Правительства. Наш Парламент в этом случае превратится по преимуществу в Гайд-парк. Случись, скажем, новое дело о каких-нибудь новых миллиардах, депутаты не смогут отправить в отставку провинившегося министра, если этого не захочет Президент.

Мне кажется, что при наших генсековских традициях снимать контроль с исполнительной власти очень опасно, мы можем легко получить новый вариант авторитарного режима.

Поэтому я призываю всех, кто действительно заботится о демократии в России, о ее демократическом будущем, не принимать некоторых положений Закона. Мне представляется, что надо поручить соответствующей редакционной комиссии принимать поправки к законопроекту и Конституции, надо провести нормальное по-статейное обсуждение. Если уж мы приняли неудачное решение: сначала Закон, а потом Конституцию, то в постановлении надо было лишь в основном одобрить концепцию Закона, а затем внести в него изменения, которые пройдут в Конституцию, и только по-статейно.

И последнее — о сроке. Конечно, 22 дня от регистрации кандидата до выборов Президента — это слишком мало, это ненормальная гонка. Она ставит известных кандидатов (в данном случае это наш Председатель, а также бывший премьер Союза) в неравное положение с кандидатами менее известными. Уже много раз говорилось на съезде о кризисе лидерства. А президентские выборы — это хороший путь для выявления новых лидеров. Жаль, что авторы законов, стремясь ослабить и без того слабую конкуренцию, лишили Россию такой возможности. Поэтому, мне кажется, что, по крайней мере на будущее, в Законе надо было бы указать, что от регистрации кандидатов до выборов должно пройти не менее трех—четырёх месяцев, как в цивилизованных странах. Я заканчиваю. Прошу учесть эти предложения и нормально, спокойно принять Закон о президентстве на этом съезде. Спасибо за внимание.

МИФЫ ПЯТОГО СЪЕЗДА *

* Опубликовано: Вечерний Омск.— 1991.— 9 августа. С. 1—2

Отшумел торжественный акт приведения к присяге первого Президента Российской Федерации. Отзвучали холостые выстрелы политических батальонов V съезда российских депутатов. И хотя съезд не завершен, а всего лишь прерван, время, как говорится, собирать камни.

Объективный политологический анализ результатов (точнее, причин безрезультативности) съезда необходим, тем более что революционные моменты человеческой истории всегда отличаются обилием мифов. Старая мифология

содержится больше, чем в прежних, но отнюдь не всегда. Эти новые мифы частью возникают потому, что люди не могут с абсолютной достоверностью предсказать, какой именно вариант исторического развития их ожидает после рушится, на смену ей приходит новая. Как правило, в новых мифах зерен истины завершения революции, и заменяют недостаток знания гаданиями, пророчествами и т. п. Частью же мифы создаются сознательно борющимися политическими силами, причем чем более общественное сознание отвернулось от старых мифов, тем скорее оно склонно верить новым, особенно если они имеют правдоподобный вид. Не зря говорится: лучшие сорта лжи приготавливаются из полуправды.

Но довольно общих замечаний. Обратимся теперь к богатой мифологии, которую породили ход и исход V съезда народных депутатов России.

Полумиф первый: причина безрезультативности съезда — великорусский национализм. Другими словами, основной кандидат — Руслан Хасбулатов — не получил большинства голосов, поскольку по национальности он не великоросс. Легко догадаться, что авторы версии — депутаты от северокавказских республик, которые на встречах с кандидатом ставили вопрос ребром: поскольку Президент — русский, вице-президент — тоже, место Председателя Верховного Совета должно принадлежать человеку нерусской национальности. Нередко говорилось прямо: «Вы должны отдать это место нам!»

Думаю, национальный аспект выборов Председателя не то, чтобы целиком выдуман, но, мягко говоря, сильно преувеличен. Возможно, он играл какую-то роль для небольшой части депутатов с невысоким общекультурным уровнем. Вероятно, если бы выборы Председателя были превращены в общенародные, как предлагали некоторые депутаты, роль этого фактора была бы весьма значительной. Однако объяснять национальностью претендента недобор им 120 с лишним голосов, необходимых для избрания, конечно, несерьезно. Кто-кто, а депутаты хорошо знают Руслана Хасбулатова как противника сверхсуверенизации республик в составе РСФСР, как сторонника единой и неделимой Российской Федерации. В конце концов, как показала история, именно обрусевшие инородцы могут стать более твердыми, нежели великороссы, проводниками идей российской «державности».

Таким образом, национальный фактор не столько мешал избранию Хасбулатова, сколько использовался его сторонниками как средство дополнительного морального воздействия. Ведь хорошо известно, что уважение к людям другой национальности на протяжении многих десятилетий является одной из наиболее характерных черт русской демократической интеллигенции. Так что «национальная гипотеза» — это даже не полу-, а, скорее, чертвертьправда.

Мы заметно приблизимся к правде, если к национальному фактору добавим личностный. Вспомним хотя бы диалог Руслана Хасбулатова и Сергея Шахрая, когда на обвинение в расколе демократических сил Шахрай жестко ответил, что дело не в раскольниках, а в кандидатуре. Действительно, при всем своем уме, силе характера и работоспособности Руслан Хасбулатов обладает и качествами, способными оттолкнуть даже принципиальных союзников. Иллюстрацией может служить следующий эпизод.

В последний день работы съезда Комиссия по соблюдению регламента в лице депутата Г. Задонского (кстати, известного деятеля блока «Демократическая

Россия») сделала первому заместителю Председателя Верховного Совета обоснованное замечание за нарушение процедурных норм. Реакция была столь же быстрой, сколь и недемократичной: Руслан Хасбулатов пригрозил Задонскому поставить на голосование вопрос о доверии Комиссии по регламенту. Этот случай, отнюдь не единичный, проливает свет на то, почему часть депутатов блока «Демократическая Россия» упорно вычеркивала обоих основных претендентов, а некоторые голосовали за Сергея Бабурина.

Уверен: личностный фактор сыграл в избрании Председателя Верховного Совета РСФСР значительно большую роль, чем национальный. Однако в споре Сергея Шахрая и Руслана Хасбулатова ближе к истине был все же последний: дело не столько в кандидатуре, сколько в расколе блока. Но об этом речь ниже.

Полумиф второй: съезд блокировала оппозиция, т. е. группы, выдвинувшие или поддержавшие кандидатуру Сергея Бабурина («Россия», «Аграрный союз», «Коммунисты России», «Отчизна»). Согласно этой версии, именно оппозиция не желала идти на компромиссы, тогда как правящий блок «Демократическая Россия» был к ним готов. «Упрямые» факты, однако, говорят об ином.

Во-первых, в условиях, когда голоса депутатов на съезде разделены примерно поровну, а соглашение о коалиционном руководстве не достигнуто, любой из кандидатов мог победить лишь с очень небольшим перевесом. В такой ситуации блокировать выборы способны всего лишь несколько десятков депутатов, что и происходило на практике. Действительно, несложные подсчеты показывают, что 5 человек, получив избирательные бюллетени, регулярно уносили их с собой, так сказать, «на память», а от 53 до 90 — вычеркивали обоих основных претендентов, когда те в очередной раз оставались вдвоем. Как скоро увидит читатель, в большинстве это были депутаты не парламентской оппозиции, которая поддерживала Бабурина, а правящего блока «Демократическая Россия». Цели такой линии не обнародовались, но в коридорах и курилках о них говорили открыто. Чаще всего о том, что нужно перенести выборы на осень, а за это время либо найти другую, более подходящую кандидатуру, либо оказать давление на несговорчивых, угрожая отзывом. Некоторые же хотели как можно больше дискредитировать съезд, чтобы быстрее его распустить.

Одно такое предложение было сделано с трибуны бывшим «радикальным демократом» (как сам он себя называл) В. Мироновым. Он предлагал распустить съезд народных депутатов и передать всю полноту законодательной и исполнительной власти Президенту Российской Федерации. Несмотря на неоднократные повторения, это предложение на голосование не было поставлено, а жаль: ведь тогда бы мы узнали, сколько российских депутатов жаждут авторитарного режима (попросту говоря, полудиктатуры) и в каких политических группах они находятся.

Во-вторых, компромисс, соглашение о дележе власти между парламентскими блоками действительно могли стать выходом из тупика. Однако винить в несговорчивости и упрямстве одну лишь политическую оппозицию было бы несправедливо. Пусть читатель обратит внимание на следующие факты.

1. Идею «большой коалиции» (т. е. выдвижение в Президиум представителей различных политических групп) на V съезде первым высказал Сергей Бабурин. Но Руслан Хасбулатов ясно дал понять, что в замык Бабурина не пойдет и будет либо

Председателем Верховного Совета России, либо профессором на кафедре. По крайней мере, таково было публичное заявление.

2. Сергей Бабурин лидировал на протяжении всего выборного марафона с разницей от 3 до 103 голосов. Но Руслан Хасбулатов лишь под занавес предложил ему место первого заместителя, да и то без гарантий и с многочисленными оговорками, затрудняющими создание коалиции.

3. Перед последним туром выборов Сергей Бабурин дал понять, что готов работать там, куда его выберет съезд, иначе говоря, и первым замом у Хасбулатова в том числе. Связку «Хасбулатов — Бабурин» поддержал Президент России Б. Ельцин, заявив, что это была бы очень хорошая пара. Однако вслед за тем выступил координатор группы «Россия» Н. Павлов и, выражая позицию части группы, заявил, что если Бабурин пойдет в заместители Хасбулатову, он, Павлов, не подаст ему руки. Кандидат оппозиции оказался, таким образом, заблокирован своей собственной группой. В ответ такой же ультиматум Хасбулатову был предъявлен одним из депутатов группы «Демократическая Россия». Крайности сомкнулись к удовольствию всех, кто хотел бы убедить народ в недееспособности съезда.

4. Наконец, под самый занавес съезда Сергей Бабурин сделал заявление, что постарается убедить своих сторонников не выдвигать больше его кандидатуру, но поздно. Руслан Хасбулатов расценил заявление своего соперника как слабость, однако, скорее, это была последняя попытка остановить падение престижа съезда народных депутатов России в общественном мнении и открыть дорогу избранию Председателя Верховного Совета.

Итак, сам Сергей Бабурин и большинство его сторонников были готовы к компромиссу не в меньшей, а в большей степени, нежели противники. Блокировали же съезд «непримиримые» «фундаменталисты» всех мастей из самых различных политических групп.

Полумиф третий, и главный: Руслан Хасбулатов — кандидат демократических сил, Сергей Бабурин — «Старой площади». Эта версия выглядит тем более правдоподобной, что Руслана Хасбулатова действительно выдвинула группа «Демократическая Россия» и поддержало большинство других групп, входящих в блок с таким же названием. Напротив, среди тех, кто поддерживал Сергея Бабурина, значится и группа «Коммунисты России». Все так, да не совсем, а может быть, и совсем не так.

Начнем опять с цифр. В первом туре выборов приняли участие пять кандидатов, получивших следующее количество голосов: Сергей Бабурин — 435, Руслан Хасбулатов — 342, Сергей Шахрай — 124, Владимир Лукин — 71, Василий Аржанников — 4. Сложив голоса последних четырех кандидатов, принадлежащих к блоку «Демократическая Россия», получаем 541 — вполне достаточно для победы во втором туре. Однако Руслан Хасбулатов набирает в этом туре 387 голосов против 485 у Бабурина. При этом 96 депутатов блока «Демократическая Россия» активно или пассивно бойкотируют выборы, а 50 даже предпочитают Бабурина Хасбулатову.

Вывод очевиден: блок «Демократическая Россия» по вопросу о кандидатуре на пост Председателя раскололся, Руслан Хасбулатов — кандидат не всего блока, а его основной части (около 75%).

Замечу, кстати, что раскол «Демократической России» — явление закономерное и предсказанное мною более года назад по опыту польской «Солидарности». Разница лишь в том, что «Солидарность» сначала взяла власть на всех уровнях, а потом начала делиться, тогда как «Демократическая Россия» правит пока лишь на республиканском уровне и в некоторых городах, в Союзе же и в большинстве областей выступает в качестве оппозиции. Иными словами, раскол начался несколько преждевременно. Впрочем, фактором, скрепляющим блок, по-прежнему остается его отношение к коммунистам и другим более или менее левым течениям.

В каких же депутатских группах следует искать «отступников», «белых ворон», нарушивших блоковую дисциплину? С трибуны съезда и в радикальной прессе в «измене» обвинялись две партии: Демократическая партия России (партия Травкина) и Социал-демократическая партия Российской Федерации. О последней было публично заявлено, что социал-демократы — почти такие же «бьяки», как и коммунисты, разве что парткомов не имеют. Как уже упоминалось, Руслан Хасбулатов обвинил в раскольнической деятельности Сергея Шахрая.

Основанием для упреков Демократической партии России и Николая Травкина послужило его резкое выступление на съезде, в котором и Хасбулатов, и Шахрай были обвинены, мягко говоря, в двойственности: поскольку они, с одной стороны, радикальные демократы, а с другой — члены КПСС, за их политические «грехи» отвечать будет некому. В случае чего радикальные демократы скажут, что они — члены КПСС, а КПСС — что они радикальные демократы.

Судить не берусь, насколько достоверна информация о поддержке Сергея Бабурина Демократической партией России и социал-демократами. Лидер последних О.Румянцев, по одной версии, рассказанной очевидцами, демонстративно уносил со съезда бюллетени для голосования, не желая поддерживать никого из кандидатов. Отмечу лишь в порядке курьеза политическую ситуацию, достойную пера Жванецкого: в Москве радикальные депутаты и газеты обвиняют социал-демократическую партию в поддержке Сергея Бабурина, а в Омске отделение той же партии пытается организовать его отзыв!

Приведу некоторые малоизвестные факты, проливающие дополнительный свет на поставленный выше вопрос о нарушителях блоковой дисциплины.

1. По свидетельству депутата М. М. — члена Комитета по правам человека, — часть либеральных депутатов этого комитета, возглавляемого С. А. Ковалевым, голосовала за Сергея Бабурина.

2. Депутатская группа «Смена — Новая политика» распространила на съезде документ, смысл которого состоял в критике руководства Верховным Советом со стороны Хасбулатова. Автор этих строк стал невольным свидетелем того, как координаторы этой группы предлагали Сергею Бабурину свою поддержку в обмен на отказ от того, чтобы в случае победы сделать Хасбулатова первым замом. Бабурин не согласился, считая, что за Хасбулатовым стоит большинство депутатов от республик в составе России, и тем самым лишил себя шанса быть избранным.

3. Координатор группы «Левый центр» С. С., выступая перед группой «Россия», предлагал снять с голосования обе кандидатуры. Однако он настаивал на том, чтобы Сергей Бабурин выдвигался до тех пор, пока «не снимется» Руслан Хасбулатов. Депутат той же группы, ленинградский рабочий и бывший социал-демократ Б. Б. активно агитировал депутатов против обеих кандидатур с тем,

чтобы открыть дорогу третьей — Юрию Ярову.

4. Депутат В. Пименов с трибуны объявил о разрыве с группой радикальных демократов после того, как она отказалась официально поддержать кандидатуру Хасбулатова.

Таким образом, депутаты блока «Демократическая Россия», не поддержавшие Хасбулатова, представляют по преимуществу группы «Смена», «Левый центр», «Российский союз» и «Радикальные демократы». Это те, кто выдвигал кандидатуры Лукина, Шахрая, а затем Ярова.

Но главное, конечно, не в том, что кандидатуру Руслана Хасбулатова поддержали отнюдь не все «демороссы». Более важно другое: ее поддержали влиятельные круги в ЦК КПСС.

Когда на съезде об этом первыми заговорили депутаты отколовшейся части «Демократической России», я высказал серьезные сомнения. Действительно, эта информация могла быть следствием а) желания оправдать позицию «раскольников»; б) стремления дезориентировать часть депутатов-руководителей, привыкших выполнять указания сверху; в) обоих этих стремлений вместе. Однако вскоре была получена достоверная информация о том, что высокопоставленный работник ЦК КПСС В. Б. предлагал Сергею Бабурину снять свою кандидатуру и перенести выборы на осень, а секретарь ЦК КПСС Ю. М. требовал, чтобы коммунисты голосовали за Хасбулатова, поскольку надо следовать договоренности между М. Горбачевым и Б. Ельциным.

Точки над «і» расставил сам Руслан Хасбулатов, который дал ясно понять, что в связи с переговорами между центром и Россией, а также и с ЦК КПСС РСФСР было достигнуто соглашение о кандидатурах на посты руководителей Верховного Совета РСФСР (но это значит, что и о его собственной кандидатуре тоже). Однако, воспользовавшись расколом в «Демократической России», руководители коммунистов соглашение не выполнили. Прибавлю к этому, что сам Руслан Хасбулатов — член КПСС и официально поддержан группой «Коммунисты за демократию».

Оставим в стороне вопрос о том, насколько этично заключать соглашения за спиной депутатов, которые узнают о них лишь к концу съезда, да к тому же эти соглашения не выполнять. К подобного рода «аппаратным играм» мы в своем Отечестве, увы, приучены. Обратим внимание на другое: приведенные факты представляют борьбу народных депутатов на съезде в совершенно ином свете. Руслан Хасбулатов оказывается общим кандидатом политических сил, стоящих за двумя Президентами — Б. Ельциным и М. Горбачевым, иначе говоря, единым кандидатом доминирующих структур блока «Демократическая Россия» и «Старой площади» (ЦК КПСС). Все это подтверждает известное заявление советника Президента Александра Яковлева о том, что М. Горбачев и Б. Ельцин — это не антиподы, не противостоящие друг другу фигуры, что в принципе они проводят одну и ту же линию.

Но чей же в таком случае кандидат Сергей Бабурин, какие силы его поддержали? Очевидно, это весьма пестрый политический блок, который включает:

коммунистов, которые либо не знали о соглашении между президентскими «командами», либо не подчинились им. Вероятно, они были поддержаны

руководством Компартии РСФСР, хотя Сергей Бабурин был в числе нескольких депутатов — членов КПСС, подписавших резкое письмо с критикой как М. Горбачева, так и И. Полозкова;

беспартийных с более или менее левой политической позицией. Таких сравнительно много в группе «Россия»;

очень небольшую часть членов блока «Демократическая Россия», которые либо недовольны лично Хасбулатовым, либо опасаются, что сосредоточение всей власти в руках одной политической группы приведет к новому авторитаризму. Для того, чтобы показать, что такая позиция действительно существует, процитирую по памяти высказывание депутата М. В., весьма правого и притом весьма умного человека: «Я раз за разом голосую за Хасбулатова, но хорошо понимаю, что за этой командой нужен глаз да глаз. Поэтому было бы неплохо, если бы Бабурин оказался первым замом».

Наконец, миф четвертый: избрание Сергея Бабурина остановило бы реформы в Российской Федерации, связало руки исполнительной власти в лице Б. Ельцина и И. Силаева. Здесь мы имеем дело с самой обыкновенной «агиткой», весьма далекой от реальности.

Во-первых, Сергей Бабурин не противник, а сторонник реформ, но несколько иного толка, чем те, что предлагает «Демократическая Россия». Судя по статьям и программному заявлению на съезде, его разногласия с лидерами «Демократической России» состоят не в том, проводить или не проводить реформы, а в том, какие и как проводить. Иначе говоря, борьба на съезде шла не между реформаторской и антиреформаторской линиями, а между кандидатами, выступающими за разные варианты реформирования страны.

Во-вторых, нельзя забывать о том, что российский съезд и Верховный Совет уже приняли основные постановления и законы, определившие направление экономической реформы. Отменить их при существующем раскладе сил практически невозможно. Кроме того, принятый Закон и конституционные поправки делают Президента и Правительство России весьма мало зависимыми от Верховного Совета. Социал-демократ О. Румянцев справедливо назвал этот вариант президентской власти смесью французской и латиноамериканской систем. Даже если бы Парламент захотел «связать» руки Президенту, сделать это было бы весьма затруднительно.

В-третьих, и главное: нельзя не видеть, что Верховный Совет Союза, возглавляемый А. Лукьяновым, и Верховный Совет России, возглавляемый Б. Ельциным и Р. Хасбулатовым, принимают, в принципе, однотипные экономические законы, различающиеся преимущественно в деталях. Борьба идет главным образом по вопросу распределения власти: и союзные, и республиканские структуры стремятся замкнуть на себя побольше управленческих функций. Однако в главном направление реформ совпадает: все мы движемся туда, куда несет нас «рок событий», а именно вправо. Почему так происходит — отдельный и большой вопрос. Но совершенно ясно: даже если бы Сергей Бабурин, собрав сотню таких же, как он, молодых и способных депутатов, попытался остановить реформы, он был бы раздавлен «колесом истории». Поэтому его заявление на съезде о том, что вектор реформ задан и речь может лишь идти о некоторой корректировке, было совершенно справедливым. Удалась ли бы такая корректировка, смог ли бы вообще

Сергей Бабурин справиться с разношерстным и бурным российским съездом — это уже вопрос другой, выходящий за рамки этой статьи.

В заключение о перспективе. Их три.

Первая — большая коалиция в варианте связки, предложенной Ельциным (Хасбулатов — Бабурин), — вероятно, лучший из возможных вариантов. Однако шансы на его реализацию не слишком велики: напомним, что на съезде за такую связку проголосовали около 490 депутатов.

Вторая перспектива — «размен ферзей»: оба главных кандидата «снимаются» и проходит «темная лошадка». Такой вариант более вероятен, но он имеет два минуса: выход из игры явных лидеров и сравнительно невысокий авторитет Председателя Верховного Совета.

Перспектива третья — продолжение блокировки съезда. Вариант наиболее опасный, ибо создается соблазн реализации предложений в духе депутата Миронова: передать всю власть Президенту, распустив представительные органы. При нашей политической культуре это может быть даже поддержано широкими слоями народа, но, безусловно, будет означать конец демократии.

На вопрос о том, хватит ли у депутатов политической гибкости и здравого смысла, ответит только осень.

ПРИВЕТ, ДЕМОКРАТИЯ! *

Опубликовано: Омское время. Приложение к газете «Коммерческие вести». — 1992. — № 0

Теперь пришло время рассказать о том, как и почему на V съезде депутатов России победила линия чрезвычайщины и демократия в республике была основательно урезана.

Вообще говоря, ничего неожиданного в этом нет. Специалистам хорошо известно, что революции, меняющие тип общественной системы, в абсолютном большинстве случаев, если не всегда, сопровождаются авторитарными режимами: от сравнительно мягких до чисто диктаторских. К тому же многие отечественные политики, боровшиеся за власть под лозунгом демократии, получив ее, стали требовать «административного насилия», «железной руки», «демократической диктатуры» (все выражения принадлежат Гавриилу Попову). Теперь эти требования стали реальностью. Тем самым была подтверждена справедливость утверждения, что Россия живет вопреки Гегелю: здесь все неразумное — действительно, а все действительное — неразумно. Каждое новое правительство жалуется на недостаток власти, но как только получает ее в избытке, выясняется, что не хватало ему совсем другого. Думаю, читатель догадывается, чего именно.

Съезду были предложены от имени Президента два проекта постановлений, в которых за обычными с виду юридическими формулами скрывался по существу переворот во всей системе власти и в методах политического управления. Один из проектов предусматривал запрет на проведение выборов до 1 декабря 1992 г., за небольшим исключением, и вместо этого назначение Президентом всех руководителей исполнительной власти, вплоть до районного уровня. Учитывая уже упоминавшийся «синдром девичьей памяти», которым поражено наше общество,

хочу напомнить: когда полтора года назад Борис Гидаспов, имеющий репутацию архиконсерватора, предложил Президенту Горбачеву назначить в края и области своих представителей, у тогда еще демократов это вызвало бурю возмущения, а Гидаспова объявили сторонником диктатуры. Теперь представители Президента — уже реальность. Идет назначение глав местной администрации, но об угрозе диктатуры почти никто не вспоминает. Видимо, опять «Юпитеру» позволено то, что не позволено «Быку».

Второй проект давал право Президенту издавать Указы, противоречащие российскому законодательству, и если Верховный Совет в 7-дневный срок не успеет приостановить или отменить эти Указы, они автоматически становятся Законами. В перерывах между сессиями Верховного Совета его функции в этом отношении возлагались на Президиум. Кроме того, любые законопроекты по вопросам экономики и управления российской Парламент имел право рассматривать только по представлению Президента или по согласованию с ним. Иначе говоря, вся система власти переворачивается с ног на голову: Президент становится главным законодателем, а Верховный Совет превращается в своеобразный Конституционный Суд, которому остается лишь решать, мириться или не мириться с незаконными Указами Президента. Что в этой ситуации остается на долю Конституционного Суда — ведомо одному Богу.

В нормальном парламенте такие законопроекты вызвали бы бурю. У нас же как бывшие коммунисты, так и бывшие демократы в большинстве своем спокойно «проглотили» попытку превратить Парламент в «фиговый листок» исполнительной власти. Говорю — большинство, но, по счастью, не все. Против проектов решительно выступила группа «Смена», объединяющая депутатов до 40 лет. Московская радикальная печать тут же объявила «Смену» наследниками «Коммунистов России», чем оказала последним незаслуженную честь: оказывается, чтобы защищать демократию, нужно быть коммунистом! На самом деле все, конечно, не так. Во-первых, группа «Смена» объединяет вовсе не коммунистов и даже не социалистов, а, выражаясь традиционным марксистским языком, буржуазных демократов, но демократов! Во-вторых, бывшая группа «Коммунисты России» состояла в большинстве из руководителей различных регионов и, даже оказавшись в оппозиции, далеко не всегда отстаивала демократию. Теперь же окончательно сформировался антидемократический блок из бывших коммунистов и бывших демократов. Это и определило исход съезда.

Но вернемся к группе «Смена». Молодые романтики демократии и, может быть, последние ее защитники действовали квалифицированно и решительно. Они провели через редакционную комиссию проекты альтернативных постановлений, которые удерживали развитие страны в рамках нормальной демократической практики, не давая скатываться к чрезвычайщине. Выступление группы «Смена», которое произнес ее координатор Андрей Головин, отличалось яркостью и убедительностью. Представляю читателю судить об этом самостоятельно, приводя отрывки из этого выступления.

«Сегодня противостояние идет не по старым линиям «правые — левые», «радикалы — консерваторы», а по принципу «разрушитель — созидатель».

«По существу же можно сказать только следующее: отказаться от права законодательной инициативы на любой срок ни один демократически избранный в

истории человечества парламент не имеет права, не покончив в тот же самый день политическим и моральным самоубийством. Лучше уж разойтись или быть разогнанным».

«Почему исполнительная власть считает, что в лице Верховного Совета она имеет врага или, по крайней мере, тормоз? Почему вместо нормального взаимодействия она предпочитает провоцировать депутатский корпус, пытаясь принимать решение за спиной представительной власти? Складывается впечатление, что кому-то опять необходимо создать в массовом сознании образ врага взамен скончавшегося Центра и покойной КПСС, чтобы было на кого взвалить ответственность за собственное бездействие и непрофессионализм».

«Предложена ли нам сколько-нибудь конкретная программа, реализация которой требует чрезвычайных полномочий? Нет, нам предлагают санкционировать очередной эксперимент над Россией, авторы которого сами не очень хорошо представляют себе, что же они затеяли. Единственный смысл всего происходящего — в очередной раз возбудить общественное мнение и на его волне восстановить свою падающую популярность».

«Если действительно Президент хочет либерализовать цены, для этого дополнительные полномочия не нужны: существует статья 23 Закона «О предприятиях и предпринимательской деятельности», где сказано, что любое предприятие свободно устанавливает цены на свою продукцию, кроме тех, которые установлены перечнем Совета Министров. Так зачем же называть ликвидацию этого перечня ученым словом «либерализация?»

«Рынка в нашей стране нет не потому, что у Правительства не хватает полномочий, а потому, что их слишком много. Вся экономика сейчас под контролем Правительства. Чтобы создать рынок, следовало бы скорее отказаться от части своих полномочий по управлению экономикой: перестать диктовать предприятиям, банкам, местным организациям власти».

«Либерализация цен таит в себе угрозу резкого спада производства и разрушения производственного и научно-технического потенциала страны, разорение нерентабельных предприятий может привести в разряд «лишних людей» миллионы квалифицированных рабочих, инженеров специалистов. Необходимо ясно представлять себе угрозу утраты накопленного «человеческого капитала», восстановление которого потребует десятилетий».

«Мы призываем и всех депутатов обеспечить Правительству нормальные условия для решения стоящих перед ним задач. Правительство должно заниматься не политическими интригами, а экономическими реформами. Обеспечить ему поддержку — вот первейшая задача Президента и Верховного Совета».

«Мы предлагаем создать систему цивилизованных отношений между исполнительной и законодательной властью. Если Президент хочет стать «новым Рузвельтом», надо помнить, что тот 100 первых дней не вылезал из конгресса, работал с ним над принятием неотложного пакета антикризисных мер. Надо перенять этот американский опыт выхода из их «великой депрессии», и сделать это поздно, чем никогда».

Обсуждение проектов шло по законам одновременно двух жанров: драмы и комедии. Достаточно сказать, что за один из президентских проектов проголосовали 618 депутатов, а за проект редакционной комиссии, отражающий совершенно иную,

если не противоположную линию,— 576! Таким образом, как минимум полторы сотни депутатов голосовали за оба проекта сразу, демонстрируя тем самым либо полную некомпетентность, либо абсолютную бесхребетность. Честь Парламента и российской демократии пытались спасти одни лишь депутаты группы «Смена», раз за разом выходявшие к микрофону и предлагавшие поправки, направленные против чрезвычайщины. Однако Сергей Шахрай, который, перейдя в резидентскую структуру, окончательно забыл о своем демократическом прошлом, используя свой авторитет и квалификацию для того, чтобы эти поправки «похоронить». Когда неожиданно для всех съезд принял поправку Председателя Совета республики депутата Рябова, резко ограничивающую диктаторские замашки исполнительной власти, именно Сергей Шахрай пригрозил съезду снять президентский проект вообще. Испуганный своей победой депутат Рябов стал срочно пере-рекраивать собственный текст. Надо сказать, основания для испуга были: на съезде циркулировали упорные слухи о том, что команда Президента настроена на разгон Парламента, а все тот же Сергей Шахрай уже не раз призывал Верховный Совет не делать дальнейших самоубийственных шагов.

В итоге деятельности Согласительной комиссии Парламенту позволили сохранить хорошую мину при плохой игре — вернули право принимать законы не только по указке Президента, но и по собственной инициативе. Несколько ограничен и «беспредел» исполнительной власти в кадровых вопросах: теперь для назначения глав администраций требуется хотя бы формальное согласие органов местной власти и народных депутатов России от соответствующих округов. Иначе говоря, в результате «торжества демократии» мы вернулись к принципу: царь приказал, и бояре приговорили. Я голосовал за все поправки группы «Смена», хотя и понимал, что поделаться уже ничего невозможно: исход борьбы predetermined блоком старой и новой номенклатуры.

В итоге мы получили то, что лидер социал-демократов Олег Румянцев справедливо назвал своеобразным чрезвычайным положением. Более того, Закон о чрезвычайном положении не дает Президенту ни права подменять Президента России, ни права назначать всех начальников сверху донизу. Постановлением же съезда такие права предоставлены. Все это тем более опасно, что президентская команда, как показала история с Чечней, склонна к силовым методам — сказывается наследие партийного и военного прошлого. Правда, нам говорят, что все это временно, что демократию мы «усыпляем» ненадолго, всего лишь на год. Потом реанимируем — и будет краше прежней! Но, во-первых, нет ничего более постоянного, чем временные чрезвычайные меры, а во-вторых, не зря Сергей Шахрай выступал против поправок «Смены» о прекращении деятельности постановлений 1.12.92 г. Значит, ЧП намерены продлевать.

Вспоминаю, как, вернувшись с союзного съезда, где Президенту Горбачеву были предоставлены значительно меньшие полномочия, депутат А. В. Минжуренко, тогда еще мой коллега, говорил о том, что структуры для диктатуры уже созданы, дело только за диктатором. Сейчас уже нечего прибавить к этим словам. Так что в прошлом высокопоставленные руководители, а ныне подследственные по делу ГКЧП могут спать спокойно в своих камерах: в части зажима демократии их дело живет и побеждает. Оно в надежных руках.

ВСЕ НЕДОВОЛЬНЫ.., НО ГОЛОСУЮТ — «ЗА»! *

* Опубликовано: Омская правда.— 1992.— 21 мая. С. 2

Когда вечером 21 апреля после окончания VI съезда народных депутатов России мы выходили из ворот Спасской башни, уже привычная группа людей, проходившая на Красную площадь по пропускам, скандировала: «Позор съезду! Позор съезду!» Думаю, бывшие безоглядные сторонники демократии, борцы против ГКЧП, ныне превратившиеся в поклонников легитимной полудиктатуры, т. е. своеобразного «ГКЧП в Законе», сами не слишком понимали, в чем и насколько они правы. Свежие впечатления, которыми я хочу поделиться с читателями, не вдаваясь в глубокий теоретический анализ, как мне кажется, могут пролить свет на этот специально запутанный вопрос.

VI съезд народных депутатов России примечателен, как минимум, в двух отношениях. Во-первых, он был, пожалуй, вторым съездом в нашей истории (после I съезда депутатов Союза), от которого чего-то ждали. Но не дождались. Двусмысленные и половинчатые решения съезда не удовлетворили ни сторонников «шоковой терапии», продолжающих верить или делающих вид, что верят, будто вслед за ампутацией одного желудка у нас быстро вырастет другой, так и противников правительственного курса. С этим, в первую очередь, связано и широкое недовольство съездом и падение его рейтинга в массовом сознании.

Во-вторых, пожалуй, ни одна организация со времен запрета КПСС не подвергалась такой массивной атаке со стороны государственных средств массовой информации России, как высший орган ее государственной власти. Не думаю, что объясняется это только рвением в выполнении заказа Правительства, хотя, безусловно, было и это. Вспомним: заявление Михаила Полторанина в Южной Корее о том, что все газеты должны поддерживать правительственные реформы, вызвало 2-недельные язвительные комментарии по радио «Свобода» и другим зарубежным голосам. По сути дела это заявление означало стремление работать без оппозиции, что для демократического сознания Запада звучит дико.

Но дело, конечно, не только в командах начальства. Полтора века назад Александр Герцен описывал ситуацию в российском обществе после поражения восстания декабристов в таких приблизительно выражениях: стали появляться «фанатики рабства». Одни из подлости, другие хуже — бескорыстно. Тоска по «твердой руке» ощущается в России уже давно. В последнее время в пользу «просвещенного» авторитаризма стали открыто высказываться Геннадий Бурбулис и Сергей Шахрай, которые определяют по существу всю неэкономическую политику Президента Ельцина.

Журналисты — тоже люди, и потому они не могут не поддаться общей смене настроения. А поскольку в любой стране основа демократии — именно представительная власть, она и стала объектом травли со стороны бывших демократов. При этом немалое число журналистов и комментаторов не брезговали ни свертхтенденциозностью, ни примитивными стереотипами, ни даже прямой ложью. Приведу лишь два примера.

Первый пример касается как раз вопроса о средствах массовой информации. Сколько было потрачено чернил, газетных площадей, эфирного и экранного

времени для того, чтобы доказать, будто депутаты собираются надеть на «свободную» прессу узду, ввести цензуру и т. п. Не поручусь, конечно, что никто не имел таких мыслей: в семье не без урода, а депутаты, как и корреспонденты, бывают разные. Однако если обратиться к проектам постановлений, подготовленным различными депутатскими фракциями, то ничего подобного в них обнаружить не удастся. Эти проекты предлагали выразить недоверие министру печати и руководителям государственных — я подчеркиваю: государственных, а не «независимых» телерадиокомпаний. Другая ключевая идея — обеспечить доступ парламентской оппозиции опять же к государственным средствам массовой информации. Другими словами, выдвигались элементарные общедемократические требования. Напомню, что, например, в Англии доступ к телевидению имеют все партии, представленные в Парламенте или выдвигающие определенное число кандидатов на выборах в Парламент.

Итак, на съезде депутаты добивались не ограничения, а расширения свободы информации для граждан, не введения, а ограничения цензуры, фактически уже введенной высокопоставленными российскими чиновниками от журналистики. Однако в кривом отечественном телеэкране и радиоэфире, действующем по принципу «испорченного телефона», все оказалось представленным как раз наоборот.

Второй пример — версия «о неграмотных» депутатах, которые мешают «высокопрофессиональному» Правительству вести страну «через тернии — к звездам». Речь идет, понятно, о постановлении VI съезда, предусматривающем некоторые дополнительные меры социальной защиты граждан.

Слов нет, для обвинения депутатов в неграмотности, к сожалению, есть некоторые основания: усиливать социальную защиту, продолжая идти курсом «шоковой терапии», — это все равно что черпать воду решетом. Формулируя иначе, социальная защита и «шоковая терапия» — это как гений и злодейство, две вещи несовместные. «Шоковая терапия» проводится не для социальной защиты, а для того, чтобы сбалансировать бюджет, окончательно опустошая карманы тех, у кого они полупусты, и помогая еще плотнее наполнить те, в которых и без того уже нет места. При нынешнем курсе нормальной социальной защиты быть не может — тут Правительство право «на все сто». Но большинство народных депутатов и населения пока еще этого не понимают (опять же к счастью для Правительства).

Иное дело — насколько правильно и профессионально выбран нынешний курс, насколько реальный ход реформ соответствует ожиданиям Правительства. И вот здесь легенда о профессионализме, мягко говоря, трещит по всем швам.

Во-первых, Правительство устами Президента Ельцина и первого вице-премьера Гайдара призналось, что предполагало значительно меньший по масштабам и к тому же постепенный рост цен. Спрашивается: на чем строились такие прогнозы? Ведь и ребенку было понятно, что в условиях монопольной экономики как только цены будут «отпущены», они взлетят до небес. Если Правительство действительно не могло предусмотреть таких вещей, — это недомыслие; если оно не хочет сознаться, что заранее планировало катастрофическое падение жизненного уровня, — это двоемыслие. Что лучше — пусть решает читатель.

Во-вторых, нам все время с восторгом говорят о новом «плане Маршалла», о

«золотом дожде», которым Запад готов нас осыпать. Однако сравним две цифры. По словам Егора Гайдара, России обещано 24 млрд. долларов под проценты, а по сообщению председателя Высшего экономического совета Владимира Исправникова, утечка капитала из Российской Федерации за последний год составила около 25 млрд. долларов. Если это так, мы имеем элементарную школьную задачу, в которой вода в бассейн поступает через одну трубу и вытекает через другую. Причем задача настолько проста, что вычислить ответ может любой нормальный первоклассник. Почему «профессиональное» Правительство не установило меры по ограничению вывоза капитала — вот это задача посложнее. Решается она с помощью политического анализа, который должен дать ответ на вопрос о социальных силах, на которые опирается и которым служит Правительство.

В-третьих, особо хочу сказать о мерах по социальной защите бюджетных сфер. Напомню, что не депутаты, а Президент России издал Указ № 1, которым установил средние ставки оплаты труда педагогических работников на уровне не ниже средней заработной платы в промышленности; не депутаты, а опять же Президент издал Указ № 296, которым обязал индексировать заработную плату в бюджетных сферах с учетом роста ее в промышленности. Почему же как только съезд поручает Правительству премьера Ельцина выполнять Указ № 1 Президента Ельцина, Правительство грозит отставкой? Если эти Указы неграмотны — зачем они издавались? Если они издавались по политическим мотивам, то кто здесь популист? Если, издавая Указы, ошиблись, то не правильнее ли было об этом сказать и отменить их?

Здесь я должен сознаться перед омичами, и в особенности перед работниками бюджетных сфер, в одном грехе: на съезде я сыграл против Правительства по его же правилам, используя его же собственную «крапленую карту». А дело было так. Выступая перед нами с докладом, вице-премьер России Александр Шохин заявил, что Правительство не против выполнять Указ № 1 в несколько скорректированном виде и что намеченное повышение заработной платы работников бюджетных сфер на 80% во II квартале текущего года как раз и означает реализацию положений Указа. Эти рассуждения навели меня на мысль о том, что если логика бывает формальная, математическая и, извините, женская, то, очевидно, и математика у потребителя и министра тоже разная. Вот несложный подсчет. Согласно розданным нам официальным материалам, средняя заработная плата в промышленности в январе 1992 г. составляла 1801 рубль, в феврале, по предварительным оценкам, — 2400. Если экстраполировать рост на ближайшие месяцы, то получим в марте не менее 3000, в апреле — не менее 3500, в мае — не менее 4000 рублей. В реальности, думаю, будет больше. В то же время в январе в сфере образования средняя заработная плата составляла 1096 рублей, и это включая вузы, где, согласно Указу № 1, ставки должны быть равны не одной, а двум средним заработным платам в промышленности. Легко просчитать, что, прибавив к этой сумме обещанные 80%, мы получим менее 2000 рублей, т. е., по крайней мере, вдвое меньше, чем средняя по промышленности. По данным ЦК учительского профсоюза, средняя ставка учителя в мае будет составлять не более 30—40% от заработков в промышленности. Так что правительственная статистика, как видим, была и остается «третьей формой лжи».

Учитывая все это, я предложил к проекту постановления съезда три поправки, из которых прошли две. Наиболее важная из них требует от Правительства обеспечить нормальное функционирование бюджетных сфер, включая выполнение Указа № 1 Президента РФ в полном объеме. Процедура голосования поправок была принята своеобразная. Аргументировать «за» или «против» не давали никому, кроме редакционной комиссии, да иногда еще представителю Правительства. Авторам удавалось сказать не более двух фраз. Вот тут я и сказал: «Прошу поддержать. Правительство как будто не возражало, а учителя и медики уже бастуют». Другими словами, вице-премьер Александр Шохин сделал вид, что собирается выполнять Указ № 1, а я сделал вид, что ему поверил и сослался на его согласие перед съездом. Думаю, это сыграло немаловажную роль в том, что из всех аналогичных поправок к проекту постановления в конце концов прошла именно моя. К сожалению, в окончательном тексте документа редакция поправки была сильно испорчена, но поднимать вопрос о восстановлении справедливости я не стал, боясь, как бы возвращение к обсуждению текста не привело к исключению этого пункта вообще.

Думал ли я, что Правительство будет теперь выполнять Указ № 1? Нет, ни минуты. Но решение съезда дает работникам бюджетных сфер вообще и учительству в особенности мощную правовую основу для защиты своих законных интересов и не позволяет уже Президенту отменить раз изданные указы.

Итак, заявления о том, что съезд будто бы пытался восстановить прежнюю административно-бюрократическую систему,— это ложь. На самом деле наиболее разумные депутаты пытались придать реформам другое направление, которое бы отвечало интересам большинства, а не 10% обладателей торгово-бюрократического капитала. Эти попытки — не позор съезда, а его достижение. Позор же состоит в том, что, набрав обороты критики правительственного курса, съезд в решающие моменты «выпустил пар в свисток».

Три дня при обсуждении депутатами политики Правительства звучала уничтожающая критика в его адрес. Ему инкриминировался спад производства, обнищание 90% населения, разрушение образования и культуры, превращение бывших культурных центров Москвы и Питера в грандиозные барахолки, разгул спекуляции и коррупции. Председатель подкомиссии по бюджету Вениамин Соколов уличил Правительство в сокрытии от Верховного Совета 30 млрд. рублей бюджетных доходов, а председатель Комитета по науке и образованию Владимир Шорин предложил передать этот вопрос в суд. Кстати, даже по официальным правительственным данным, за I квартал 1992 г. на нуждах образования и культуры было сэкономлено 15 млрд. рублей по сравнению с намеченными цифрами. И это при том, что библиотеки закрываются, школы не ремонтируются, а иные школьники и недоедают. Все эти дни устами депутатов говорили их разоренные и униженные избиратели, но... Но поправка депутата Исакова о признании экономического курса Правительства неудовлетворительным набрала лишь 354 голоса, а поправка депутата Степанова о недоверии правительству — лишь 176.

Сидя в этот момент в зале, я вспомнил, как в году 1983-м разбирались студентами классический анекдот о противоречиях социализма. Подозреваю, что автором его является Жванецкий. Сейчас модно вспоминать анекдоты «эпохи застоя». Сделаю это и я: безработицы нет, а никто не работает. Никто не работает, а

план выполняют. План выполняют, а в магазинах ничего нет. В магазинах ничего нет, а у всех все есть. У всех все есть, а все недовольны. Все недовольны, а голосуют «за»!

С тех пор и планы ликвидировали, и безработица появилась, и в магазинах все есть, но только не купишь, но последнее противоречие звучит актуально, как прежде: «все недовольны, а голосуют «за»!» Почему же так происходит?

О главной социальной причине мне уже не раз приходилось говорить: на съезде сложился блок старой и новой номенклатуры — гегемон нашей бюрократической революции. Но известную роль сыграли и два ложных стереотипа, весьма распространенных как среди депутатов, так и в массовом сознании. О них хочу сказать особо.

Стереотип первый — незаменимость Правительства. На протяжении трех недель нам вбивали в голову, что отставка Правительства — это гибель реформ и что альтернативной программы ни у кого нет. Кстати, с легкой руки двух бывших депутатов бывшего Союза эта мысль внедряется и омскими средствами массовой информации. Между тем каждый, кто хотя бы читает газеты разных направлений, не говоря уже о серьезной литературе, знает, что альтернативные программы есть, и не одна. Так, съезду была представлена подготовленная Высшим экономическим советом России брошюра под названием «Реформа без шока», предлагающая более мягкий вариант рыночных реформ. Мною на съезде была распространена «Антикризисная стратегия Партии Труда», разработанная также с участием зарубежных специалистов с серьезными научными именами.

Что же касается персоналий, то я хотел бы спросить: кто, кроме читателей журнала «Коммунист» и газеты «Правда», несколько месяцев назад знал Егора Гайдара и его команду: Александра Шохина, Алексея Улюкаева и других? Почему сейчас эта команда рассматривается как единственно возможная? Думаю, достаточно легко назвать несколько старших научных сотрудников, желающих стать вице-премьерами, и пару десятков младших научных сотрудников, желающих стать министрами, и создать новую команду, новое правительство. Если же говорить серьезно, то проблема, конечно, есть. Но, на мой взгляд, смена коней на переправе все же меньшее зло по сравнению с продолжением скачки бешеным аллюром по направлению к пропасти. Уезжая на съезд, я отнюдь не жаждал ничьей крови. Но, убедившись, что Правительство не собирается принимать более мягкие по отношению к населению варианты реформ, вынужден был голосовать за недоверие.

Стереотип второй: курс Правительства плох, Президент — хорош. Остается только удивляться, что в конце XX в. отечественное массовое сознание поднялось до уровня политического сознания российского мужика 200-летней давности. Помните лозунги крестьянских войн? «Царь — хороший, бояре — плохие». Нечто в том же роде и сейчас. При этом упорно «забывают», что Президент у нас не только назначает Правительство, но и сам исполняет обязанности премьера. Напрасно средства массовой информации твердят нам о «непопулярных мерах Гайдара», «ценах по Гайдару» и т. п. На самом деле это меры и цены Ельцина. Гайдар играет в правительстве, самое большее, третью роль. Невозможно принимать курс Президента, не принимая курса Правительства, и наоборот. Все это от лукавого: от лисы или зайца. Но именно такую тактику на съезде выбрали

многие депутаты. Она и погубила репутацию съезда.

Впрочем, у этих депутатов есть известное оправдание. В своей заключительной речи Президент более чем прозрачно намекнул, что если бы съезд проявил характер, его постигла бы судьба перуанского Парламента. Сценарий разгона высшего органа законодательной власти с некоторым флером законности подробно расписан Сергеем Шахраем в «Аргументах и фактах». Боюсь, не слишком много людей в случае нового ГКЧП встанет грудью на защиту Парламента, да и по большому счету Парламент этого не заслуживает.

Однако надо понимать, что конец законодательной власти будет, скорее всего, означать и конец демократии. Реформы в этом случае окажутся, как шутят мои студенты, «культпросветом», т. е. просветом между двумя культурами. Думаю, распустив съезд и Верховный Совет, команда Президента, мягко говоря, не стала бы спешить с новыми выборами. Другой возможный вариант — латиноамериканский: новые выборы в условиях чрезвычайного положения. Конец в обоих случаях известен.

Да, нынешний Парламент довольно часто выступает в качестве «фигового листка» исполнительной власти. Но в известном смысле он ее все-таки ограничивает. С его исчезновением в стране наступит полный беспредел. О том, что делает исполнительная власть, когда она оказывается вне контроля, лучше всего свидетельствует заявление Гавриила Попова, помещенное в том же номере «Аргументов и фактов», где и сценарий Шахрая. Как ни стараюсь, не могу припомнить другой такой страны, где бы столичный мэр в популярнейшей газете по существу предложил ни больше ни меньше, как официально установить таксы на взятки. Депутатский запрос Президенту по этому поводу подан, под ним стоит и моя подпись.

Но не думаю, что можно будет получить вразумительный ответ.

* * *

На следующий день после окончания съезда проходило заседание Комитета Верховного Совета России по науке и образованию. На этом заседании секретарь Комитета депутат И. В. Виноградова требовала принятия жестких решений, а в противном случае обещала начать голодовку перед резиденцией Президента с требованием либо выполнить Указ № 1, либо публично от него отказаться. Вспомнив, как та же Ирина Викторовна бросилась на съезде на защиту Президента от депутата Слободкина, я подумал было о непостижимости и загадочности русской души, но тут же себя остановил. Все гораздо проще и все правильно: дружно проголосовав накануне «за», на следующий день все снова вспомнили, что «все недовольны!»

Впрочем, было на Комитете и другое. На мольбы чувашских учителей о помощи, на объявление об учительской стачке член группы «Смена» депутат Олег Плотников ответил приблизительно следующее: «Пока вы будете выдвигать только экономические требования, никто не обратит на вас внимания. Если же предъявите политические, в Москве, может быть, зашевелится». Депутата спросили, какие именно политические? И он ответил прямо: «Правительство Бурбулиса, Гайдара, Ельцина — в отставку!» Учителя были слегка напуганы, но по существу депутат

Плотников правильно ставил вопрос. Выбор сейчас невелик: либо терпеть и молчать, либо начинать политическую борьбу за изменение курса. Съезд этого не сделал. Добиться этого могут теперь только сами работники, если решатся.

НЕ ТОСКУЙТЕ ПО ПИНОЧЕТУ! *

* Опубликовано с сокращениями: Правда.—1992.— 28 ноября.— № 177. С. 2

Снова и снова на встречах с избирателями, в очереди, в автобусе и в застольной беседе слышу я одно и то же: «Когда же наконец кончится этот бедлам? Хватит липовой демократии, наелись! Остановить этот беспредел может только диктатура!» И так далее в том же духе. Налицо явный поворот массового сознания от демократических иллюзий периода очарования революцией к авторитарным иллюзиям этапа чуть ли не всеобщего разочарования в ней.

А разочароваться есть от чего. Почти все благородные, демократические и слегка прекраснодушные лозунги, с которых начиналась наша революция, сменились на совсем иные, порой прямо противоположные: вместо повышения жизненного уровня — «шоковая терапия»; вместо социальной справедливости — демонстративная роскошь нуворишей и верхушки бюрократии на фоне бедности или нищеты большинства; вместо свободного труда — свободное предпринимательство, причем сплошь и рядом свободное от труда; вместо права работника быть хозяином своего предприятия — право денежного магната купить это предприятие вместе с работниками; вместо шумной заботы о пенсионерах, инвалидах и многодетных — объявление социальной защиты чуть ли не главным тормозом реформ; вместо возрождения культуры — ее невиданное «обмассовление»; вместо демократии — проповедь «просвещенного» авторитаризма.

К счастью власть имущих, народ в эпоху кризиса страдает «синдромом девичьей памяти». Ныне мало кто вспоминает, что популярность в народе лидерам межрегионалов и «Демократической России» принесла именно борьба за демократию, заслуживающая всяческого уважения. Увы, ныне бывшие демократы с той же страстью требуют новых и новых дополнительных полномочий Президенту (ДДР, «Демократическая Россия», Республиканская партия), «авторитарной» президентской республике (Сергей Шахрай), «административного насилия», «железной руки» (Гавриил Попов) и т. п.

В свое время межрегиональная депутатская группа требовала избрания руководителей государственных средств массовой информации на съезде народных депутатов с тем, чтобы сделать их независимыми от любой номенклатуры, однако обязанными проводить в жизнь линию высшего органа государственной власти. Когда такое же предложение я внес на III съезде народных депутатов России, против него дружно проголосовали Борис Ельцин, Сергей Шахрай, Руслан Хасбулатов и ... Иван Полозков!

Когда Михаил Горбачев получил от союзного съезда право проводить в жизнь экономическую реформу посредством президентских Указов, пресса, претендуя быть демократической, трубила о наступлении реакции. Когда же гораздо большие полномочия были даны Борису Ельцину, реакционерами были объявлены все те,

кто этому противился.

Если говорить прямо, то решения V съезда народных депутатов России, предоставившего Президенту чрезвычайные полномочия, по существу означали введение в стране своеобразного чрезвычайного положения, некоего ЧП без ГКЧП. Тогда было заявлено, что это только на год, исключительно во имя стабилизации положения и сохранения демократии. С тех пор положение непрерывно дестабилизируется, а демократия свертывается. Однако теперь нам вновь ~~говоря~~ нужны ~~дополнительные полномочия~~, а ~~отмена ныне~~ действующих представляет угрозу демократии.

Еще весной 1992 г., накануне VI съезда российских депутатов, Сергей Шахрай сформулировал в «Аргументах и фактах» дилемму, с его точки зрения стоящую перед Россией: либо «авторитарная» президентская республика, либо фашизм. Дилемма эта примечательна в двух отношениях.

Во-первых, как видим, о демократии речь уже не идет. Она стала для нас «непозволительной роскошью». Но тогда спрашивается: за что боролись? Не лучше ли было в таком случае последовать рецептам А. Миграняна и законным путем сформировать авторитарный режим на уровне Советского Союза? По крайней мере, крови пролилось бы гораздо меньше.

Во-вторых, трудно поверить, чтобы такой квалифицированный человек, как С. Шахрай, не понимал: авторитарная президентская власть в наших условиях — это не спасение от диктатуры, а, скорее всего, путь к ней. Причем путь кратчайший при любом из двух возможных сценариев развития событий.

Сценарий первый — выборы. Можно допустить, хотя мне не кажется это особенно вероятным, что отчаявшийся в результате экономических экспериментов и разрушения государственности народ России проголосует на выборах за кандидата в Президенты, склонного к милому сердцу Гавриила Попова «административному насилию» (например, за В. Жириновского). В этом случае модель авторитарной президентской власти, вложенная в конституционный проект того же С. Шахрая, это как раз то, о чем только и может мечтать подобный лидер и что обеспечит ему установление крайне жесткого политического режима легитимным или полулегитимным путем.

Сценарий второй — переворот, опирающийся на военную или иную силу. Проправительственным средствам массовой информации угроза такого переворота видится то в так называемой «красно-коричневой» (на самом деле красно-белой) оппозиции, то в Руслане Хасбулатове. Слов нет, в рядах противников нынешнего Правительства наверняка есть люди, готовые в случае чего свергнуть его с помощью насильственных действий. Однако мало хотеть, надо мочь. Пожалуй, офицерское собрание как ни что другое показало полную неспособность нынешней армии к подобным действиям. Что же касается Р. Хасбулатова, то позволю себе напомнить, что он не является главнокомандующим, не назначает министров внутренних дел, безопасности и т. п. Президент России был абсолютно прав, когда на пресс-конференции, посвященной годовщине путча, жестко заявил, что в России нет сил, способных осуществить государственный переворот. Абсолютно прав, за одним исключением. И это исключение... «команда» самого Президента.

К установлению открыто авторитарного режима Президента России подталкивают: очевидный крах политики «шоковой терапии»; угроза частичного

разрушения российской государственности; рост социальной и национальной напряженности; неравномерное движение вправо различных ветвей власти (Парламент в этом смысле отстает от Правительства); наконец, авторитарные традиции, закрепленные в политической культуре общества и личной культуре его лидеров. В подтверждение последнего приведу лишь несколько примеров.

На Западе уход Правительства в отставку — обычное явление. В России же в преддверии съезда средства массовой информации с ужасом вещают о намерении депутатов «свергнуть Правительство». Иначе говоря, голосование за отставку Правительства приравнивается к вооруженному восстанию, а депутаты — к матросам «Авроры». Невозможно представить себе, чтобы президент Соединенных Штатов, Франции или какой-нибудь другой цивилизованной страны грозил депутатам высшего органа государственной власти, заявляя, что он им чего-либо никогда не забудет или что «их надо разогнать». Точно так же невозможно представить себе, чтобы приближенный Президента, занимающий государственный пост, которого нет в Конституции, угрожал «стереть в порошок», предположим, Конгресс или Национальное собрание. В России же все это не только в порядке вещей, но и к тому же люди, делающие подобные заявления, посрамляя Тартюфа, больше всего беспокоятся за судьбы демократии.

Наконец, невозможно представить себе, чтобы в мало-мальски правовом государстве министр обороны вмешивался в политические отношения между Президентом и Парламентом, заявляя, что армия на стороне Президента, и прозрачно намекая на желание «укоротить» век законодательной власти и превратить очередную оттепель в «культпросвет» (т. е. просвет между двумя культурами).

Таким образом, и при политическом сценарии государственного переворота наиболее вероятно установление авторитарного режима именно «командой» Президента. И тем вероятнее, чем большими полномочиями его наделяет Конституция. Именно Президенту подчинены силовые структуры власти; моральные преграды для нелегитимных действий, судя по всему, давно пройдены; что же касается правовых запретов на разгон законодательной власти, то все тот же Сергей Шахрай предложил обойти их путем вынесения незаконного решения о роспуске съезда и Верховного Совета на референдум. Есть, конечно, еще проблема: реакция официальных кругов и общественного мнения стран Запада. Однако общественное мнение уже пытаются формировать четыре самых «демократических» министра, а официальные круги, как показывает их отношение к государственному перевороту в Грузии, сквозь пальцы смотрят на «нарушение демократии во имя демократии». В конце концов всем известна характеристика Рузвельтом Сомосы-отца: конечно, сукин сын, но наш сукин сын.

Интересно отметить, что противоречия Парламента и Президента отнюдь не так велики, как их изображают. Это некий аналог различий в программах «Демократической России» и «Гражданского союза», стратегические цели которых почти целиком совпадают (рыночная капиталистическая экономика), различаются же средства и сроки их реализации, а также те социальные группы, которым отводится роль лидера реформ. В случае «Демократической России» это новые предпринимательские структуры («нувориши»), обладатели по преимуществу торгового компрадорского капитала; в случае же «Гражданского союза» это

директорский корпус («технобюрократия»), обладатели капитала по преимуществу промышленного, национального.

Совпадение стратегических целей «команды» Президента и лидеров Парламента, равно как и покладистость съезда народных депутатов, раз за разом дававшего Борису Ельцину все новые и новые полномочия, лишний раз доказывает, что российская законодательная власть в действительности не является помехой в проведении реформ по бурбулисовско-гайдаровскому сценарию и, следовательно, так называемое спасение реформ отнюдь не требует разгона Парламента. В большинстве своем не такие уж мы, депутаты, и хорошие, чтобы заслужить эту честь — пострадать за демократию. На самом деле стремление к такому разгону — это результат, с одной стороны, поисков очередного «козла отпущения», а с другой — обкомовского менталитета многих нынешних лидеров, привыкших стучать кулаком по столу и затыкать рты несогласным.

В таких условиях возможности выбора Парламента сводятся к старой альтернативе: «умереть стоя», снискав некоторую не вполне заслуженную репутацию защитника интересов народа, или «жить на коленях», все более превращаясь в простой придаток исполнительной власти, в механизм узаконивания ее незаконных решений наподобие доперестроечного Верховного Совета. Вероятно, оптимальным вариантом были бы перевыборы и Президента, и Парламента, причем сначала Президента, ибо, оставив без присмотра отечественную исполнительную власть, страна получает хороший шанс очень долго ожидать следующих парламентских выборов либо получить скорые парламентские выборы в условиях чрезвычайного положения. Что выберет Парламент — предсказать не берусь, но, скорее всего, интересы самосохранения возобладают, следствием чего будет окончательное падение рейтинга законодательной власти, а вместе с нею и демократии вообще.

Пора, однако, вернуться к началу. Поворот массового сознания от демократических иллюзий к авторитарным несказанно облегчает исполнительной власти процедуру освобождения от власти законодательной. В условиях, когда «говорильня» и почти неизбежные в Парламенте политические склоки на фоне всеобщего развала надоели большинству населения хуже горькой редьки, авторитарный режим можно ввести, так сказать, по просьбам трудящихся, манипулируя общественным мнением на референдуме. Можно, например, поставить вопрос так: кому вы больше доверяете — Президенту или Парламенту? И хотя опросы общественного мнения показывают, что большинство людей не верят уже никому, не думаю, чтобы на референдуме это большинство догадалось выразить недоверие обеим ветвям власти, требуя тем самым перевыборов и Президента, и депутатов. Скорее всего, торжество плебисцитарной демократии, как это уже не раз случалось в истории, будет означать конец демократии представительной, по крайней мере, на определенное время.

Введение в России режима личной власти облегчается еще и тем, что широкие слои населения почти не различают диктатуру левого и правого толка. Между тем, несмотря на сходство методов, различия между ними кардинальны. Если левый диктатор опирается на государственную собственность, подавляет предпринимательство вообще, «теневую» экономику и спекуляцию — в частности, вводит более или менее уравнильное распределение, то правый — наоборот:

опирается на частных собственников, поощряет любое предпринимательство (в том числе «теневую» экономику и спекуляцию), а неограниченное социальное неравенство объявляет нормой, естественным и главным условием прогресса. Примером наиболее жесткой левой диктатуры может служить режим Сталина, сравнительно мягкой — режим Андропова. Классический для XX в. пример правой диктатуры — режим Гитлера, более мягкий, хотя тоже кровавый ее вариант — режим Франко или Пиночета.

Когда «маятник» так называемой второй русской революции начинал двигаться вправо, ее лидеры прежде всего, естественно, развенчали сталинскую и вообще «коммунистическую» диктатуру. Однако когда этот «маятник» прошел центр и продолжал свое стремительное движение, те же лидеры стали прямо или косвенно восхвалять южнокорейских, чилийских и тому подобных диктаторов правого толка. На II съезде народных депутатов России, впервые услышав мимоходом брошенное Борисом Ельциным (тогда еще Председателем Верховного Совета) благожелательное замечание о Пиночете, я не придавал этому большого значения. На фоне восхваления тогдашним премьером российского Правительства и членом КПСС Иваном Силаевым политики Столыпина и провозглашения им (Силаевым) «святости» частной собственности удивить нас было невозможно уже ничем. Однако когда проклинаяемый чилийскими демократами Аугусто Пиночет, неожиданно для себя, стал чуть ли не героем для демократов российских, стало ясно, что мы имеем дело не с казусом, а с явлением.

Итак, налицо две встречные тенденции: стремление «верхов» узаконить в более или менее приличных нормах диктатуру торгово-бюрократического капитала и тоска «низов» по «твердой руке», которая бы их от этого капитала защитила. Однако если первые знают, чего хотят, то вторые частью дезориентированы: они постоянно слышат, да к тому же и видят, что сталинская модель привела страну в конце концов к кризису, а вот Пиночет Чили из кризиса вывел. Правда им «забывают» напомнить, что, во-первых, при этом погибли тысячи людей; что, во-вторых, в первые годы правления Пиночета страна была доведена почти до полной нищеты; что, в-третьих, в настоящее время Чили преуспевает по меркам Латинской Америки, но отнюдь не по европейским или североамериканским, и, наконец, что, в-четвертых, модель «шоковой терапии», более или менее пригодная в маленькой Чили, совершенно неуместна в России, подобно тому как лекарство для кошки совсем не обязательно помогает слону.

*Некоторые социальные и экономические показатели Чили
Информация к размышлению*

Валовой внутренний продукт (ВВП): 1970 г.— 100%; 1985 г.— 126%; 1990 г.— 170 процентов. В расчете на душу населения ВВП в 1985 г. был ниже, чем в 1970 г.

Доля населения за чертой бедности: 1970 г.— 17%; 1987 г.— 38%; 1990 г.— 35 процентов.

Уровень безработицы: 1973 г.— 4,8%; 1982 г.— 20%; 1989 г.— 7,2 процента.

Уверен: поразительно устойчивая в сравнении с катастрофическими результатами деятельности популярность Президента Ельцина (если только можно верить опросам) в большей мере связана с тем, что многие «простые» люди все еще видят в нем борца за справедливость, некое улучшенное подобие Андропова, тогда

как по своей исторической роли он, скорее, Пиночет. Скажу больше: знаю людей, которые и самого Пиночета истолковывают наподобие Андропова, всерьез надеясь, что он (Пиночет), в отличие от Сталина, будет подлинным «отцом народа», а нуворишей прижмет к ногтю.

Нет, дорогие соотечественники, оставшиеся товарищи и новоиспеченные господа (дай Бог, если не господа нищие)! Поверьте противнику любой диктатуры и специалисту, невеселые прогнозы которого до сих пор, к несчастью, сбывались: все будет как раз наоборот. Демократия, даже в ее нынешнем оскопленном варианте, несравненно лучше крепкой и «здоровой» диктатуры торгово-бюрократического капитала. Отечественный же Пиночет может быть лишь новым изданием Сталина наизнанку. А тем правوليберальным демократам, которые помогут ему прийти к власти, придется, как в Чили, стать в оппозицию, если у них осталось хоть что-нибудь от демократических ценностей.

Не тоскуйте по Пиночету: он прольет кровь, окончательно разрушит экономику и превратит страну в задворки цивилизации. Выбираться же на ее столбовую дорожку придется потом несколько десятилетий, а сколько-нибудь приличную жизнь увидят — нет, не дети ваши, а в лучшем случае — внуки. Не тоскуйте по Пиночету: его тень и без того маячит над Россией. Если же ваши желания помогут ей обрести плоть и кровь и в конце концов вы увидите подлинное лицо того, на кого возлагалось столько надежд, то содрогнетесь от ужаса. Но будет уже слишком поздно...

* * *

Статья была уже написана, когда пришло известие о том, что новым Президентом Соединенных Штатов стал Билл Клинтон. По этому поводу в кругах российской политической элиты, ориентированных на Парламент, 4 и 5 ноября царил душевный подъем. В кулуарах Верховного Совета циркулировала, в частности, следующая информация: незадолго до выборов представители «Демократической России» встречались с людьми Буша и те будто бы обещали, что, став Президентом, он в случае разгона Парламента «закроет глаза» либо лишь для порядка пожурит своего российского коллегу; люди же Клинтона, напротив, будто бы заявляли о твердой поддержке демократии в России и давали понять, что новый Президент решительно осудит любые неправовые действия исполнительной власти. Выслушав все это в очередной раз от высокопоставленного российского депутата, который прямо сказал, что теперь разгон Парламента невозможен, я предложил ему такой способ проверки кулуарной информации: если в ближайшее время антипарламентская кампания пойдет на убыль, значит, все это правда.

С тех пор призывы к разгону съезда и Верховного Совета заметно ослабли, так что, вполне возможно, судьба российской демократии решилась за океаном!

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ВСЕРОССИЙСКОМ СОБРАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КООРДИНАЦИОННЫХ И ЗАБАСТОВОЧНЫХ КОМИТЕТОВ 28 ОКТЯБРЯ 1993 г.

Уважаемые товарищи, коллеги, господа, если кому-то так больше нравится! Я

из города Омска, депутат России и бывшим себя до новых выборов не считаю. Тем не менее я не собираюсь просто защищать российский Парламент. В конце концов он сам во многом виноват, и прежде всего в том, что породил систему бесконтрольной президентской власти, которая стала постоянной угрозой для демократии в России.

Я хочу вернуться к экономической ситуации. По различным данным, производство в России упало в 1991 г. на 10—15%, в 1992 — на 20—27%, в 1993 г. нам долго рассказывали сказки о стабилизации, но вот референдум прошел и мы узнали правду. По оценкам Международного валютного фонда, падение производства в России в нынешнем году составляет 13%, по данным Министерства экономики—16%, по данным Министерства финансов—17,5 процентов. Похоже, вместо стабилизации в экономике наступил полный «стабилизец».

А что же в будущем? Обратимся снова к официальному прогнозу. Министерство экономики России обещает подъем теперь только с 1996 г. по 3— % в год, в лучшем случае — по 7%. А это значит, что подниматься до уровня 1990 г. нам придется до 2005, самое меньшее — до 2000 г. Как тут не вспомнить китайский лозунг времен окончания «культурной революции» «Вперед — назад». Десять-пятнадцать лет из истории страны будут выброшены. Если это называется успехом реформ, пусть мне тогда объяснят, что такое провал. Повторяю, этот прогноз основывается на официальных данных. Есть прогнозы и гораздо хуже.

Само собой разумеется, что тяжесть экономического кризиса опять перекалывают на работников. В то время как обладатели торгово-бюрократического капитала не только его накапливают с невиданной быстротой, но и увозят за границу. Обратимся опять к официальным данным. Министерство безопасности России сообщает, что только в прошлом году на счета наших сограждан за рубежом осталось 2 миллиарда долларов. Умножьте это на курс доллара и вы получите практически весь дефицит государственного бюджета Российской Федерации. В то же время средний уровень жизни в России, по данным радио «Свобода» (радио России такого не передает), за два года упал приблизительно в три раза. Как тут не вспомнить известное изречение «Все правительства ошибаются, но почему-то все они ошибаются в пользу богатых».

Нам все время говорят, что в наших бедах виноваты мы сами — работники оборонки, которые требуют денег на конверсию, энергетики, которые настаивают на дотациях, учителя, врачи, работники культуры, которые хотят сколько-нибудь прилично жить. Но так ли это? Говорят, денег нет, но, по сообщению радио «Свобода», за прошлый год нувориши только в одной Москве купили больше шикарных «Мерседесов», чем во всей Западной Европе. Говорят, денег нет, но вот бывший советник Ельцина Михаил Малей сообщает в «Комсомольской правде», что бюрократический центральный аппарат в России вырос по сравнению с союзным на 80%, а ведь и там он был немалым. Вспомните, сколько мы критиковали бюрократию. О вывозе капитала я уже говорил.

Уверен: в любой цивилизованной стране профсоюзы не стали бы терпеть подобной политики.

Изменилось ли что-нибудь с началом антиконституционного переворота 21 сентября, как нам о том говорили? Если да, то только в худшую сторону. Во-первых, возвращение Егора Гайдара означает ужесточение курса экономической политики. Цены на хлеб и топливо будут отпущены, т. е. подняты, кредиты

прекращены, индексация зарплаты урезана. Во-вторых, скажу прямо: в случае победы организаторов переворота судьба профсоюзов окажется под большим вопросом. Проводить ваш намечаемый съезд и возглавить отодвинутые акции вполне возможно окажется некому.

Надо понять: профсоюзы кровно заинтересованы не только в социальных правах работников, но и в демократии. При диктаторских и полудиктаторских режимах старого либо нового толка независимым профсоюзам места нет. Им разрешают лишь быть бесплатным приложением при начальстве. Поэтому во время массовых акций экономические требования профсоюзов должны быть дополнены политическими. Я поддерживаю звучащие здесь предложения об одновременных досрочных выборах и Президента, и народных депутатов. Не надо иллюзий: при нынешнем Президенте и нынешнем Правительстве никакие требования профсоюзов не реализуются. Кстати, съезд уже принял решение об одновременных досрочных выборах. Президент от этого отказывается. В резолюцию надо включить требование о соблюдении Конституции и законов Российской Федерации, прав человека, свободы информации, доступа профсоюзов к информационным каналам и другие.

Уважаемые товарищи! В свое время я предупреждал депутатов о возможности разгона и предлагал самим назначить досрочные выборы и себя, и Президента. Тогда к этому не прислушались. Теперь результат известен. Теперь я хочу предупредить вас: в нынешней ситуации отсидеться не удастся, нужно готовить коллективные действия, бороться за экономические требования, а где люди созрели — за политические, за демократию. Призываю вас к действию.

ТРИ ТРАГЕДИИ РОССИЙСКОЙ ДЕМОКРАТИИ *

* Опубликовано: Омское время.— 1993.— № 41. С. 1

Прежде всего, читатель, позвольте поздравить вас с «полной и окончательной победой демократии» в России: Парламент расстрелян; большинство Советов распущено; Конституционный Суд по существу ликвидирован; ряд общественно-политических движений и газет запрещены; радио и телевидение играют «в одни ворота»; создан новый бюрократический монстр под названием «Выбор России», объединяющий министров, глав администраций и прочее высокое и не очень высокое начальство. Давно обещанное светлое пиночетовское будущее наступило. Но, чтобы извлечь уроки и оценить перспективы, необходимо еще раз вернуться к трагедии 21 сентября — 4 октября, к трагедии российской демократии...

В августе—сентябре экономическая и политическая ситуация в России заметно обострилась. На смену примитивным агиткам времен референдума о том, что экономическая стабилизация уже наступила, что страна начинает выбираться из ямы и т. п., пришли холодные статистические данные. Международный валютный фонд оценил уровень падения производства в России в 1993 г. в 13%, Российское министерство экономики — в 16, Министерство финансов — в 17,5%. Таким образом, за три года (1991—1993) экономика России будет обрушена не менее чем наполовину. Подчеркну: я ссылаюсь не на данные оппозиции, а на оценки Правительства либо независимых экспертов, которым нет необходимости сгущать

краски. По мнению таких специалистов, собранных в одной из передач радио «Свобода», средний жизненный уровень в России с начала «шоковой терапии» до настоящего времени упал приблизительно в 3 раза, и даже знаменитому российскому терпению, кажется, приходил конец. Целый ряд профсоюзных организаций назначил на октябрь массовые коллективные действия в защиту социальных прав трудящихся.

Со своей стороны Борис Ельцин объявил август временем «артиллерийской подготовки» и назначил на сентябрь «решающую схватку». Полтора месяца часть страны иронически напевала: «Артиллеристы, Ельцин дал приказ», а другая часть этот приказ выполняла. Каюсь: я не поверил угрозам совершить переворот в сентябре, еще раз — и уже в последний — оценив Бориса Ельцина не так плохо, как он того заслуживает.

Однако 21 сентября последовал Указ № 1400. Той же ночью Конституционный Суд вынес решение о нарушении этим Указом полутора десятков статей Конституции и оценил эти нарушения как заслуживающие отрешения Президента от должности. На следующую ночь съезд народных депутатов России, десятый, чрезвычайный и последний, отрешил президента Ельцина от должности и назначил исполняющим обязанности президента Александра Руцкого. Спустя два дня съезд принял постановление о проведении одновременных досрочных выборов народных депутатов и президента Российской Федерации не позднее марта 1994 г.

Забегая вперед, хочу сказать, что не только съезд, но и Конституционный Суд жестоко поплатился за свою верность закону и демократии. После расстрела Парламента Председателю Конституционного Суда Валерию Зорькину стали звонить от Сергея Филатова, руководителя администрации президента. Раз за разом требовали отставки. Зорькин отказывался. Тогда запугали двух конституционных судей: Руткина и Олейника, — которые присоединились к Витруку, Аметистову, Кононову, и прежде защищавшим не Конституцию от Президента, а Президента от Конституции. Руткин и Олейник также стали требовать от Зорькина подать в отставку, чтобы спасти Конституционный Суд. Зорькин отказывался и объяснял, что с Конституционным Судом поступят так же, как с Генеральным прокурором Степанковым: сначала используют, а затем все равно уберут, и, кстати, оказался прав. В конце концов Валерия Зорькина довели до тяжелейшего гипертонического криза, но и тогда давления не прекратили. В то время, когда врач пытался оказать Зорькину помощь, снова позвонили от Филатова. Вопрос был тот же: «Будет ли Зорькин подавать в отставку?» Врач просил подождать хотя бы 3 часа, ссылаясь на тяжелое состояние пациента, ему ответили, что подавать в отставку можно в любом состоянии. В конце концов Зорькин написал заявление об отставке. Конституционный Суд собрали для того, чтобы отменить решение по Указу № 1400, но сделать этого не смогли. И тогда деятельность Конституционного Суда «приостановили», выразив пожелание его полностью ликвидировать, заменив Конституционной палатой в составе Верховного Суда. Думаю, читатель помнит, что Конституционный Суд был избран пожизненно.

И после всего этого блок «Выбор России» выдвигает своими лозунгами свободу, собственность и законность!.. Имей эти господа хоть какие-то жалкие остатки морали, они должны были написать: «Расстрелянная свобода! Краденая

собственность! Беззаконие!»

Но вернемся к событиям в Москве, где трагедия неминуемо двигалась к кровавой развязке. На мой взгляд, события эти четко подразделяются на три этапа.

Первый этап — 21-27 сентября — можно было бы назвать этапом малого насилия, или иначе «мягкого кнута и большого пряника». В этот период организаторы переворота действовали в основном как политические сантехники. В здании Парламента отключались вода, свет, канализация и, конечно, телефоны. Уже на этом этапе Дом Советов был оцеплен милицией, так что сказки о том, будто оцепление связано с появлением в Парламенте вооруженных боевиков, власти могут рассказывать только абсолютно несведущим людям, которые воспринимают мир исключительно с экрана брагинско-носовецкого телевидения. А телевидение это давно уже превратилось, по словам Высоцкого, в «ящик для идиота».

Правда, и в этот период были уже отдельные столкновения, а тактика властей по отношению к защитникам Парламента выглядела более чем двуличной: официальные заявления — «никакого штурма» плюс угрозы по неофициальным каналам. Первого штурма в Парламенте ожидали с воскресенья 26 на понедельник 27 сентября.

Что касается «пряника», то его обещали как народным депутатам, так и работникам аппарата. Еще накануне первого же голосования на съезде был распространен текст президентского Указа, по которому нам предлагали годовую зарплату с большими «накрутками» (по разным оценкам, от двух до трех миллионов рублей), московские квартиры в частную собственность, высокооплачиваемые и непыльные должности в структуре исполнительной власти. Могу сказать прямо: никогда, ни до, ни после, я не испытывал и, конечно, уже не испытаю такой нежной заботы родного правительства, как в тот период. В московскую служебную квартиру, в которой я за эту первую неделю провел несколько часов, звонили из Министерства образования, из Министерства труда, оставляли телефоны моему помощнику. Не знаю, что собирались обещать, но внимание было трогательным.

За прошедшие три года мне не раз приходилось критиковать депутатский корпус России за недалекость, за послушание и другие грехи. Но справедливости ради надо сказать: своим поведением в критический момент большинство депутатов эти грехи искупили. На 2 октября «купленными» оказались 96 человек, в подавляющем большинстве своем — бывшие демократы. Поэтому, когда институтский коллега и бывший секретарь райкома партии заявил мне, что в «Белом доме» депутаты защищали не демократию, а привилегии, я всерьез подумал о том, что в обществе произошел какой-то сдвиг по фазе морали: ведь больших привилегий чем те, что обещал господин Ельцин, придумать было просто невозможно.

Особо хочу сказать о работниках аппарата Верховного Совета, большинство которых составляют женщины. Им под двери тоже подкладывали текст президентского Указа с обещаниями больших выплат, с правом уйти в отпуск с полным сохранением заработной платы, однако каждое утро они проходили сквозь цепи ОМОНа, иногда перелезали через заборы, сидели в холодном и темном «Белом доме», мыли посуду холодной водой и одному Богу известно, как умудрялись поддерживать жизнь в осажденном Парламенте. Честь вам и хвала,

русские женщины! Когда-нибудь при другом парламенте и другом президенте, но не ранее как через несколько лет, история рассудит, кто на самом деле совершал преступление, а кто пытался им помешать.

Что касается моей личной судьбы, то весь первый этап я провел в стенах Парламента. Однако во вторник, 28 сентября (кстати, в день 70-летия моего отца, фронтовика-коммуниста, а затем директора школы, известного в прошлом своей непокорностью высокому наробразовскому начальству), я покинул «Белый дом» для того, чтобы участвовать во Всероссийском совещании представителей стачечных комитетов, которое проводилось Федерацией независимых профсоюзов России. Думаю, читатель понимает, к чему я как председатель Совета Партии Труда призывал профсоюзных лидеров на совещании: бороться за экономические интересы наемных работников, а там, где люди «созрели»,— и за демократию. Выступление было встречено с сочувствием, некоторые предложения вошли в итоговый документ, однако вернуться обратно в Парламент было невозможно.

Начался второй акт драмы — этап массового, по преимуществу вооруженного насилия. Он охватывает период с 28 сентября по 2 октября. 28 сентября Парламент был окружен колючей проволокой, бронетранспортерами, грузовиками с солдатами внутренних войск. Цепи ОМОНа стали плотными, а тактика его — сверхжесткой. С этого времени часть народных депутатов, которые не могли вернуться в «Белый дом», в том числе и я, работали в Краснопресненском райсовете, примерно в 20 минутах ходьбы от здания Парламента.

Сверхжесткая блокада Парламента имела своим следствием резкую эскалацию напряженности и насилия, причем, как минимум, по двум причинам. Во-первых, если прежде оцепление Дома Советов было настроено более или менее благодушно, смотрело сквозь пальцы на проходящих людей, иногда пропускало массовые колонны демонстрантов к зданию Парламента, то теперь оцеплению была предписана, повторю, так называемая сверхжесткая тактика. Суть ее проста: не подпускать к себе никого, разгонять всех, кто приближается к цепям.

Об этой тактике я знаю отнюдь не с чужих слов. 29 сентября группа депутатов Московского Совета, которые, в отличие от нас, признавались депутатами и по ельцинскому Указу № 1400, решила пройти в «Белый дом» для того, чтобы лучше понять сложившуюся там ситуацию и, возможно, выступить посредниками между Парламентом и московской мэрией, на которую Виктор Черномырдин валил все грехи за блокаду. Излишне говорить, что депутаты шли не с камнями, не с железными прутьями, а с удостоверениями, значками и мегафоном. В мегафон они сообщали омовцам, что по президентскому Указу сохраняют свои полномочия, а значит — депутатскую неприкосновенность и право входить на любой объект на территории Москвы. Несколько депутатов России, в том числе и я, естественно, к колонне пристроились. Однако оказалось, что уничтожить демократию наполовину нельзя. Как только Ельцин частично отменил Конституцию и законы, принятые Верховным Советом, ОМОН точно так же отменил те законы, которые оставил в силе Ельцин. Вооруженные парни из оцепления «Белого дома» не только не реагировали на депутатские права мосссоветовской колонны, но, напротив, предъявили собственные права в виде резиновых дубинок. То и дело разъяренные опричники нового царя выскакивали из шеренги и били людей дубинкой по чему попало и как попало. Говорят, по инструкции бить по голове дубинками

запрещено, но если президенту закон не писан, о выполнении каких инструкций может идти речь! В числе прочих преимущества новой демократии на собственном затылке ощутил и я, впрочем, отделался легче многих других. Например, депутат из Татарстана Владимир Морокин, который бросился защищать Раузу Низметдинову — председателя Комитета по делам семьи, материнства и детства — от разъяренного омоновца, получил гораздо больше и с переломанными ребрами лежал в больнице.

Вторым драматическим последствием жестокого оцепления «Белого дома» стала невозможность управлять из него митинговыми страстями. Прежде защитники Парламента неизменно придерживались тактики ненасильственного сопротивления перевороту. Именно эту тактику все время внушал Руслану Хасбулатову известный политолог, режиссер «Театра на досках» Сергей Кургинян. Он призывал митинговать, петь песни, зажигать костры, ходить с флагами и иконами, но ни в коем случае не отвечать насилием на насилие. И в первый период, повторю, это, безусловно, удавалось. Сам я много раз слышал призывы с балкона «Белого дома» не поддаваться на провокации, гнать с митинга пьяных, если такие появляются, и т. п.

Ситуация резко изменилась, когда митинговые страсти выплеснулись на улицы Москвы. Сначала люди пытались митинговать поблизости от оцепления «Белого дома», у станций метро «Баррикадная» или «Улица 1905 года». Однако ОМОН быстро разгонял эти летучие митинги, применяя все ту же сверхжесткую тактику. Тогда Моссоветом была разрешена серия митингов на площадях Москвы.

2 октября один из таких митингов проходил на Смоленской площади. Когда ОМОН начал теснить собравшихся демонстрантов, те сначала кричали, что они здесь на законном основании, а затем взялись за булыжники и железные прутья. ОМОН открыл огонь, был убит человек — инвалид без ноги. После этого митингующие построили баррикады и отбили несколько атак ОМОНа. Судя по радиоперехватам, атакующие были в полной растерянности. Применить оружие они больше не решились, а разогнать толпу другими средствами не смогли. В 9 часов вечера на площадь пришел депутат Илья Константинов и увел митингующих от баррикад.

В этот же день к нам в Краснопресненский райсовет звонили участники митинга и говорили о том, что движение идет на спад. Людей избивают, применяется тактика индивидуального террора, когда омоновцам показывают, кого именно надо бить (именно так был избит Виктор Алкснис). Говорили нам и о том, что в следующий выходной день ожидать массового движения не приходится, что нужны иные политические решения. Я рассказываю все это для того, чтобы было понятно: по крайней мере, в Краснопресненском райсовете того, что произошло третьего, а потом четвертого октября, никто не ожидал. Официальная версия, будто защитники «Белого дома» затягивали переговоры, ожидая насилия на улицах, представляет собой грубую ложь.

День 3 октября я провел в Краснопресненском райсовете, на периферии главных событий — так решили руководители координационного совета депутатов в изгнании. Поэтому, не пересказывая фактов, большинство из которых уже известно, изложу версию, которая пришла мне в голову через 2 часа после начала кровопролития. Эта версия получает все больше доказательств и уже

высказывалась в таких изданиях, как «Независимая газета» и «Московские новости», которые даже ныне правящая номенклатура не решается объявить «красно-коричневыми». Суть версии проста: законное по большому счету руководство страны в лице Александра Руцкого и Руслана Хасбулатова, приняв решение о штурме мэрии и «Останкино», совершило трагическую ошибку и попало в расставленную ему ловушку, по существу ускорив разгром Парламента. В пользу этой версии говорят следующие факты.

1. Участники митингов на Смоленской и Октябрьской площадях, в том числе мой товарищ по исполкому Партии Труда профессор Московского университета Александр Бузгалин, человек с международным именем, организатор многих конференций ученых левой ориентации, сообщают о том, что омоновцы в этот день как бы раздраживали толпу. Против демонстрантов применялось немного газа, немного дубинок, резиновые пули, стрельба, по преимуществу поверх голов. Когда же толпа в ответ начинала двигаться на омоновские оцепления, они, как правило, не оказывали большого сопротивления, передислоцируясь на заранее известные места и обеспечивая возможность движения митингующих лишь в определенном направлении — к Дому Советов. Кстати, ОМОНа в этот день и на Октябрьской, и на Смоленской площадях, и у Дома Советов было меньше, чем обычно, а главный организатор убийств Виктор Ерин в интервью радио России подтвердил, что ОМОН был не столько прорван, сколько передислоцирован.

2. Когда защитников «Белого дома» обвиняют в том, что они первыми применили насилие, это опятьтаки ложь. Огонь по толпе демонстрантов открыл ОМОН около «Белого дома». Два человека были убиты немедленно, многие ранены, и когда толпа приблизилась к зданию Парламента, из мэрии продолжали по ней стрелять. И даже у здания «Останкино», по сообщению радио «Свобода», огонь первыми открыли охранявшие его части. Одна из первых пуль попала в ногу гранатометчику, в ответ на первый этаж здания полетела граната. И тогда открылась беспорядочная стрельба со всех сторон, от которой погибли, главным образом, не вооруженные люди, а демонстранты, пришедшие к «Останкино» требовать прямого эфира для Александра Руцкого.

3. Указ Бориса Ельцина о чрезвычайном положении в Москве вводился в действие с 16 часов 3 октября. Если учесть, что митингующие подошли к зданию Парламента не ранее чем без пятнадцати или без десяти четыре, легко понять, что Указ этот был подготовлен заранее и лишь ждал своей очереди.

4. Утром и днем 4 октября московские радиостанции передавали противоречивые сообщения. С одной стороны, они призывали москвичей сдавать кровь, медикаменты и бинты для помощи раненым, с другой — официальные чиновники от здравоохранения объявляли, что ничего этого делать не надо, что всего припасено в достатке. Спрашивается: когда и для чего?

5. По сообщению все того же радио «Свобода», Сергей Филатов, уезжая с переговоров из Свято-Данилова монастыря в 12 часов дня 3 октября, продолжать переговоры явно не собирался. Следовательно, команда Ельцина делала именно то, в чем сейчас обвиняет своих противников. Затягивала переговоры, ожидая повода, чтобы применить насилие, и провоцируя этот повод. Напомню, что многие советники президента, включая Анатолия Ракитова, руководителя одного из исследовательских центров при нем, давным-давно уже заявили о том, что другого

выхода, кроме штурма Дома Советов, нет. Принятие о штурме мэрии и «Останкино», А. Рудой и Р. Хасбулатов против своей воли помогли Ельцину оправдать кровь в глазах российского и мирового общественного мнения.

Финал трагедии известен и неизвестен. Мы до сих пор не знаем, сколько вооруженных и невооруженных людей погибли в здании Парламента, сколько их вывезли через подземные тоннели и станции метро и тайно захоронили. Попытки узнать что-то о судьбе этих людей не имели никакого результата. Хоронят и награждают лишь тех, кто расстреливал. Малая гражданская война в столице тенью прошла по регионам, коллективам и семьям. Главная проблема сейчас, чтобы она не превратилась в большую гражданскую войну. Кстати, в последнем обращении расстрелянного съезда народных депутатов России, написанном Сергеем Бабуриным, нет призыва к мести, в нем есть призыв сохранить в стране гражданский мир, несмотря на преступление власти. Всю правду о событиях в Москве мы узнаем очень не скоро, если вообще узнаем. Сейчас можно подвести лишь некоторые предварительные итоги, которые я и хочу обозначить как 3 трагедии российской демократии.

Первая — трагедия самоуничтожения. Российский Парламент, как любили говорить прежде, породил своего собственного могильщика. Именно съезд народных депутатов России избрал Б. Ельцина Председателем Верховного Совета, он много раз давал ему чрезвычайные полномочия, принял поправки к Конституции, выводящие президента и правительство из-под контроля Верховного Совета, без конца прощал такие заявления и указы, за которые в любой цивилизованной стране президент не только лишился бы должности, но и пошел под суд. С другой стороны, Б. Ельцин расстрелял Верховный Совет, в котором изначально большинство составляли его сторонники.

Вторая трагедия — трагедия защитников. Я говорю сейчас не о гибели сотен людей, в большинстве безоружных, которые пришли защищать Закон. Перед их памятью слова кажутся лишними, можно лишь склонить голову. Я говорю о том, что в решающий момент сил, готовых защищать демократию, оказалось в России удивительно мало. Ни для кого не секрет, что демократию в России удушили именно бывшие демократы, а среди защитников «Белого дома» отнюдь не все действительно хотели демократической перспективы.

Рамки статьи не позволяют мне подробно проанализировать ошибки Парламента, да и время сейчас не то, но об одном надо сказать особо. А именно о том, что на экранах телевизоров среди защитников «Белого дома» мелькали люди со стилизованной свастикой на рукаве — члены «Русского национального единства», попросту баркашовцы. Когда эти ребята появились в Краснопресненском райсовете, мы с друзьями настояли, чтобы они оттуда были удалены: лучше не иметь защитников вовсе или иметь их меньше, чем оказаться под охраной людей, у которых на рукаве свастика. К сожалению, то же самое не было сделано руководством Верховного Совета. Считаю это принципиальной и грубой ошибкой. Кстати, именно баркашовцы увели из здания Парламента Сергея Кургиняна, постоянно внушавшего Руслану Хасбулатову тактику ненасильственного сопротивления перевороту. В решающий момент у руководства Верховного Совета толковых советников не оказалось.

Теперь всех без разбора сторонников парламентской демократии именуют

«красно-коричневыми», как будто не замечая, что самая националистическая организация — васильевская «Память» — уже скоро год как поддерживает Бориса Ельцина.

Третья трагедия — трагедия перспективы, причем как экономической, так и политической. Победа сторонников «шоковой терапии», «команды» Гайдара приведет к тому, что страна получит еще один шок. Уже отпущены цены на хлеб, принято решение о резком повышении квартирной платы, а также об отказе от индексации пенсий пропорционально росту цен и замене ее равными для всех минимальными компенсациями. На очереди урезание индексации заработной платы в бюджетных сферах, возможно, отказ от выплаты пенсий работающим, вероятно, массовое банкротство предприятий. По некоторым данным, в Омске уже имеется список на кандидатов в банкроты.

В политической области ближайшие перспективы также не сулят ничего хорошего. Ни о каких свободных выборах речи быть не может. «Положение о выборах» меняется чуть ли не каждую неделю, в будущем Парламенте, как некогда в брежневском Верховном Совете, большинство будут составлять назначенные президентом начальники, которым разрешено совмещать свою должность с парламентскими обязанностями. На всякий случай функции этого Парламента еще предельно ограничены. Смысл же нового проекта конституции может быть коротко выражен фразой: «И это все о нем (президенте) и немного обо всех остальных!»

И тем не менее у оппозиции нет выбора: на выборы без выбора надо идти. Даже усеченный, полупридушенный Парламент лучше, чем полное отсутствие Парламента. Весьма вероятно, что этот Парламент хотя бы отчасти повторит историю прежнего Верховного Совета: начнет петь Борису Ельцину за здоровье, а закончит — за упокой. Никому, в том числе и парламентариям, не нравится, когда их держат, как говорил один популярный герой, «за болвана в старом польском преферансе».

Бойкотировать выборы бессмысленно. Об этом позаботились авторы «Положения». Выборы будут признаны действительными, если на них явятся всего 25 процентов избирателей, чего, разумеется, в цивилизованных странах не делают. Впрочем, мы уже привыкли догонять цивилизацию задом наперед.

Впереди, судя по всему, годы реакции. И тем не менее надо приниматься за работу. Пусть глаза боятся, а руки делают.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОМПРОМИСС ИЛИ НОВЫЕ ПОТЯСЕНИЯ? *

* Написано в период предвыборной кампании 1993 г. Опубликовано: Коммерческие вести.— 1993.— 24 ноября. С. 9

Именно этот вопрос со всей остротой встал в стране после малой гражданской войны 21 сентября — 4 октября, которая, судя по всему, подвела черту под советской эпохой нашей истории. Напомню: спустя месяц после московской трагедии даже Президент Ельцин признал, что защищать Парламент пришли не только так называемые «красно-коричневые», но и немало граждан, доведенных до отчаяния политикой «шоковой терапии». Действительно, причин для недовольства

ситуацией у различных слоев населения более чем достаточно. Приведу лишь некоторые факты. Согласно заявлению премьера Черномырдина, спад промышленного производства в России в этом году составит около 16%. Многочисленные официальные заявления накануне референдума о начале стабилизации оказались служебной агитацией. Если учесть, что в 1991 г. спад производства составил 10—15%, а в 1992 — 20—27%, то в сумме за три года получится никак не меньше 50%, чего в мирное время в России никогда не бывало и что превосходит показатели «великой депрессии» в Соединенных Штатах 1929—1933 гг. Если будут официальные прогнозы Министерства экономики, промышленный подъем ожидает страну в 1996 г., а наиболее вероятные темпы его составят 3—4% в год. Таким образом, достичь уровня «предшокового» 1990 г. удастся не ранее чем через 10 лет.

Само собой разумеется, что вместе с производственным падает и жизненный уровень. По мнению специалистов из российских министерств, которых радио «Свобода» собрало на «круглый стол» в передаче «Контакты», средний жизненный уровень с осени 1991 до осени 1993 г. упал в России приблизительно в 3 раза. Вполне возможно, что эти данные учитывают лишь официальные доходы, которые сейчас для значительной части людей перестали быть основными: не случайно вновь популярным стало проклятье: «Чтоб тебе жить на одну зарплату». Однако сам факт падения жизненного уровня большинства населения сомнений не вызывает. Согласно официальным данным, в октябре минимальная потребительская корзина (черта бедности) составляла в Российской Федерации примерно 75 тысяч рублей на человека, в Омске около 78 тысяч рублей, в том числе на работающего примерно 92 тысячи. По разным оценкам, доходы 70—80% граждан страны и области были ниже этого уровня.

В следующем, 1994, году Егор Гайдар обещает нам «голодный» бюджет, спад инфляции, но рост безработицы, свободные цены на жилье и целый ряд подобных вещей, которые вряд ли вызовут восторг у широких слоев населения.

Отнюдь не однозначно оценивается современный экономический курс и формирующимся классом предпринимателей. Мелкий и средний бизнес обеспокоен невиданным размахом коррупции чиновничества и рэкетом, порой доходящим до 25% прибыли. Обладатели капитала, не связанного с внешнеэкономическими операциями, недовольны тем, что национальное производство, национальные банки плохо защищены от иностранной конкуренции, а по существу поставлены в неравноправные условия. Политологи считают, что принятие Верховным Советом России поправок к Закону о банковской деятельности, ограничивающих возможности иностранных банков на территории России, стало одной из причин роспуска Парламента. Наконец, почти все предприниматели недовольны налоговой политикой правительства, которая делает инвестиции в производство более чем проблематичными. Точно так же недовольны они ростом бюрократического аппарата, который, по свидетельству советника Президента Михаила Малая, увеличился в 2,8 раза по сравнению с союзным и наверняка «съедает» изрядную часть всех налоговых поступлений.

Можно ли в этих условиях сохранить гражданский мир? Может быть и да, Не зря говорят, что пределов терпению русского народа нет. Вспомним хотя бы Сталина, который на приеме по случаю победы над Германией поднял тост за

долготерпение русского народа и прибавил: «Ни один другой народ не стал бы терпеть такое правительство». Однако вряд ли кто-то решится дать гарантии от новых потрясений. Не случайно бывший коммунистический, а ныне, как водится у нас, антикоммунистический журналист Отто Лацис с предельной откровенностью призывал в «Известиях» насколько возможно облегчить Президенту роспуск Государственной Думы и пояснял: ведь не открывать же стрельбу каждый раз, когда произойдет осечка на выборах!

Похоже, многие отечественные политики не сделали выводов из истории России XX в. и продолжают искать покой в бурях, тогда как на деле едва ли не единственный достойный извлечения урок гражданской войны состоит в том, что народ до нее не следует доводить, все время отыскивая баланс интересов общественных групп, а главное — принципиально отказываясь от революционной тактики «до основанья, а затем...».

Иначе говоря, если мы хотим спокойно жить, если мы намерены сохранить в стране хоть какой-нибудь мир, необходим исторический компромисс между трудом и цивилизованным бизнесом. Именно из этой идеи исходит формирующаяся Партия Труда — партия отечественных лейбористов. Та же идея была и остается основой моей предвыборной платформы. Разумеется, основное внимание в ней уделено защите прав работников, причем как наемного труда, так и работников-собственников, защите образования и культуры, а также малообеспеченных слоев населения. Однако все это немыслимо без защиты национального производства вообще. Вот почему в этой программе значатся: стимулирующие налоги и льготные кредиты — товаропроизводителям; конверсия с сохранением кадров и уровня технологий, в том числе за счет продажи оружия за рубеж; валюта за хлеб — российским крестьянам, а не американским фермерам; защита национального производства от разрушения зарубежными конкурентами; Запад — не враг, но, конечно, не кормилец России; взаимный зачет долгов предприятий; мы против искусственно вызванного банкротства отечественной промышленности; смешанная экономика, где каждая форма собственности занимает свою экономическую «нишу»; стимулирование государственных и частных предприятий, которые превращают работников в совладельцев производства, вкладывают средства в образование, культуру, экологию, медицину; ограничение вывоза капитала из России, который составляет, по оценкам международных экспертов, 15—40 миллиардов долларов в год, и т. п.

Социальный вектор программы выражен формулой: мы не против честного богатства и богатых, мы за то, чтобы не было бедных! Это и есть формула исторического компромисса, который, как любой компромисс, предполагает взаимные уступки.

Суть дела очень проста: тяжесть переходного периода нельзя перевалить исключительно на плечи работников и малообеспеченных слоев населения. Разумеется, куда приятнее быть богатым и здоровым, чем бедным и больным. Однако надо понять: роскошь одних на фоне нищеты других — это плохо для обеих сторон и для страны в целом.

Если мы хотим сохранить гражданский мир в стране, господствующая ныне идеология всеобщего разворовывания собственности по принципу «деньги не пахнут» должна быть заменена протестантской этикой честного, трудового

стяжательства, накопления капитала.

На вопрос о том, чем может обернуться для предпринимателей приход к власти людей близкой мне ориентации, я бы ответил, что часть предпринимателей от этого выиграет, им будут созданы лучшие условия, чем при Правительстве Ельцина—Гайдара. К этой части относятся те, кто: вкладывает капитал в производство в России, а не в дорогие «Мерседесы» или небоскребы за рубежом; инвестирует создание новых рабочих мест, социальные программы, экологию, образование и культуру; заботится о нормальных условиях труда и жизни для собственных работников. Короче, выиграл бы почти весь цивилизованный, национально и социально ориентированный бизнес. Другим, извините, улучшений обещать не могу.

Напомню: экономическая программа, ориентированная на исторический компромисс, уже предлагалась околоцентристскими силами между февралем и октябрем 1917 г. Она включала среди прочих позиций ограничение роста заработной платы при одновременном введении прогрессивных налогов на крупный капитал. Однако реализована не была. Финал известен. Вообще, история России XX века была удивительно богата потрясениями: революция 1905 года, две революции 1917 г., гражданская война, сталинский перелом и вот, наконец, сентябрьско—октябрьская трагедия в Москве. Может быть, пора остановиться? Неужели всего этого нам мало, чтобы понять: худой мир лучше доброй ссоры!..

СЕНАТ РЕСПУБЛИКИ ИЛИ ИМПЕРАТОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ? *

О расстановке сил и перспективах российского Совета Федерации

Написано в соавторстве с А. Е. Комаровым. Опубликовано: *Позиция.*— 1994.— № 5 (под заголовком «Совет Федерации: будет ли он карманным»)

Предлагаемый анализ основывается на опыте первого заседания верхней палаты Федерального Собрания России и потому неизбежно имеет предварительный характер. Дальнейшая работа Совета Федерации, несомненно, потребует корректировки сделанных здесь выводов.

Верхнюю палату российского Парламента нередко рассматривают как некий аналог американского Сената, а депутатов, соответственно, именуют сенаторами. И действительно, главная функция той и другой палаты состоит в том, чтобы представлять в высшем органе законодательной власти интересы регионов независимо от численности населения, а в России еще и интересы национально-государственных образований. Однако на этом аналогия заканчивается, и начинаются оригинальные российские изобретения, которые вряд ли можно отнести к завоеваниям демократии.

Во-первых, согласно статьям 95 и 96 новой Конституции, Совет Федерации не избирается, а формируется. В него должны войти по одному представителю от законодательной и исполнительной власти субъектов Федерации. Хотя Конституция напрямую этого не утверждает, предполагается, что членами Совета Федерации станут председатели областных и республиканских законодательных собраний, а также главы администраций и президенты республик в составе России.

Совмещение в одном лице должностей губернаторов и сенаторов — это первая новация современной российской политической системы, насколько можно судить, не имеющая аналогов в мире. Последнее вполне естественно, ибо российский вариант грубо нарушает систему разделения властей, о которой так много шумела российская политическая публицистика.

Для характеристики последствий подобного совмещения может быть использован следующий образ: в любом государстве представители исполнительной власти — это, так сказать, «волки» по должности; законодателям же отводится функция «егерей», расставляющих «флажки», за которые «волкам» выходить не положено (как известно, принцип публичного права, в отличие от частного — разрешено только то, что разрешено). В таком случае, превращать губернаторов в сенаторов — все равно что назначать волков егерями.

Во-вторых, в соответствии с пунктом 9 заключительных и переходных положений Конституции депутаты Совета Федерации первого созыва осуществляют свои полномочия на непостоянной основе. Сенатор по совместительству — нечто вроде хирурга-любителя — еще одна российская новация, вряд ли способствующая продуктивной работе Парламента. Особенно нетерпимым подобный статус становится в отношении Председателя палаты, его заместителей, руководителей комитетов и т. п. Не случайно уже на первом заседании Совета Федерации мучительно решался вопрос о том, как обойти данные нормы только что принятой Конституции.

В-третьих, отсюда следует, что Совет Федерации задумывался разработчиками Конституции отнюдь не как аналог американского Сената, а как нечто среднее между Императорским Государственным Советом дореволюционной России и Верховным Советом советской эпохи. От первого он унаследовал принцип назначения части членов (главы администраций), от второго — процедуру «законотворчества», сводящуюся к одобрению кадровых назначений и юридических актов собравшимися на короткое время «представителями народа».

Однако по сравнению с Верховным Советом эпохи Сталина или Брежнева Совет Федерации выполняет и новые функции. Например, функцию одного из трех фильтров на пути утверждения законопроекта. Напомню, что, согласно статье 104 новой российской Конституции, законопроекты о введении или отмене налогов, освобождении от их уплаты, о выпуске государственных займов, об изменении финансовых обязательств государства, другие законопроекты, предусматривающие расходы, покрываемые за счет федерального бюджета, могут быть внесены только при наличии заключения Правительства. При этом обязанность Правительства давать такое заключение не оговаривается. Во-вторых, Совет Федерации может отклонить законопроект, принятый Думой, и тогда это вето преодолевается двумя третями голосов. Наконец, право вето на принятый обеими палатами законопроект принадлежит Президенту и преодолеть его можно лишь двумя третями голосов каждой из палат.

Несмотря на всю ущемленность и двусмысленность положения верхней палаты российского Парламента, опыт ее первого заседания позволяет утверждать, что расчеты разработчиков Конституции оправдались не вполне. Совет Федерации, по видимому, будет заметно лояльнее режиму, нежели Государственная Дума, но, скорее всего, не станет слепым проводником политики исполнительной власти.

Лояльность Совета Федерации предопределена его социально-профессиональным составом. По данным мандатной комиссии, 11 депутатов представляют структуры президентской власти, 7 — федеральное Правительство, 71 — территориальные и местные органы исполнительной власти. Итого 89 из 171 избранного к настоящему времени депутата Совета Федерации.

Правда, далеко не все представители исполнительной власти связаны формальной политической принадлежностью. К «Выбору России» среди членов Совета Федерации принадлежит 6, к другим политическим течениям правой половины спектра — 4. Однако вполне естественно, что должностные лица, либо непосредственно назначенные Президентом как главы областных администраций, либо подчиненные ему через вертикаль исполнительной власти, при открытом голосовании по абсолютному большинству вопросов будут поддерживать того, кто их назначил. Проведение президентской линии через Совет Федерации облегчается и тем, что главы администраций изначально связаны должностным статусом и личными знакомствами. Им предлагается жить в специальной гостинице, отдельно от других депутатов встречаться с премьер-министром, другими руководителями Правительства, в том числе в неофициальной обстановке.

Тем не менее «президентская машина голосования», в качестве которой задуман Совет Федерации, уже в первые дни работы несколько раз дала сбой. Так, явный фаворит, «человек Президента» Владимир Шумейко не прошел на должность Председателя Совета при первом выдвижении и, более того, во втором туре получил 81 голос против 79 у представителя оппозиции Петра Романова. Победу Шумейко при втором выдвижении обеспечили голоса все тех же глав администраций, с которыми была проведена соответствующая работа, а также, по-видимому, голоса представителей национальных республик, после того как выяснилось, что Петр Романов был одним из основателей Русского национального собора. Хотя сам Романов какого-либо национализма на заседаниях не проявил, репутация этой организации явно пошла ему во вред.

Второй сбой едва не произошел при утверждении председателя Комитета по обороне и безопасности. Всего трех голосов не хватило для занятия этой должности генералу Петру Ширшову, который не просто поддержал решение Конституционного Суда по Указу Президента Бориса Ельцина № 1400 о роспуске российского съезда народных депутатов, но 4 октября 1993 г., когда танковые пушки стреляли по зданию Парламента, снял с себя генеральскую форму. Если кворум в зале в этот момент не был близок к предельно допустимому, Ширшов, несомненно, возглавил бы важнейший комитет Совета Федерации.

Не располагая достаточным для анализа статистическим материалом, по общему тону можно утверждать, что в Совете Федерации радикальные настроения как правого, так и левого толка представлены крайне слабо. Официально о своей принадлежности к левым политическим течениям заявили 14 депутатов, в том числе к Коммунистической партии Российской Федерации 11, к Союзу коммунистов Карелии — 1, к Аграрной партии — 1, к Партии Труда — 1. Большинство депутатов стремятся продемонстрировать околоцентристские позиции и, в частности, дистанцироваться от радикальных рыночников гайдаровского толка. Преобладающая позиция может быть определена как правоцентристская.

Очень отчетливо обнаружилась в верхней палате российского Парламента и другая нарастающая в России тенденция — тенденция если не национализма, то государственных настроений. Большинство выступающих, включая недавних сторонников разрушения Советского Союза, апеллируют к национальным российским чувствам, ратуют за великую Россию, призывают «собирать камни», которые они же совсем недавно разбрасывали, выступают за тесную интеграцию с республиками бывшего Союза. Если к тому же учесть, что значительная часть представителей новой номенклатуры принадлежала к номенклатуре и в прежние времена и часто недовольна вторжением нуворишей в экономику и политическую жизнь, можно предположить, что общей латентной целью деятельности Совета Федерации будет некая модель государственного капитализма национального толка.

Последующая работа верхней палаты российского Парламента должна подтвердить или опровергнуть эту гипотезу.

ПАКТ О ВСЕОБЩЕМ СОГЛАСИИ... С ПРЕЗИДЕНТОМ! *

* Опубликовано: Позиция.— № 18.— 1994.— 30 апреля—6 мая. С. 3 (под заголовком «Давайте согласимся согласиться»); Правда.— № 72.— 1994.— 28 апреля. С. 1—2 (под заголовком «Капкан готов»)

Едва ли не центральным внутривнутриполитическим событием апреля стало обсуждение предложенного от имени Президента «Соглашения о достижении гражданского согласия в России». Подписать его предложено обеим палатам российского Парламента, политическим и религиозным движениям, профсоюзам, средствам массовой информации, субъектам Федерации.

Слов нет, в России все устали от политических «разборок», да и танки, стреляющие по зданию Парламента, у многих стоят перед глазами. Тоска по гражданскому миру, нормальной, спокойной жизни в обществе, безусловно, нарастает. Однако прежде чем единодушно согласиться, полезно посмотреть, с чем именно и в какой форме. При этом предложенный проект может оцениваться с трех позиций: формально-юридической, содержательной и общеполитической.

С формально-юридической точки зрения Соглашение явно не выдерживает критики, и прежде всего по составу предполагаемых подписантов. Разумеется, в подобном проекте могут участвовать, если они того захотят, политические партии, общественные и религиозные организации, профсоюзы и т. п. Однако это не дело органов власти. Каждому мало-мальски юридически грамотному человеку известно, что отношения между ветвями власти определены Конституцией и другими законодательными актами. Если предполагаемое Соглашение повторяет Конституцию, в нем нет необходимости. Если выходит за рамки Конституции — тем более.

Скажу прямо: я никогда не принадлежал к поклонникам прежней Конституции, недостаточно демократической, тем более не являюсь сторонником нынешней — вполне авторитарной. Но всем очевидно, что несовершенное право лучше беззакония.

Вообще, история всякого рода неконституционных соглашений началась не

сегодня и должна бы, кажется, кое-чему нас научить. Вспомним хотя бы, как расстрелянный Верховный Совет все время призывал президентскую сторону: давайте соблюдать Конституцию! И все время слышал в ответ: нет, давайте поговорим о том, как мы будем ее нарушать! Результат известен. Похожая история повторяется, но на сей раз не с так называемой «брежневской» Конституцией, а с Конституцией, писанной по указанию Президента, людьми Президента, для Президента.

Вообще, если Совет Федерации и Государственная Дума хотят выразить свою приверженность гражданскому миру, гораздо разумнее было бы принять соответствующее обращение к народам России, политическим движениям, конфессиям, органам власти, включая самого Президента. Последнее хочу подчеркнуть особо, ибо факты заставляют сомневаться в том, насколько серьезно относятся авторы предлагаемого Соглашения о согласии не только к Конституции, но и к самому этому Соглашению.

Как известно, статья 5 Конституции предусматривает равенство субъектов Федерации в отношении федеральных органов власти, а предложенный проект Соглашения предполагает мораторий на заключение двусторонних договоров о разграничении полномочий между этими органами и субъектами. И что же? Одновременно благополучно заключается договор между Российской Федерацией и Татарстаном и объявляется о подготовке аналогичного договора с Чечней. Оценка целесообразности этих договоров — вопрос особый, но то, что они идут вразрез с Конституцией и проектом Соглашения — это, как говорится, медицинский факт. Однако более чем сомнительно, что инициаторы Соглашения стали наказывать самих себя за это нарушение.

В содержательном плане предложенный документ вызывает серьезные сомнения. И вот почему. Если всем-всем-всем предлагается некое Соглашение о согласии, то совершенно очевидно, что оно, как любое соглашение, может основываться только на взаимных уступках. Однако никаких реальных шагов навстречу требованиям «несогласных» в документе обнаружить не удастся. В лучшем случае встречаются только декларации.

Например, профсоюзам вменяется в обязанность отказ от организации забастовок, связанных с перераспределением бюджетных средств. Казалось бы, в ответ можно было ожидать усиление социальных гарантий для работников. Ничуть не бывало! Президент и Правительство «вбрасывают» в Думу проект бюджета, который нельзя оценить не иначе, как антисоциальный, антиобразовательный, антикультурный. Даже фракция Гайдара при всем ее монетаризме требует корректировки бюджета по этим позициям.

Недавно на совместном заседании комитетов Государственной Думы и Совета Федерации, занимающихся вопросами образования, науки и культуры, было принято решение голосовать против проекта бюджета. В условиях, когда Президент не выполняет свой собственный Указ № 1, а правительство — Указ Президента и законодательство Российской Федерации об образовании и культуре, совесть не позволяет мне призывать моих коллег — работников образования — отказываться от борьбы за свои законные требования всеми законными способами. Подписывать Соглашение о согласии при «драконовском» бюджете для профсоюзов — все равно что делать себе политическое хакари!

Другой пример: от оппозиции и депутатов Федерального Собрания требуют, чтобы они отказались от идеи досрочных выборов Президента. И это после того, как сам Президент назначил собственные выборы на 12 июня, представительные органы в центре и на местах были распущены, а то и просто разогнаны, полномочия же новых представительных органов урезаны до декоративного уровня. Впрочем, господин Президент всегда был хозяином своего слова: хочет — даст, хочет — возьмет обратно. Что касается новой представительной власти, то отношение к ней лучше всего проявляется в том, что руководителей законодательных собраний субъектов Федерации не намереваются приглашать к подписанию все того же Соглашения, предпочитая назначенных губернаторов. Число подобных примеров можно множить без труда. Однако и приведенных достаточно для того, чтобы понять: стране представлен не документ о взаимном согласии политических сил, а документ о всеобщем согласии с Президентом! Скорее всего, результат в очередной раз окажется противоположным первоначальным намерениям. Вместо того чтобы объединиться, страна расколется на 2 лагеря: согласных и несогласных с согласием. Не исключено, что после подписания Соглашения на «несогласных» начнется охота. «Кары» для них в документе уже предусмотрены.

Если президентская сторона на самом деле думает о гражданском мире, а не о пропагандистских кампаниях, ей следовало предложить оппозиции реальные встречные шаги: новый курс — в экономике, правительство национального доверия — в политике. Без этого документ выглядит как веревка, которой оппозиция сама себе должна связать руки, оставляя полную свободу маневра для оппонентов.

И, наконец, общеполитическая оценка документа должна основываться на реальности или нереальности практического воплощения заложенной в ней идей. По этому поводу любой объективный специалист по социальным и политическим наукам без долгих размышлений может сказать, что условий, на которых держится относительное гражданское согласие в развитых странах Запада, в России в настоящее время нет. Назовем эти условия:

1. Высокий или хотя бы приемлемый для большинства населения уровень жизни. Не менее 1/3 населения России имеют доходы ниже физиологического минимума, 75—80% — ниже минимальной потребительской корзины.

2. Умеренное или хотя бы контролируемое социальное неравенство.— По словам вице-преьера Александра Шохина, еще 3 года назад по этому показателю мы были на уровне развитых стран, теперь «догнали» и «перегнали» их в 3—4 раза!

3. Уважение к праву, реформирование общества правовым путем, а не его революционное разрушение.— После малой гражданской войны 21 сентября — 4 октября 1993 г. комментарии здесь вообще излишни.

Нынешнюю президентскую инициативу часто сравнивают с пактом Монклоа, однако забывают, что она опоздала, как минимум, на целый исторический период. Этот пакт, напомню, подписывался вскоре после смерти Франко именно для того, чтобы направить процесс в русло реформ, не допустив революционного разрушения системы со всеми его неизбежными бедами. В Испании плохие франкистские законы действовали до тех пор, пока не отменились законным

порядком. К помощи гениальной музыкальной фразы «да—да—нет—да» и уж тем более — танковых орудий, там не прибегали.

Что же делают у нас? Сначала разрушают страну «до основания», устраивают «великую депрессию» в экономике, равной которой ни одно государство в мирное время не знало, но затем предлагают: давайте с этим согласимся!

Поздно, господа. Аналогом пакта Монклоа в Советском Союзе мог быть лишь пакт Горбачева — Ельцина в 1990—1991 гг. Теперь же «процесс пошел» и остановить его призывами «давайте жить дружно» вряд ли возможно. Вообще, революционерам новейшего образца полезно вспомнить о том, что революция пожирает своих детей.

Попытка найти согласие при продолжении прежнего курса напоминает мне лечение симптомов вместо самой болезни. Когда у больного температура 40 градусов, ему прописывают сильные средства. И никакое согласие врачей на консилиуме считать эту температуру нормальной помочь не может. Без нового экономического курса и правительства национального доверия пакт о гражданском согласии в России — это или очередная утопия, или ловушка для всех, кто не согласен с разрушением своей страны.

«ИМПИЧМЕНТ» БЕЗ ОТРЕШЕНИЯ: ПОПЫТКА ЧЕТВЕРТАЯ — И ПОСЛЕДНЯЯ

К итогам работы Государственной Думы второго созыва

1. «Полуправный» Парламент: стереотипы и действительность

Драматические события 12—19 мая 1999 г. и в особенности их кульминация — голосование по вопросу об отрешении от должности Президента Б. Н. Ельцина 15 мая — знаменовали не просто окончание предыдущего и начало очередного этапа постновойшей политической истории России (если сохранить за советским периодом наименование новейшей истории), но и фактическое подведение политических итогов работы Государственной Думы второго созыва. И даже если Думе суждено «дожить» до установленного Конституцией окончания срока депутатских полномочий, ее историческое время прошло. При этом то, что должно было стать звездным часом Парламента, обернулось днем его поражения, а для части депутатов — годами позора!

Восторженный шум (чуть не сказал: радостный лай), которым встретили итоги думского голосования контролируемые Правительством и «олигархами» средства массовой информации, исключал, разумеется, возможность сколько-нибудь серьезного анализа, а нередко вступал в противоречие со всеми системами логики, известными человечеству. Так, Станислав Кучер — известный ведущий программы «Обозреватель» — посылал в адрес депутатов, так сказать, «из двух стволов» проклятия, суть которых можно свести к риторическим вопросам: 1) Как посмели поднять руку на Президента? и 2) Почему продались? Очевидная любому старшему школьнику мысль о том, что если ты развенчиваешь тех, кто «продались», надо, по крайней мере, с уважением относиться к тем, кто «поднял руку», и, наоборот, если ты критикуешь «поднявших руку», следует восхвалять «продавшихся» — эта мысль «обозревателю» в голову так и не пришла. И это не удивительно: Уголовный Кодекс не предусматривает статьи за насилие над

логикой!

Подобные замечания вовсе не означают попытки оправдания Государственной Думы, а тем более — самооправдания. Задача этой статьи совершенно иная, а именно: попытаться понять характер исторической драмы, пережитой нижней палатой российского Парламента и, более того, в какой-то степени исторической драмы российского парламентаризма в период после принятия Конституции 1993 г. Это, в свою очередь, предполагает отказ от ряда стереотипов, постоянно внедряемых в массовое сознание на протяжении всего срока работы Государственной Думы второго созыва.

Стереотип первый — о «коммунистической Думе» или в более культурном варианте — о «левом думском большинстве». Интересно, что известный вклад в создание этого стереотипа внесли сами левые депутаты, переоценившие успех коммунистов и их союзников на выборах 1995 г., а равным образом, и историческое значение избрания члена КПРФ Геннадия Селезнева председателем нижней палаты Парламента. Вербальным знаком легкой эйфории, царившей в левых кругах в начале 1996 г., может служить популярный тогда анекдот.

Вопрос: Какой товар стал в России самым дефицитным?

Ответ: Лопаты. Бывшие коммунисты выстраиваются за ними в очередь, чтобы откапывать партбилеты, зарытые на огородах!

Разумеется, анекдот «канул в лету» вместе с эйфорией, зато стереотип был подхвачен и использован проправительственной пропагандой, организаторы которой быстро сообразили, что провалы «политики реформ» можно будет теперь списывать не только на «проклятое коммунистическое прошлое», но и на думское «коммунистическое большинство».

Между тем после регистрации фракций и групп расклад политических сил в Государственной Думе второго созыва в начале 1996 г. выглядел следующим образом:

Достаточно математических знаний среднего ученика 2-го класса, чтобы убедиться: фракция КПРФ вместе с союзными ей Аграрной группой и группой «Народовластие» имели в начале срока полномочий второй Государственной Думы 210 голосов. С учетом того, что, во-первых, для принятия Федерального Закона и даже любого Постановления Государственной Думы требуется 226 голосов, что, во-вторых, важнейшие думские решения, включая поправки к Конституции, федеральные конституционные законы, выдвижение обвинений против Президента Российской Федерации, принимаются большинством в 300 голосов, что, в-третьих, союзники коммунистов не связаны партийной дисциплиной, а потому не все и не всегда голосовали солидарно, искусственный характер стереотипа о «коммунистической Думе» должен был быть с самого начала очевиден любому добросовестному аналитику.

В действительности же, поскольку вторая по численности фракция в Государственной Думе (НДР) изначально была проправительственной, а значительная часть «независимых» (внефракционных) депутатов принадлежала к партиям и движениям праволиберальной ориентации, левые в Государственной Думе не могли принять ни одного решения без поддержки либо ЛДПР, либо «Яблока», либо группы «Российские регионы». Что же касается решений, требующих конституционного большинства в 2/3, то они могли приниматься лишь

при поддержке левых со стороны, по крайней мере, двух отнюдь не союзных им фракций или групп. Не имея в Думе большинства, необходимого для принятия решений, левые вместе с тем обладали меньшинством, достаточным для того, чтобы ни одно серьезное решение не могло быть принято без их прямого или косвенного согласия, так сказать, блокирующим пакетом голосов. Впрочем, об этом речь впереди.

Возможно, формирование стереотипа о «левом думском большинстве» в пропрезидентских средствах массовой информации в какой-то степени стало результатом верности традиции, а также самоотравления пропагандой: к левому большинству по инерции и из идеологических соображений продолжали относиться Жириновского («детитще КПСС и КГБ»), тогда как на самом деле ЛДПР от позиции беспринципного качающегося Центра в начале срока полномочий Государственной Думы к концу этого срока нередко занимала нишу правее НДР. Эта позиция, с одной стороны, сделала ее рупором пропрезидентского окружения (что у «Семьи» на уме, то у Жириновского на языке), а с другой — предопределила формирование по целому ряду вопросов жирино-эндэровских или жирино-яблочных коалиций, которые еще 3 года назад казались невозможными и противоестественными. Основой формирования таких коалиций периодически выступают то прочерномырдинские, то антикоммунистические настроения.

Стоит заметить, что и к концу срока полномочий Государственной Думы второго созыва ее фракционно-групповой состав принципиально не изменился, о чем свидетельствуют следующие данные:

Стереотип второй — об ответственности Государственной Думы за срыв процесса «реформ», а тем самым — за дальнейшее ухудшение положения большинства народа. Широкий резонанс вызвало, в частности, «озвучивание» этого стереотипа Президентом во время выступления перед депутатами Федерального Собрания с ежегодным президентским посланием «Россия на рубеже эпох (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» 30 марта 1999 г. В отличие от первого, второй стереотип имеет сложную структуру и включает в себя, по крайней мере, три составляющих, которые можно сформулировать следующим образом:

в России происходят реформы;

эти реформы призваны и способны улучшить жизнь большинства населения России;

Государственная Дума в состоянии изменить ход и исход реформ.

Каждый из этих постулатов, безусловно, заслуживает того, чтобы стать предметом специальной работы, хотя все они представляются мне либо сомнительными, либо откровенно ложными.

Для начала замечу, что тезис о российских реформах, равно как и реформаторах, представляется мне весьма удивительным на фоне заявлений этих самых реформаторов о том, что коммунистическая система по самой своей природе была нерепформируема. Как можно реформировать то, что реформированию не поддается, знают, очевидно, только «ночь глубокая» да теоретики, умудрившиеся соединить в одну концепцию два столь несовместимых положения.

На самом деле совершенно очевидно, что в первой половине 90-х гг. в России произошла очередная революция со всеми неизбежными ее признаками, включая,

по крайней мере, пять революционных катастроф: экономическую, социальную, демографическую, нравственную и геополитическую. После победы Бориса Ельцина на выборах 1996 г. (действительной или мнимой — это вопрос другой) наступило время реформ. Но это реформы не вместо, а вместе с революцией, не взамен ее, а в ее завершение, не избавляющие систему от разрушения, но довершающие разрушение системы, не реконструктивные, но деструктивные и т. п.

Когда в уже упоминавшемся Послании Федеральному Собранию Президент России говорил, что Россия застряла где-то посередине между капитализмом и социализмом, он был одновременно прав и неправ. Прав — поскольку в стране от советских времен действительно сохранились остатки системы социальных гарантий: низкий пенсионный возраст, сравнительно низкие цены за аренду жилья и коммунальные услуги, преобладание бесплатного и «малооплатного» образования, «пережитки» бесплатной медицины и т. п. Неправ — поскольку ликвидация этих «родимых пятен» социализма под лозунгом завершения «радикальных реформ» приведет страну не к современному «социализированному» капитализму, какой мы наблюдаем в большинстве развитых стран, но к полной и окончательной победе «бандитского капитализма», по выражению Бориса Немцова и Анатолия Чубайса, которые, будучи одними из главных вдохновителей такого капитализма, в последнее время ведут против него шумную словесную борьбу.

Отсюда совершенно очевидно, что «реформы» социальной сферы по-российски не только не способны улучшить жизнь большинства населения, но никогда для этого и не предназначались. В этом смысле Е. М. Примаков совершенно справедливо именовал их «реформами без населения». Напротив, правая печать потому и именуется подобные меры «непопулярными», а их противников клеймит как «популистов», что суть новейших «социальных реформ» заключена в непрерывном «обрезании» социальных гарантий под непрерывно тающие, словно «шагреновая кожа», бюджеты. Правда, в отличие от бальзаковской, бюджетная «шагреновая кожа» сокращается под действием не одного, а сразу двух факторов: экономического кризиса и «предпринимательской» деятельности «новых русских» из числа бывших государственных чиновников совместно с государственными чиновниками из числа «новых русских».

Интересно, что факт подобного «предпринимательства» не оспаривается не только левыми, но и правыми, однако странным образом никак не увязывается с характером «социальных реформ». То Григорий Явлинский вдруг заявляет (цитирую по памяти): во всем мире банки собирают деньги у населения и вкладывают их в производство, а в России они забирают деньги из бюджета и отправляют их за рубеж; то профессор Стенфордского университета Михаил Берштам вещает по «Свободе» о необходимости приватизации остатков российской промышленности при одновременной национализации государственных финансов, в настоящее время приватизированных «олигархами»; то, наконец, уже упоминавшиеся основоположники «бандитского капитализма» требуют заменить его капитализмом «народным», понимая под этим равный доступ всех компаний к дележу «бюджетного пирога» (по-видимому, «народ» в России в их понимании состоит исключительно из владельцев компаний!). Разумеется, при столь своеобразном понимании можно утверждать, что «российские социальные реформы» направлены на улучшение жизни «народа»,

поскольку они никак не ограничивают свободу бизнесменов от бюджета. При любой же другой, менее экзотической, трактовке понятия «народ» направленность социальных реформ против этого самого народа вряд ли может быть опровергнута самой изощренной логической эквилибристикой. В самом деле, как можно оценить следующие предложения «молодых (и не очень молодых) реформаторов»:

- о повышении пенсионного возраста — при невиданном в мирное время снижении средней продолжительности жизни, особенно у мужчин;

- о том, чтобы работающие пенсионеры не имели права одновременно получать заработную плату и пенсию — в ситуации, когда сумма их обеих сплошь и рядом оказывается ниже прожиточного минимума;

- о всеобщем введении платного или, по крайней мере, частично платного образования, а равно и медицины — при условии, что 3/4 населения принадлежат, по меркам индустриально-развитых стран, к различным группам «низшего класса»;

- о перенесении основной тяжести налогового бремени с предприятий на граждан — когда эти самые граждане в значительном своем большинстве месяцами не получают заработную плату, а долги по ней исчисляются рекордными астрономическими цифрами и т. д. и т. п.

С любой точки зрения, кроме чисто идеологической или «радикально-экономической», срыв планов подобного «реформирования» должен быть поставлен в заслугу, но никак не в вину Государственной Думе. Впрочем, нельзя забывать, что, с одной стороны, названные выше «реформы» были сорваны лишь отчасти, а с другой — в российской исторической ситуации 90х годов с помощью массивной обработки общественного сознания немалое число граждан сумели убедить в том, что им выворачивают карманы для их же собственного блага!

Наконец, по поводу способности Государственной Думы определяющим образом повлиять на ход и исход российских реформ необходимо заметить следующее.

Нижняя палата российского Парламента по своему конституционному статусу действительно способна помочь либо помешать законодательному — подчеркиваю: законодательному — «запуску» тех или иных нововведений и, более того, почти непрерывно этим занималась. Вспомнив еще раз многочисленные президентские либо правительственные проекты, отметим, что именно благодаря позиции Парламента пенсионный возраст в России все еще один из самых низких в мире, работающие пенсионеры получают полную пенсию, образование и даже медицина по закону в основном бесплатны, а из всех законопроектов Правительства Кириенко, призванных переложить тяжесть налогов с юридических лиц на граждан, принят только один — налог с продаж, да и тот вводится по усмотрению субъектов Российской Федерации.

Однако драма российского парламентаризма во многом тем и определяется, что основная палата Парламента представляет собой орган, скорее, законосовещательный, чем законодательный, не полноправный, а бесправный, или, как иногда говорят, «полуправный». Она подобна человеку, который пытается бороться со своим противником, имея связанные руки. Сами наименования «дума» и «думцы» ассоциируются с образом людей, которым позволено сколько угодно думать, но не действовать, вызывают в памяти строки из Некрасовского «Рыцаря на час»:

Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано...

В справедливости этих утверждений легко убедится каждый, кто внимательно прочтет российскую Конституцию и задумается над проблемой исполнения федеральных законов. При этом становится очевидным, что новый российский Парламент хотя, в отличие от Верховного Совета, и не является репрессированным, зато, как минимум, пятикратно «поражен в правах».

Во-первых, депутаты Государственной Думы, да и сама нижняя палата Парламента, по крайней мере, дважды ограничены в праве законодательной инициативы. С одной стороны, согласно статье 104 Конституции РФ, «законопроекты о введении или отмене налогов, освобождении от их уплаты, о выпуске государственных займов, об изменении финансовых обязательств государства, другие законопроекты, предусматривающие расходы, покрываемые за счет федерального бюджета, могут быть внесены только при наличии заключения Правительства Российской Федерации». До принятия федерального конституционного Закона о Правительстве сроки представления Правительством заключений на проекты федеральных законов нигде не оговаривались, и таких заключений нередко приходилось ждать многими месяцами. К тому же нередко документы, направленные из Правительства в Парламент, именовались не заключениями Правительства РФ, а замечаниями Правительства РФ на такой-то законопроект, что давало представителю Президента право утверждать на пленарных заседаниях, что Закон принимается в нарушение 104-й статьи Конституции!

С другой стороны, проект федерального бюджета на очередной год, в котором выражена квинтэссенция экономической политики, не может быть внесен в Государственную Думу никем, кроме Правительства, и, следовательно, парламентским комитетам волей-неволей приходится искать варианты частичного исправления, а то и просто ретуширования праволиберального экономического курса вместо того, чтобы принципиально поменять этот курс.

Во-вторых, за редким исключением Государственная Дума не в состоянии добиться того, чтобы законопроект стал законом без согласия Президента. Президент же в большинстве случаев отклоняет законы, направленные на расширение социальных прав граждан. Так, новая редакция статьи 7 Закона «О ветеранах», предусматривающая право стать ветераном труда для мужчин, имеющих трудовой стаж 40 лет и женщин — 35 лет, четырежды принималась Государственной Думой второго созыва, но ни разу не была подписана Президентом. За три срока депутатских полномочий автора из 9 законов в области образования, доходивших до Президента, с первого раза подписан лишь один! В свое время получали президентское вето обе редакции Закона РФ «Об образовании», Федеральный Закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», Федеральный Закон «О выплате пенсии за выслугу лет работникам образования, занятым педагогической деятельностью в школах и других учреждениях образования для детей», Федеральный Закон «О социальной защите инвалидов», Федеральный Закон «О государственной поддержке начального профессионального образования» и т. д. и т. п. Сколько раз за тот же период отклонялись законы, предусматривающие повышение

минимальной заработной платы или минимального размера пенсий, просто не счесть.

Нередко высокий процент отклоненных Президентом законов выдается за показатель низкого качества их юридической проработки. Слов нет, в каких-то случаях и это, наверное, имеет место. Однако гораздо чаще за юридической казуистикой президентских писем об отклонении законов скрывается простое, как три рубля, желание не допустить увеличения или даже поддержания на прежнем уровне бюджетных расходов на социальную сферу. Примером тому может служить полуанекдотический случай о том, как дважды отклонялся Президентом Федеральный Закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». После первого вето мы сочли, что на конфликт идти не стоит и текст с президентской стороны можно согласовать. Приняв практически все замечания представителя Президента в Государственной Думе, мы приняли закон повторно и спокойно ожидали его подписания, когда неожиданно на согласованный текст последовало... повторное вето! Думаю, в американской или французской прессе при такой ситуации был бы крупный скандал. У нас же на такие «мелочи» никто не обращает внимания. Как выяснилось, представитель Президента просто был в командировке и не успел оповестить своих коллег из главного ГПУ при Президенте о том, что все согласовано. Они же в соответствии с общей установкой на отклонение написали повторные замечания о несоответствии закона Конституции, Гражданскому Кодексу и т. д. и т. п. и пр., причем длиннее прежних. От законодателя требовали, например, объяснить в Законе, что такое факультативные курсы! Число таких примеров можно множить без труда.

Вернемся, однако, к главному. Для того, чтобы преодолеть вето Президента, требуется 2/3 голосов в обеих палатах Парламента. Как уже говорилось, в Государственной Думе это возможно лишь при условии поддержки левого блока со стороны, как минимум, двух не союзных ему фракций и групп (ЛДПР, НДР, «Яблока», «Российских регионов» — в любом сочетании). Такая поддержка сама по себе — сравнительная редкость. Именно из-за ее отсутствия Государственная Дума не смогла, например, принять ни одной из подготовленных поправок к Конституции, направленных на устранение дисбаланса полномочий между Президентом и Парламентом, в том числе на превращение нижней палаты из «думы» в настоящий законодательный орган.

Еще реже набирается 2/3 голосов за преодоление президентского вето в верхней палате Парламента — Совете Федерации, нынешний состав которого, в отличие от Совета Федерации первого созыва, формируется уже не путем прямого избрания, но по должности — из руководителей законодательных (представительных) и исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации. Понятно, что региональные лидеры, и в особенности губернаторы, без особой нужды не хотят «ссориться» с Президентом, в то же время испытывая гораздо более слабое давление избирателей по сравнению с депутатами Государственной Думы. Помимо всего прочего, у Президента и Правительства всегда есть «рычаг» давления на регионы в виде трансфертов и субвенций. Работая в Совете Федерации первого созыва, лично слышал от руководителя законодательного собрания одной из областей, а ныне ее губернатора, следующие рассуждения (цитирую близко к тексту): «Мужики! Я-то понимаю, что бюджет никуда не годится! Но если я за него

не проголосую, моей области не дадут ни рубля!» В условиях, когда подавляющее большинство российских регионов и республик является дотационным, подобный «рычаг» влияния оказался исключительно действенным.

Справедливости ради к этому следует добавить, что в большинстве законов социальной направленности, принимаемых Государственной Думой, по крайней мере, часть расходов отнесена не к федеральному, но к региональным и местным бюджетам. Соответственно главам законодательной и исполнительной власти субъектов федерации, составляющим верхнюю палату Парламента, приходится семь раз подумать перед голосованием, способен ли региональный бюджет принять на себя соответствующие расходы. По важности этот фактор вполне сопоставим с президентско-правительственными механизмами воздействия на членов Совета Федерации и еще более затрудняет принятие федеральных законов, направленных на социальную поддержку граждан, а в особенности на преодоление вето Президента по таким законам.

В-третьих, даже в случаях, когда в обеих палатах Парламента набирались необходимые для преодоления вето 2/3 голосов, долгое время «гаранта Конституции» было невозможно заставить выполнить ее элементарное требование — подписать соответствующий закон. В ход шли регламентные ухищрения: депутатов обвиняли то в неоднократном возвращении к одному и тому же вопросу, то в неточности формулировок при постановке его на голосование, то в голосовании бюллетенями «не такими, как надо», то вообще считали «по головам». В последнем, как известно, особенно преуспел представитель Президента в Государственной Думе А. А. Котенков. При этом не помню ни одного случая, когда бы подобный «поголовный учет» производился при рассмотрении в зале законопроектов, внесенных Президентом либо Правительством. Зато эта сомнительная процедура каждый раз пускалась в ход, когда Парламент пытался преодолеть вето Президента либо рассматривал «неудобный» для него федеральный конституционный закон.

Быть может, наиболее драматический для страны «регламентный» сюжет был связан с Федеральным Законом «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» и относился к рубежу 1995—1996 гг. Тогда и Государственная Дума, и Совет Федерации первого созыва сумели преодолеть вето Президента по названному выше Закону в редакции, предусматривавшей установление размера минимальной заработной платы, пенсий и пособий не ниже прожиточного минимума в Российской Федерации. Даже в тогдашнем, выборном, Совете Федерации обсуждение Закона шло трудно: депутаты трижды возвращались к голосованию и лишь с последней попытки набрали необходимые 2/3 голосов. Не скрою: наряду с другими, мне также пришлось убеждать и удалось убедить часть депутатов голосовать за это решение. Действующая Конституция — и позднее это было подтверждено Конституционным Судом — не оставляла Президенту никакого другого выбора, кроме как подписать Закон, а в случае сомнений в чистоте соблюдения процедурных норм — обжаловать действия Парламента в том же Конституционном Суде. Президент же, не сделав ни первого, ни второго, без рассмотрения вернул Закон в Совет Федерации, указав верхней палате Парламента на нарушение ею ее же собственного регламента.

Вместо того, чтобы немедленно обратиться в Конституционный Суд, Совет

Федерации по инициативе тогдашнего председателя палаты В. Ф. Шумейко вступил с Президентом в переписку. Суть письма, направленного В. Ф. Шумейко в адрес главы государства, можно свести к формуле: не царское это дело — заниматься мелочами вроде парламентского регламента! В ответ была получена грозная отповедь, суть которой заключалась в том, что Президент — сам себе голова, лучше всех знает свои полномочия и не потерпит, чтобы кто-то указывал ему на нарушение Конституции.

Пока автор этих строк, избранный к тому времени депутатом Государственной Думы второго созыва, совместно с коллегами готовил проект обращения в Конституционный Суд, новый, формируемый по должности, Совет Федерации отменил решение своих предшественников, но когда попытался повторно принять Закон в прежней редакции, за него было подано всего 44 голоса против 120 голосов в выборном Совете Федерации первого созыва!

В результате согласительных процедур Закон был подвергнут «секвестру», что и требовалось президентской стороне. Теперь в нем записано: «Минимальный размер оплаты труда и минимальный размер пенсии по старости в Российской Федерации поэтапно повышаются до величины прожиточного минимума. Соотношение между минимальным размером оплаты труда, минимальным размером пенсии по старости и величиной прожиточного минимума на очередной финансовый год устанавливается федеральным законом о федеральном бюджете на соответствующий год». Кстати сказать, даже эти нормы Закона, мало что дающие рядовому гражданину (ибо приближать минимальные зарплаты и пенсии к прожиточному минимуму можно десятилетиями!), не выполнены Правительством при подготовке федерального бюджета на 1999 г. и, скорее всего, несмотря на запрос автора этих строк на имя премьера С. В. Степашина, не будут выполнены и при представлении бюджета 2000 г.

Один из многочисленных парадоксов революционной России 90-х гг. заключается в том, что юридический фетишизм и юридический нигилизм поразительным образом не только сочетаются, но и взаимно обуславливают друг друга. По поводу любой из бесчисленных проблем в средствах массовой информации, а то и от Президента можно услышать: это потому, что Дума не приняла необходимых законов! Но лишь только закон подписан Президентом и вступает в силу, как те же лица начинают «петь» по-другому: закон плохой — мы его исполнять не будем!

Стараясь избегать как юридического фетишизма, так и юридического нигилизма, не будем преувеличивать значение того факта, что Президент не исполнил свою собственную Конституцию и не подписал Федеральный Закон «О прожиточном минимуме в Российской Федерации». Скорее всего, даже если бы Закон был подписан, он вошел бы в число хронически не исполняемых. Однако вступление Закона в силу стало бы бесспорным основанием для выдвижения требований о повышении минимальных размеров оплаты труда, пенсий, пособий со стороны профсоюзных, ветеранских и иных общественных организаций социальной направленности, а также со стороны политической оппозиции. Не исключено, что это хотя бы отчасти заставило бы президентскую команду пересмотреть курс экономической политики в направлении большего баланса интересов между «новыми русскими» как социально-политической опорой власти

и подавляющим большинством народа.

В-четвертых, согласно действующей Конституции, Государственная Дума не наделена правом толкования не только основного закона страны, но также принимаемых Парламентом федеральных конституционных законов и федеральных законов. Подобная ситуация в парламентской практике более или менее развитых стран — крайняя редкость: по общему правилу толкование законов дают те, кто их принимает. В России же правом официального толкования законов наделен лишь Конституционный Суд, а по факту законы трактуются Президентом и его окружением, причем сплошь и рядом совершенно произвольно. Конституционный же Суд в лучшем случае подтверждает либо опровергает президентскую трактовку по запросам Парламента, иногда спустя годы. Так было с запросом о правомерности действий Президента в период чеченской войны, когда Конституционный Суд, за исключением четырех своих членов, к удивлению всей страны признал, что Президент действовал в пределах своих полномочий. Так было и с законом «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации», который был возвращен Президентом в Парламент без рассмотрения на основании нарушения Госдумой и Советом Федерации, по мнению Президента, регламентных норм — в этом случае Конституционный Суд признал действия Президента неправомерными.

Излишне говорить о том, что попытки Государственной Думы ввести в различные законопроекты нормы о праве Парламента толковать принимаемые им законы неизменно отклонялись Президентом России.

В-пятых, ни российский Парламент в целом, ни Государственная Дума — в частности, не наделены правом контроля над исполнением законов — и это тоже уникальная ситуация в мировой парламентской практике. Обычно контрольная функция входит, так сказать, в «джентльменский набор» полномочий любого законодательного органа в условиях сколько-нибудь демократической системы. Автор этих строк входил в число разработчиков поправки к 102-й статье Конституции, предполагавшей наделение контрольной функцией для начала хотя бы верхней палаты российского Парламента — Совета Федерации. Впрочем, эта попытка расширить полномочия Парламента, как и все другие, закончилась ничем.

Подводя итоги сказанному, следует заметить, что при действующей Конституции и существующей политико-юридической практике Российская Государственная Дума никак не может претендовать на статус ведущей палаты полноценного Парламента. Соответственно и российский политический режим 90-х гг., согласно азбуке политической науки, никак не может характеризоваться как режим демократический, но в лучшем случае — как авторитарно-демократический, т. е. авторитарный — по существу, демократический — по форме легитимации власти. Политическая наука, включая ее классика Макса Вебера, давным-давно выработала для подобных режимов специальный термин — мнимый конституционализм.

2. Государственная Дума второго созыва: вина и беды

Итак, стереотипы российской официальной пропаганды в отношении работы Государственной Думы второго созыва либо содержат истину в незначительных

дозах, либо просто являются ложными. Однако это отнюдь не означает, что нижняя палата Российского Парламента и, в частности, фракция и депутатские группы левой ориентации оказались в положении «без вины виноватых» и не могли сделать ничего другого, кроме того, что делали. Напротив, могли и должны были — если не для спасения страны, то, по крайней мере, для спасения собственной политической чести, для будущего левого движения, а тем самым — и для подготовки будущих перемен к лучшему, будущего возрождения отечества. Вот только вина Государственной Думы и представленных в ней левых депутатов совсем не такова, как ее изображают средства массовой информации, а подчас прямо противоположна. В целом слабости в работе Госдумы и ее левого крыла, которые могут быть поставлены в вину нижней палате Парламента, сводятся к трем основным.

«Перфектофобия» — испуг перед призраком прошлого

Читателю, воспитанному на агитках и «страшилках» на тему о намерении левых вернуть страну к Сталину и Брежневу, подобное утверждение наверняка покажется нелепым, если не абсурдным. И тем более нелепым, что в выступлениях последнего времени лидеры КПРФ и других левопатриотических организаций чаще упоминают Сталина, чем Ленина, а лидеры рангом ниже в средствах массовой информации и на митингах постоянно ностальгируют по прошлому, доказывая, что в Советском Союзе все было «лучшее в мире». Тем не менее берусь утверждать: синдром революционного отрицания вкупе с антикоммунистической пропагандой настолько сильно подействовал на лидеров левого движения, вызвал столь сильный испуг, что они, как правило, не отваживаются не только делать решительных шагов, но даже и предлагать те меры по усилению государственного регулирования экономики, которыми пользовались в свое время Франклин Рузвельт, послевоенные правительства европейских стран и без которых выход из глубочайшего российского экономического кризиса представляется невозможным. Вот лишь несколько «упрямых» фактов.

Во-первых, вспомните, уважаемый читатель, кто в России, кроме Виктора Анпилова и аналогичных ему левых радикалов, публично требует пересмотра результатов ваучерной приватизации, называя ее крупнейшей экономической аферой XX в.? Это отнюдь не Геннадий Зюганов, но руководитель «образцового капиталистического города» Юрий Лужков! И причина здесь не только в том, что за Лужковым стоят конкуренты нынешних «олигархов», а равным образом и часть самих «олигархов», чувствующих себя обделенными в период великого передела созданной другими собственности, но и в том, что Лужков не боится обвинений в попытке вернуть страну к Брежневу и Сталину, хотя сам он, кстати сказать, гораздо авторитарнее Геннадия Зюганова. Что же касается Сталина, имя которого столь часто упоминается лидерами НПСР и других патриотических организаций, то во второй половине 90-х гг. его дух тревожит не только левых, но и правых (В. Жириновский и даже В. Черномырдин), причем не только антикоммунисты, но и коммунисты отдают ему дань уважения не в качестве одного из «классиков марксизма», но как раз напротив — в качестве государственника, который ценою колоссальных жертв воссоздал и укрепил, по одной терминологии, Российскую империю, а по другой — Великую Россию.

Во-вторых, предвыборная платформа Геннадия Зюганова в 1996 г., — та самая, по поводу которой средства массовой информации, захлебываясь от подлинного или притворного ужаса, дружно кричали, что как только он придет к власти, так у всех все отберет, — эта предвыборная платформа была никак не партийной, но общенациональной и, более того, не только не содержала ничего специфически коммунистического или вообще радикального, но, напротив, была весьма, а может быть, даже слишком умеренной. Ни национализации, ни рабочего контроля, даже никаких мер в духе «нового курса» Рузвельта — ничего подобного в этой программе записано не было.

Вспоминаю свой разговор в канун выборов с лидером левого крыла британских лейбористов Кеном Ливингстоном, приехавшим в Москву, чтобы на месте ознакомиться с президентской кампанией по-русски. Мало того, что видный политик был просто поражен абсолютным неравенством возможностей, созданных для кандидатов в Президенты в российском эфире и печати, и утверждал, что ничего общего с европейской демократией эта практика не имеет. Изучив все ту же предвыборную платформу Геннадия Зюганова, Кен Ливингстон прямо заявил, что его хоть сейчас можно принимать в лейбористскую партию и, более того, что эта платформа недостаточно радикальна для условий рекордного российского кризиса.

В-третьих, несмотря на то, что в Государственной Думе второго созыва левые имели крупнейшую фракцию, две депутатских группы, а Юрий Маслюков возглавлял один из ведущих экономических комитетов — Комитет по экономической политике; несмотря на то, что в канун президентских выборов 1996 г. печать была полна сообщениями о подготовленном левыми законопроекте, предусматривавшем выкуп государством наиболее доходных предприятий по цене их продажи либо переоценку их стоимости и уменьшение доли акций, принадлежащих негосударственным акционерам, в соответствии с реально затраченными ими средствами; несмотря на убийственные оценки результатов приватизации, данные специальной думской комиссией, — несмотря на все это ни один закон, требующий принципиального пересмотра результатов приватизации, на пленарном заседании Государственной Думы второго созыва не рассматривался!

Впрочем, как минимум, однажды эта проблема была поставлена, но поставили ее не левые экономисты, а автор этих строк в специальном Федеральном Законе «О государственной поддержке начального профессионального образования». Этот Закон, принятый Государственной Думой и Советом Федерации в 1996 г., но отклоненный, как почти все законы в области образования, Президентом Российской Федерации, предусматривал среди прочего возвращение в федеральную собственность решением суда учреждений начального профессионального образования, созданных на государственные деньги до 1992 г., приватизированных вместе с предприятиями и не используемых по назначению. Государственная Дума пыталась преодолеть вето Президента, но не смогла. Приведенный ниже отрывок из стенограммы пленарного заседания Государственной Думы, на котором обсуждался вопрос, дает представление о том, какую ярость и негодование со стороны представителя Президента вызвала эта, кажется, единственная попытка Государственной Думы посягнуть на «святая святых» — итоги приватизации.

А. А. Котенков: «Закон нарушает положение Конституции о правах собственника. Я прошу обратить ваше внимание на пункт 3 статьи 1, в котором предписывается: «Находящиеся в собственности...» — я пропускаю там другие показатели — «... негосударственных организаций и не используемые для образовательных целей в системе начального профессионального образования объекты учебной, производственной и социальной инфраструктуры... созданные до 1992 года, подлежат передаче в федеральную собственность решением суда». Простите меня, мы прекрасно знаем о том, что многие учебные заведения профессионального образования были расформированы и их инфраструктура сменила собственника. Извините меня, иначе, как экспроприацией это назвать нельзя».

О. Н. Смолин: «Нарушения статьи 35 Конституции и так называемой экспроприации в законе нет и в помине. Цитирую часть 3 статьи 35: «Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда». Уважаемые коллеги! Откройте наш закон, статья 1, пункт 2, часть вторая: там так и написано — «судебным решением». В 1992—1993 годах законодательной и исполнительной властью было издано несколько актов, запрещавших приватизацию образовательных учреждений вместе с соответствующими предприятиями. У меня на руках один из таких документов — это постановление Правительства № 312 от 13 мая 1992 года, подписанное Борисом Николаевичем Ельциным. Могу прочитать пункт 8, если хотите: «Установить, что не допускается изъятие или изменение служебного назначения зданий и сооружений, используемых учреждениями, предприятиями и организациями системы образования, предоставленных им земельных участков без согласования с Министерством образования...» и так далее по тексту. Никаких экспроприаций мы вообще не проводим. Речь идет только о том, чтобы суды спокойно разобрались, что было сделано законно, а что нет» (Стенограмма пленарного заседания Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.— 16 октября 1996 г.; Стенограмма пленарного заседания Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.— 23 октября 1996 г.).

В дальнейшем единственный, кто на памяти автора на пленарном заседании Государственной Думы ставил вопрос о необходимости Закона о национализации, был, как ни странно, печально известный Альфред Кох! Вероятно, с его стороны подобная постановка вопроса имела тройкий смысл:

а) косвенное признание того, что приватизация в России по объему, а особенно по темпам и механизмам, вышла за сколько-нибудь рациональные рамки;

б) своеобразный упреждающий удар (пусть лучше Госкомимущество само подготовит удобный для него Закон о реприватизации, чем это сделают левые);

в) отражение настроений некоторых новых собственников, которые, сняв «финансовые» сливки с неожиданно обретенных предприятий, не имея способности к управлению и не желая делать серьезные инвестиции, хотели бы повторно обогатиться за счет государства, вернув ему на выгодных для них условиях то, что совсем недавно получили практически даром.

Повторю: левые в Государственной Думе ни разу не довели проект закона о национализации (либо шире — о пересмотре результатов приватизации) до

пленарного заседания Государственной Думы, и это лучшее доказательство того, как сильно подействовало на их лидеров шельмование в средствах массовой информации и обвинения в намерении вернуть прошлое.

На самом деле, отказавшись по ключевому направлению от попытки сдвинуть влево курс экономической политики и сосредоточившись преимущественно на символах (гимн, герб, флаг, попытка восстановления памятника Дзержинскому и т. п.), левые в Государственной Думе совершили ошибку, по крайней мере, тройкого рода: с одной стороны, они отдали Лужкову лозунг, который должен был стать одним из основных в их собственной программе; с другой — вызвали недовольство лево-радикальной части избирателей, у которых усилилось ощущение, что Государственная Дума занимается исключительно разговорами и парламентскими играми; наконец, в-третьих, сохранили для официальной пропаганды возможность пугать народ все тем же лозунгом: «Все отберут», тогда как из законопроекта сразу стало бы ясно, что речь может идти лишь о частичной национализации, о возвращении в государственную собственность наиболее доходных предприятий, приватизированных с нарушением закона и по бросовым ценам. Разумеется, подготовленный левыми проект закона о национализации не имел никаких шансов на подписание Президентом и достаточно мало шансов — на прохождение через Совет Федерации. Однако даже обсуждение закона в Государственной Думе и обнародование связанных с ним ожидаемых доходов в бюджет стали бы доказательством серьезных намерений левой оппозиции, наличия у нее внятной экономической программы и в конце концов укрепили бы влияние левых среди избирателей.

Дефицит кадров и идей в области экономики

Наряду с испугом перед призраком прошлого, этот дефицит во многом объясняет сравнительно низкую эффективность, — не скажу: результатов, поскольку они зависят в основном от Президента, — но самой законотворческой деятельности Государственной Думы. Причем совершенно очевидно, что дефицит этот имеет две составляющие: кадровую и концептуальную. Начнем с первой.

Дефицит кадров, в свою очередь, выражается двояким образом: с одной стороны, большинство квалифицированных экономистов в современной России принадлежат не к левым, но к правым или центристским движениям; с другой — большинство квалифицированных экономистов в составе левых политических движений принадлежат не к левому, но к правому их крылу, оказываются, так сказать, самыми правыми среди левых.

Вспоминаю свой разговор с одним из лидеров фракции КПРФ в Государственной Думе второго созыва в самом начале ее работы. Спрашиваю: почему левые добровольно отдают правым ключевые экономические комитеты (в том числе бюджетный и комитет по собственности)? Слышу в ответ: при нынешнем Президенте сделать в экономике все равно ничего нельзя, а если возьмем под себя комитеты, придется за политику этого Президента еще и отвечать; пусть уж это делают «Яблоко» и НДР. Подобная аргументация не лишена оснований, однако есть в ней и невысказанные опасения, что, оказавшись у руля экономических комитетов, думские экономисты из числа левых фракций окажутся не слишком способными продуцировать идеи и законопроекты, направленные на

качественное изменение курса экономической политики. И это опасение в целом подтвердилось: во второй Государственной Думе крупномасштабные инициативы левых в области экономической политики сравнительно немногочисленны и относятся, главным образом, к 1998 и 1999 гг. (идеи бюджета развития, повышения налога на верхнюю часть супердоходов физических лиц, слабые попытки регулирования вывоза капитала, включая усиление уголовной ответственности за нарушение законодательства в этой сфере и т. п.).

Разумеется, дефицит экономических кадров и концепций должен быть поставлен в вину левым, и в особенности тем, кто формировал предвыборные списки КПРФ — единственной левой партии, которой удалось преодолеть 5-процентный барьер. Однако справедливость требует признать, что это не только вина левых, но в еще большей степени их беда. Говорю: беда, поскольку проблема имеет свои корни не только в кадровой политике, но и в объективных процессах. Таких корней, как минимум, два.

Во-первых, среди трех наиболее эффективных методов управления народом: насилие, подкуп и обман (манипулирование с помощью средств массовой информации), — новейшая российская революция, в отличие от своей предшественницы — революции Октябрьской, явно отдавала предпочтение двум последним, впрочем, не избегая и первого. Буржуазный характер революции и ее бюрократическая форма заведомо предполагали привлечение с помощью подкупа на ее сторону не только всякого рода начальства, которому почти даром передавалась собственность, созданная усилиями всего народа, но также и верхних слоев интеллигенции, которые в новых условиях получили возможность «капитализировать» свои способности. Среди первых ушли в бизнес очень многие способные экономисты, вместе с бытием срочно поменяв и свое сознание, некогда сформированное догматизированным марксизмом. Это во многом объясняет дефицит экономических кадров среди левых законодателей.

Во-вторых, характерный для любой революции феномен «маятника», общие тенденции эпохи сказываются не только на массовом сознании, но и на сознании теоретиков. Когда-то Фридрих Август Хайек удивлялся тому, что большинство современных ему политиков и экономистов видели перспективу развития цивилизации в усилении государственного регулирования, плановых начал, ограничении рыночной стихии, что для него во всех случаях было равнозначно социализму. Теперь ситуация прямо обратная: подавляющее большинство экономистов, за исключением немногочисленных левых радикалов и сторонников самоуправленческих моделей, которые оказались в положении политических маргиналов, не видят иных перспектив, кроме рыночной экономики (что в данном случае равнозначно капитализму). В рамках же этой модели наиболее логичными представляются разного рода либеральные проекты, отличающиеся лишь по степени радикальности (Е. Гайдар, В. Черномырдин, Г. Явлинский и др.). Отсюда — общее поправление левых экономистов, с одной стороны, и дефицит у них концептуальных идей — с другой.

Если прибавить к этому, что, погрузившись в работу экономических комитетов, левые экономисты быстро убеждаются в том, как сложно изменить ситуацию при действующей Конституции и Гражданском кодексе и расстановке политических сил, и вместе со всеми депутатами попадают в сферу действия лоббистов

всевозможных фирм, зачастую представляющих криминально-бюрократический капитал, исчезают последние сомнения в том, что идейный и кадровый дефицит среди левых экономистов закономерен и объясним, хотя в глазах широких слоев населения это вряд ли может служить оправданием для Государственной Думы.

Дефицит стратегической инициативы и политического мужества

Политические противники левых в Государственной Думе второго созыва давно подметили одно уникальное обстоятельство, отличающее российскую политическую систему второй половины 90-х гг., а именно: правительственный политический курс, который левая оппозиция резко критиковала как антинародный и антигосударственный (добавим: критиковала совершенно справедливо), в Парламенте частично одобрялся голосами... все той же оппозиции! Вот лишь несколько фактов.

Государственная Дума конституционным большинством утвердила назначение премьера В. Черномырдина в 1996 г. и премьера С. Степашина в 1999 г. Последнее особенно выразительно, ибо С. Степашин, известный как один из активных организаторов Чеченской войны, был утвержден спустя всего 4 дня после того, как Госдуме не хватило 17 голосов, чтобы выдвинуть против Президента России обвинения в совершении особо тяжкого преступления как раз за развязывание Чеченской войны! Хотя и не сразу, с третьей попытки, но «изнасилованная», как тогда говорили, Государственная Дума в апреле 1998 г. дала согласие на назначение премьер-министром С. Кириенко, подтвердив еще раз, что в России Президенту сходит с рук любая политическая нелепость или прихоть. В памяти остались несколько однотипных коротких диалогов в тот напряженный апрельский день третьего голосования по кандидатуре С. Кириенко, причем все — с депутатами левых фракций.

— Олег Николаевич, как голосуете?

— Разумеется, против, а Вы?

— Это неправильно: нельзя давать им возможность роспуска Государственной Думы — потом выборов не дождемся!

И хотя лидеры фракции «Яблоко» напрасно «надували щеки», утверждая, что никто из членов фракции за Кириенко не голосовал (на самом деле, вопреки фракционному решению, несколько депутатов бюллетени взяли), нельзя сказать, чтобы в критике левых «яблочники» были совсем не правы: во всяком случае, С. Кириенко в тот день не мог быть утвержден без некоторого количества депутатских голосов от левой оппозиции.

Наконец, невозможно отрицать и того, что часть левых депутатов ежегодно отдавали свои голоса за Закон о федеральном бюджете, в котором выражена квинтэссенция экономической политики Правительства, тем самым принимая на себя и часть ответственности за нее. Более того, для обоснования этой позиции был изобретен специальный аргумент, который использовался на пленарных заседаниях Государственной Думы, в том числе даже ее Председателем, главным образом против депутатов фракции «Яблоко», но не только против них. Суть этого аргумента в том, что депутаты, голосующие против бюджета, якобы не имеют права подавать к нему поправки в интересах своих регионов, отраслей или организаций. Такую норму предлагалось даже внести в регламент, хотя

антиконституционность подобного ограничения права законодательной инициативы совершенно очевидна.

Оставим, однако, в стороне вопрос об отношении к морали позиции депутатов фракции «Яблоко», которые благодаря многолетнему доминированию в бюджетном Комитете, как правило, успешно закладывали в федеральный бюджет интересующие их строки и объекты, но затем голосовали против бюджета в целом. Отметим более важные. Демонстративный отказ большинства «яблочников» от поддержки федеральных бюджетов, их готовность, как в случае с Сергеем Кириенко, идти на досрочные выборы депутатов Госдумы в совокупности с жесткой критикой правительственного курса (даже когда Михаил Задорнов и Оксана Дмитриева уже находились в составе Правительства) — все это, наряду с податливостью части левых, имело два важных политических последствия.

С одной стороны, левые потеряли часть своего потенциального электората, а с другой — «Яблоко» свой электорат расширило, причем отчасти именно за счет электората левых. Последнее объясняется довольно просто: в условиях, когда преобладают «протестные голосования», когда люди плохо различают левых и правых вообще, левую и правую оппозицию — в особенности, — в таких условиях за «своего» принимается каждый, кто резко выступает против существующего режима и экономической политики, вне зависимости от того, за какой режим и за какую экономическую политику он ратует.

На самом деле есть серьезные основания предполагать, что курс «яблочного» правительства, например, по отношению к бюджетным сферам, был бы не менее, а, возможно, и более жестким, чем курс критикуемых ими правительств. Напомню, что именно министр финансов Михаил Задорнов предлагал в 1999 г. сделать то, чего не предлагал сделать даже министр финансов Анатолий Чубайс — сократить расходы на образование на 4,5 миллиарда рублей (с 17,2 до 12,7 миллиарда). От полного финансового краха систему образования спас только приход к власти премьер-министра Евгения Примакова. Напомню, что среди 7 фракций и групп Государственной Думы фракция «Яблоко» имеет только пятый результат голосований по 20 ключевым законам и законопроектам в области образования и стоит ниже не только коммунистов (84,3%), аграрников (73,2%) и «Народовластия» (66,4%), но и фракции Жириновского (64,6%), в среднем отдавая за законы в области образования лишь 56,1% голосов, что примерно на 6,5% ниже среднего по Думе. Хуже фракции «Яблоко» по вопросам образования в Государственной Думе голосовали лишь группа «Российские регионы» (49,6%) и фракция «НДР» (42,3%).

Разумеется, во фракции «Яблоко» есть социальное (социал-демократическое) крыло, однако в тех случаях, когда речь идет не о политических заявлениях, а о реальных действиях, партийную позицию определяют не социал-демократы, но руководящее либеральное ядро. Поэтому вполне вероятно, что часть избирателей, которые проголосуют за «Яблоко», принимая его за реальную альтернативу курсу Б. Ельцина (например, за защитника интересов интеллигенции), в случае прихода этой партии к власти вынуждена будет повторять вслед за В. Черномырдиным: хотели — как лучше...

Вернемся, однако, к Государственной Думе и ее левому крылу. Помимо фракционного состава палаты (где левые, напомню еще раз, получили около 210 голосов), ее нерешительность в критические моменты борьбы объясняется прежде

всего двумя обстоятельствами. Первое из них — опыт Октября 1993 г.; второе — неурегулированность вопроса о политических и социальных гарантиях для депутатского корпуса в случае досрочного роспуска Госдумы.

Хотя сравнительно немногие депутаты Госдумы второго созыва, включая автора этих строк, лично пережили московскую трагедию 21 сентября — 4 октября 1993 г., призрак горящего российского «Белого дома» вставал в депутатской памяти каждый раз, когда возникала угроза роспуска нижней палаты Парламента. Согласно известному афоризму, каждый вопрос имеет три решения: правильное, неправильное и «как в армии». При всей склонности российского Президента решать ключевые проблемы последним способом страх многих парламентариев перед повторением танкового расстрела представляется сильно преувеличенным.

Во-первых, в отличие от предшественницы, нынешняя Конституция России дает Президенту чрезвычайно широкие возможности для роспуска Государственной Думы на законном или полузаконном основании. Законными основаниями могут быть, например:

постановка вопроса о доверии Правительству, проводящему «непопулярные» меры;

отставка популярного премьера и предложение Думе другой, заведомо худшей кандидатуры (причем эту процедуру Президент может повторять хоть каждую неделю, не нарушая Конституции, пока унижение Парламента не превысит все возможные пределы) и др.

Справедливости ради стоит отметить, что разработчики Конституции впопыхах не прописали в ней возможность увязывания вопроса о доверии Правительству с принятием какого-либо ключевого законопроекта (например, бюджета), как это делается, скажем, во Франции. Это дает возможность Думе, хотя опять же унижительную, одновременно выразить Правительству доверие и провалить важный для него законопроект.

Полузаконные возможности возникают при действительных или мнимых коллизиях между конституционными нормами. Такая ситуация как раз и могла возникнуть в мае 1999 г., если бы Госдума, с одной стороны, набрала 300 голосов за выдвижение обвинения против Президента, а с другой — трижды не утвердила кандидатуру нового премьера. Тогда, согласно статье 93 Конституции, Президент не имел права роспуска Госдумы в течение всего срока процедуры отрешения от должности, но не более 3 месяцев. Согласно же статье 111 Конституции, после трехкратного отклонения предложенных кандидатур он должен был распустить Государственную Думу и назначить новые выборы. И хотя совершенно очевидно, что статья 93 не предполагает никаких исключений и коллизия норм является вымышленной, в России конца 90-х гг. прав, наверняка, оказался бы тот, у кого больше прав, т. е. Президент, который, скорее всего, не дожидаясь решения Конституционного Суда, издал бы Указ о роспуске Госдумы, а если бы она не подчинилась Указу, мог в очередной раз попытаться применить силу оружия. Кстати сказать, даже в этом случае у Президента был вполне конституционный и выгодный для него выход. Он состоял в том, чтобы немедленно после третьего отклонения кандидатуры издать Указ о роспуске Государственной Думы, но не со дня подписания Указа, а, например, со дня окончания трехмесячного срока после начала процедуры отрешения Президента от должности.

Во-вторых, как показывает собственный опыт, в обоих случаях, когда депутаты Госдумы второго созыва действительно проявили характер, Президент не пошел на прямое насилие и вынужден был отступить. Первый из таких случаев — принятие в марте 1996 г. в канун пятилетней годовщины референдума о сохранении Советского Союза постановления Госдумы, осуждающего Беловежские соглашения. И хотя всем с самого начала было очевидно, что юридических последствий это решение иметь не будет, что одним постановлением одной палаты российского Парламента невозможно отменить решение полутора десятков законодательных органов и такого же количества президентов, а тем более спустя семь с лишним лет вновь «войти в ту же реку», — несмотря на все это президентская команда решила перед выборами использовать ситуацию в своих интересах и по сути начала репетицию очередного государственного переворота.

Воскресным вечером 18 марта 1996 г. здание Государственной Думы было занято спецподразделениями, которые «искали мину», будто бы заложенную неизвестным злоумышленником. Депутаты и сотрудники аппарата из здания были удалены. «Поиски» продолжались всю ночь и утро следующего дня, пока не был получен приказ оставить здание Парламента. Согласно информации газеты «Завтра», Президент отказался от попытки насильственного разгона Государственной Думы лишь после того, как министр внутренних дел Анатолий Куликов заявил, что не выполнит антиконституционный приказ. Поскольку Анатолий Куликов, в отличие от Александра Коржакова, еще не выпустил в свет своих воспоминаний, с абсолютной достоверностью подтвердить или опровергнуть эту информацию не представляется возможным. Ясно одно: отступить от первоначальных намерений Президента заставила какая-то важная причина, и, скорее всего, этой важной причиной была позиция силовых структур, после октября 1993 г. не желавших нести ответственность за кровь защитников Конституции, на сей раз уже не «хасбулатовской», но «ельцинской».

Второй, и, кажется, последний пример политического мужества Государственной Думы — ее поведение в августе — сентябре 1998 г., когда провал эксперимента с Сергеем Кириенко завершился попыткой Президента произвести знаменитую «рокировку» и вернуть на прежнее место только что отставленного Виктора Черномырдина. После двух провальных голосований, согласно кулуарной информации, Президент подготовил третье письмо с представлением В. Черномырдина на должность премьера. Выступление же последнего на телевидении должно было начать массовую антипарламентскую по существу и антикоммунистическую по лозунгам кампанию. На сей раз Президента заставила отступить уже не мягкость силовых структур, но жесткость позиции Государственной Думы, большинство депутатов которой впервые явно предпочитали унижению досрочный роспуск. С другой стороны, в случае объявления досрочных выборов президентская команда могла получить в новой Государственной Думе уже не мифическое, а реальное оппозиционное большинство.

Что касается политических и социальных гарантий, то, согласно Федеральному Закону «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», в случае досрочного роспуска Государственной Думы депутатские полномочия последних

прекращались немедленно, а связанные с досрочным увольнением с работы выходное пособие и другие социальные блага предусматривались только для депутатов Государственной Думы первого созыва. Разумеется, это также не повышало уровня политического мужества парламентариев. Однако каждый идущий в политику в российских условиях 90-х гг. обязан был знать, что это «производство» не только вредное, но и рискованное, где постоянно приходится делать выбор, в том числе между честью и благополучием.

Повторю еще раз: если бы большинство депутатов Государственной Думы обладали политической решительностью и не отдавали политическую инициативу команде Президента, страна могла бы получить последствия двоякого рода: либо при сохранении прежнего политического статуса роль, а значит и ответственность Государственной Думы *de facto* оказалась бы гораздо выше, что в свою очередь могло положительно сказаться на уровне социальной защищенности широких слоев населения; либо страна избрала бы Государственную Думу третьего созыва, скорее всего, более жестко настроенную по отношению к разрушительному экономическому курсу и способную в большей степени повлиять на ход событий. Совершенно очевидно, что оба варианта развития политического процесса предпочтительнее того, который реализовался в действительности. Однако оба они предполагают то самое сослагательное наклонение, которое истории неизвестно. И часть вины за это несет Государственная Дума второго созыва, в том числе ее левое крыло. Не случайно в кулуарах Государственной Думы от представителей президентской команды неоднократно приходилось слышать: нам повезло с лидерами оппозиции.

Разумеется, рассуждать о возможных политических сценариях гораздо легче, чем принимать ответственные решения, способные обернуться жизненной драмой для сотен людей. Однако если справедлива формула «на войне — как на войне», то не менее справедлива и иная ее интерпретация: «в революции — как в революции!» И хотя Россия переживает уже постреволюционный период, главные революционеры по-прежнему у власти. Строить же отношения с ними исключительно с помощью компромиссов и «круглых столов — значит заранее примириться с поражением.

3. «Импичменты» по-русски

Все, что было сказано выше о «поражении в правах» российской Государственной Думы, о бедах и вине депутатов, включая левое крыло, проявилось в концентрированном виде, когда в нижней палате Парламента началась процедура выдвижения обвинения против Президента Российской Федерации. В день первого пленарного заседания, посвященного этому вопросу, один из депутатов фракции ЛДПР потребовал, чтобы выступающие не употребляли слова «импичмент», и даже сам не знал, насколько был прав. Засорение русского языка «американизмами», против которого боролся депутат,— лишь внешняя сторона дела. Гораздо важнее другое: ни одна из четырех попыток отрешения Президента Ельцина от должности, в которых автору довелось принимать участие, ничем не напоминала аналогичную американскую процедуру. Впрочем, обо всем по порядку.

Первая попытка отрешить от должности Президента Ельцина была предпринята

съездом народных депутатов России 28 марта 1993 г. Неделями раньше Президент совершил первую в том году попытку государственного переворота, издав 20 марта Указ «Об особом порядке управления страной до преодоления кризиса власти», который Руслан Хасбулатов остроумно высмеял как «ОПУС». Указ предусматривал, в частности, что решения высших органов законодательной власти — съезда народных депутатов России и Верховного Совета — действуют в части, не противоречащей указам Президента, т. е. поставил не один десяток конституционных норм с ног на голову. Конституционный Суд решением от 23 марта 1993 г. констатировал: «Обращение Президента Российской Федерации к гражданам России 20 марта 1993 года, в котором он обнародовал свои действия и решения по введению в стране особого порядка управления до преодоления кризиса власти, в ряде своих положений... не соответствует частям первой и второй статьи 1, части первой статьи 3, части второй статьи 4, статье 5, части третьей статьи 81.5, части пятой статьи 104, статьям 132.2, 136.4 Конституции Российской Федерации, а также Федеративному договору (статье VII Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации)».

Для того чтобы «раскачать» съезд, группа народных депутатов России одновременно с вопросом об отрешении Президента Б. Ельцина от должности поставила и другой вопрос — о снятии с должности Председателя Верховного Совета России Р. Хасбулатова. Отнюдь не бесспорная логика сторонников этой идеи сводилась к тому, что среди депутатского корпуса может обнаружиться некоторое количество людей, желающих избавиться не от одного из участников конфликта (хотя бы и главного его организатора), но от обоих сразу. Дополнительную пикантность ситуации придавало то, что для отрешения от должности Президента требовалось 2/3 голосов съезда, тогда как для снятия Председателя Верховного Совета — всего лишь половина.

Обсуждение обоих вопросов было сравнительно недолгим, а голосование по ним дало следующие результаты: за отрешение от должности Президента России — 617, за снятие с должности Председателя Верховного Совета — 339. Необходимого количества голосов оба решения не набрали. Впрочем, как выяснилось позднее, риску в этот день подвергался один лишь Р. Хасбулатов. Президент России — это вам не какой-нибудь Никсон или Клинтон — с должности уходить не собирался вне зависимости от результатов голосований. Вот как описывает планы президентской команды на случай отрешения от должности Бориса Ельцина его многолетний верный друг Александр Коржаков в нашумевшей книге «Борис Ельцин: от рассвета до заката»: «Президент получил план спустя сутки. Суть его сводилась к выдворению депутатов сначала из зала заседаний, а затем уже из Кремля. По плану Указ о роспуске съезда в случае импичмента должен был находиться в запечатанном конверте. После окончания работы счетной комиссии (если бы импичмент все-таки состоялся) по громкой связи из кабины переводчиков офицеру с поставленным и решительным голосом предстояло зачитать текст Указа. С кабиной постоянную связь должен был поддерживать Барсуков, которому раньше всех стало бы известно о подсчете голосов.

Если бы депутаты после оглашения текста отказались выполнить волю президента, им бы тут же отключили свет, воду, тепло, канализацию... Словом, все то, что только можно отключить. На случай сидячих забастовок в темноте и холоде было предусмотрено «выкуривание» народных избранников из помещения. На балконах решили расставить канистры с хлорпикрином — химическим веществом раздражающего действия. Это средство обычно применяют для проверки противогозов в камере окуривания. Окажись в противогозе хоть малюсенькая дырочка, испытатель выскакивает из помещения быстрее, чем пробка из бутылки с шампанским. Офицеры, занявшие места на балконах, готовы были по команде разлить раздражающее вещество, и, естественно, ни один избранник ни о какой забастовке уже бы не помышлял.

Президенту «процедура окуривания» после возможной процедуры импичмента показалась вдвойне привлекательной: способ гарантировал стопроцентную надежность, ведь противогозов у парламентариев не было» (Коржаков А. Борис Ельцин: от рассвета до заката.— М.: Издательство «Интербург», 1997. С. 159).

Можете ли Вы, читатель, представить себе, как отрешенный от должности Президент Соединенных Штатов «выкуривает» конгрессменов и сенаторов из здания Парламента с помощью спецсредств? Можете ли Вы представить себе, что тот же Президент, расстреляв Парламент, в конце концов не оказывается пожизненно в хвалёных пенитенциарных учреждениях, а то и просто на электрическом стуле? Нет, импичмент — это у них. Это у них, когда в Сенате не хватает голосов для импичмента, Президент приносит свои извинения нации за мелкие грехи. У нас же во искупление своих великих грехов он готов потравить депутатов газом, а то и просто расстрелять Парламент. Какой уж тут «импичмент»!

Вторая попытка отрешить от должности Президента Ельцина приходится на 22 сентября — 4 октября 1993 г. Как известно, накануне, 21 сентября, Президент России издал Указ № 1400, которым фактически отменил Конституцию, распустил Парламент и назначил досрочные выборы нового двухпалатного Парламента на 11—12 декабря.

Заключение Конституционного Суда на президентский Указ № 1400 констатировало: «Указ Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» и его Обращение к гражданам России 21 сентября 1993 года не соответствует части второй статьи 1, части второй статьи 2, статье 3, части второй статьи 4, частям первой и третьей статьи 104, абзацу третьему пункта 11 статьи 121.5, статье 121.6, части второй статьи 121.8, статьям 165.1, 177 Конституции Российской Федерации и служат основанием для отрешения Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина от должности или приведения в действие иных специальных механизмов его ответственности в порядке статьи 121.10 и 121.6 Конституции Российской Федерации».

До сих пор отчетливо помню ночь с 22 на 23 сентября 1993 г. Полутемный зал заседаний Верховного Совета, до отказа набитый российскими депутатами. Полутемный — поскольку подача электроэнергии была уже ограничена; переполненный — поскольку он был рассчитан лишь на 256 депутатов, избранных в постоянно действующий Верховный Совет, но никак не на всех тех из 1068 народных депутатов России, кто в соответствии с Конституцией и вопреки

президентскому Указу на съезд явились. Хорошо помню и собственные безуспешные попытки добиться принятия Постановления съезда не только об отрешении от должности Б. Н. Ельцина, но и о назначении одновременных досрочных выборов Президента и народных депутатов России. Тогда многие депутаты еще думали, что, сняв Президента, можно сохранить съезд до конца срока полномочий. Прозрение наступило лишь через несколько дней.

Взгляд автора на дальнейшие события и причины кровавого исхода национальной драмы в свое время был изложен в статье «Три трагедии российской демократии». Здесь же стоит лишь в очередной раз заметить, что вторая попытка отрешения Президента Б. Н. Ельцина от должности, еще менее, чем первая, напоминала «импичмент». Вообще, импичмент как особая процедура, проводимая законодательным органом, возможен лишь там и тогда, где и когда уважение к закону и к законодательному органу стало стержнем политической культуры, элементом повседневного быта политической элиты и широких слоев народа. В условиях же страны с авторитарной культурой, где самодержавие веками было ограничено только царубийством, а власть Генерального Секретаря по многим позициям превосходила самодержавную, да еще страны, переживающей очередную революцию,— в таких условиях сила неизменно оказывается выше права, торжество «плебисцитарной демократии», включая прямые выборы Президента народом, оборачивается новым авторитаризмом, а «рациональная бюрократия» — бесстыдной камарильей. Впрочем, для обозначения последней чаще используется термин сицилийско-российской политической науки — «семья».

Третья попытка отрешить от должности Президента Б. Н. Ельцина относится к началу 1995 г. и вызвана военной авантюрой в Чечне. И в этом случае автору довелось быть непосредственным участником событий, на сей раз в качестве депутата Совета Федерации первого созыва. На пленарном заседании 18 января 1995 года решением палаты была создана специальная рабочая группа для подготовки проекта решения по чеченскому вопросу. Среди семи человек, составивших эту группу, преобладали депутаты, в тот период более или менее оппозиционные Президенту: Рамазан Абдулатипов, Елена Мизулина, Николай Кондратенко, Александр Титкин и автор этих строк. Соответственно и подготовленный проект решения оказался достаточно радикальным. Он не только требовал прекращения военных действий в Чечне, но и предлагал Государственной Думе поставить вопрос о доверии Правительству и начать процедуру отрешения Президента Б. Ельцина от должности. Разумеется, авторы проекта понимали, что он не имеет шансов быть принятым даже выборным Советом Федерации первого созыва. Однако при тайном голосовании, на котором настояла комиссия, от 60 до 70 «сенаторов» проголосовали за недоверие Правительству и отрешение Президента от должности — результат в высшей степени примечательный (См.: Совет Федерации. Заседание пятнадцатое: Стенографический отчет.— М.: Издание Совета Федерации.— 1996. С. 354-372). Однако тем все и кончилось, ибо в Государственной Думе первого созыва дальше неудачной попытки сбора подписей процедура отрешения Президента от должности не пошла.

И вот, наконец, 13—15 мая 1999 года. Если до сих пор в российском политическом лексиконе 90-х гг. прилагательное «черный» закреплялось обычно за

каким-нибудь одним днем недели (например, «черный вторник» — день одной из крупнейших финансовых махинаций или «черное воскресенье» — день расстрела российского Парламента), то теперь можно говорить о трех «черных» днях сразу. По аналогии с «импичментом» их можно было на английский манер назвать «черным уик-эндом». Не пытаясь повторить ни материалов Комиссии по выдвижению обвинения против Президента Б. Ельцина, ни многочисленных публикаций в печати, стоит заметить, что последняя попытка отрешения Президента России от должности была более всего похожа на импичмент, хотя по-прежнему оставалась далека от него, как земля от неба. На основных отличиях российской процедуры, тем более очевидных, что совсем незадолго до нее импичменту едва не был подвергнут Президент Соединенных Штатов Б. Клинтон, мы вкратце и остановимся. Главных отличий, по крайней мере, четыре: обилие и характер обвинений; уровень уважения к Парламенту и специальной Комиссии; методы воздействия на парламентариев; ожидаемые последствия и результаты.

Обвинения: de facto u de iure

В канун и в ходе процедуры выдвижения обвинения против Президента как его представитель в Парламенте, так и многие депутаты (например, депутат А.В. Митрофанов от ЛДПР), постоянно пытались доказать, что материалы российской Комиссии по выдвижению обвинения плохо проработаны и не идут ни в какое сравнение с материалами аналогичной Комиссии американского Конгресса. При этом в пример соотечественникам ставились обилие томов по «делу Клинтона» и детальнейшая фактология о его высказываниях и поведении в соответствующие дни жизни, расписанная чуть не по минутам. Представляется, однако, что подобная аргументация — это в лучшем случае хорошая мина при плохой игре, а в случае ЛДПР — попытка оправдания очередного политического кульбита лидера. Ведь надо же как-то объяснить, почему «защитник Советского Союза» и «критик прозападного режима» выступил в роли едва ли не самого яростного апологета Б. Ельцина, превзойдя по преданности и темпераменту не только лидера НДР, но и самого представителя Президента в Государственной Думе.

В действительности сравнение обвинений двух Президентом дает результаты прямо противоположные мнению защитников российского политического режима. Суть вопроса — не в количестве томов (по «делу Ельцина» их тоже вполне достаточно), но в масштабах и тяжести содеянного. Потому-то американский спецпрокурор, а затем и спецкомиссия скрупулезно собирали свои материалы по крохам, иногда действуя по принципу известной песни Александра Галича «а из зала кричат: давай подробности!», что свои обвинения, если не с юридической, то, по крайней мере, с политической и человеческой точки зрения, им приходилось «возводить на песке», едва ли не «высасывать из пальца». Потому-то российской Комиссии не было никакой необходимости подглядывать в замочную скважину президентского кабинета или спальни, что руины возглавляемой Б. Ельциным России у всех перед глазами. Потому-то российское общественное мнение и воспринимало американскую политическую трагедию как фарс, по формуле «с жиру бесятся», что стабильность и достижения США при Клинтоне, а равно и его мелкие прегрешения, не идут ни в какое сравнение с аналогичными параметрами деятельности российского Президента. «Нам бы их проблемы, а им бы — нашего

Президента», — постоянно приходилось слышать автору на встречах с людьми. Весьма остроумно, хотя и «на грани фола», та же мысль была выражена в известной частушке, обошедшей страницы многих газет и начинавшейся строками:

Говорят, что Клинтон Билл
Только Монику любил...

Переходя от фактической стороны дела к юридической, стоит указать на следующий парадокс: действия Президента Б. Ельцина, наиболее жестко осуждаемые массовым сознанием, не всегда столь же очевидно содержат признаки преступления и, наоборот, действия, в которых юридический криминал усматривается легко, не всегда столь же жестко осуждаются массовым сознанием. Это во многом объясняет тот факт, признанный потом ошибкой, что обвинения против Президента России были выдвинуты сразу по 5 пунктам: группа депутатов, выдвигавшая обвинения (в нее входил и автор), не могла игнорировать, с одной стороны, юридическую сторону вопроса, а с другой — общественные настроения. Сказанное относится и к позиции тех депутатов, которые публично демонстрировали свою юридическую беспристрастность. Такой известный юрист из фракции «Яблоко», как С. Попов, голосовал «за» по трем пунктам обвинений против Президента, а именно: в развале СССР в 1991 г.; в расстреле российского Парламента в 1993 г.; в развязывании чеченской войны в 1994—1996 гг., заявляя, что по двум другим пунктам при наличии фактической вины Президента трудно установить юридический криминал. На взгляд же автора, при наличии заключения Конституционного Суда, согласно которому, развязывая чеченскую войну, Президент действовал в пределах своих полномочий, юридическая обоснованность обвинения Президента по этому пункту столь же дискуссионна, как и по пунктам о развале армии и геноциде собственного народа.

Пожалуй, с формально-юридической точки зрения наиболее обоснованными выглядят два первых пункта обвинения Президента: в развале Советского Союза и в расстреле российского Парламента. В первом случае невозможно доказать законность «ропуска» СССР путем денонсации Союзного договора 1922 г. Дело в том, что уже Конституция 1936 г. превратила СССР из договорной федерации в конституционную и, соответственно, автоматически действие этого договора прекратила. Денонсация несуществующего договора в качестве «законного основания» для «ропуска» Советского Союза была блестящей политической манипуляцией, благополучно выполненной в условиях воспаленного революционного сознания. Соблюдая хоть какую-то законность, распустить СССР было невозможно в принципе, хотя каждая республика имела право выйти из его состава на условиях, определенных специальным Законом.

С другой стороны, и Декларация о государственном суверенитете РСФСР (12 июня 1990 г.), которая фактически способствовала разрушению Советского Союза, формально требовала лишь суверенитета России в его составе и, следовательно, ни в малейшей мере не могла служить основанием для Беловежских соглашений. Ссылки на одобрение Беловежских соглашений Верховным Советом имеют лишь моральное, но никак не юридическое значение, ибо, во-первых, Верховный Совет не был высшим органом государственной власти в Российской Федерации — таковым, как известно, был съезд народных депутатов, а во-вторых, согласно Конституции СССР, даже высшие органы власти даже самых крупных республик

не могли принять решения о разделе страны, но лишь о начале процедуры выхода республики из ее состава. Под какую статью «подвести» действия Президента одной из республик по развалу Союзного государства — это уже проблема юристов. Но совершенно очевидно, что подобные преступления относятся к числу особо тяжких.

Если антиконституционному роспуску СССР пытались хотя бы придать некий псевдозаконный флер, то государственный переворот 21 сентября — 4 октября 1993 г. абсолютно лишен даже такого прикрытия. Решение Конституционного Суда по поводу Указа Президента № 1400 уже цитировалось выше. При его наличии Верховный Суд, несмотря на давление президентской администрации, вряд ли смог бы опровергнуть обвинения в адрес Президента, в крайнем случае он согласился бы с наличием в действиях Президента признаков преступления, предусмотренного частью 3 статьи 285 УК РФ — злоупотребление должностными полномочиями, повлекшее тяжкие последствия.

Вспоминаю свой разговор в сентябре 1998 г. в кулуарах сессии межпарламентской конференции с виднейшим, пожалуй, юристом фракции «Яблоко», к тому же происходивший в присутствии нескольких известных политиков. Тогда профессор права говорила почти дословно следующее: «Я посмотрела документы: 1993 год — это чистая «уголовка». Верховному Суду будет невозможно уклониться от обвинения».

Как уже говорилось, чеченская война была самым кровавым конфликтом на территории Российской Федерации и унесла, по разным оценкам, от 80 до 100 тысяч человеческих жизней, включая примерно 15 тысяч жизней российских парней, направленных Президентом и недалекими политиками из его окружения на умирение мятежной республики. И хотя война велась без объявления чрезвычайного либо военного положения, и хотя в ее начале и Государственная Дума, и Совет Федерации принимали решения с требованием войну остановить, и хотя Парламент не ратифицировал Хосавьюртского договора, *de facto* делавшего Чечню независимой, Конституционный Суд признал, что в этом конфликте Президент действовал в пределах своих полномочий. Таким образом, в России 90-х гг. был создан чрезвычайно опасный прецедент оправдания насилия: выяснилось, что можно уничтожить сотню тысяч граждан своей страны и при этом ни за что не отвечать.

Отметим между прочим, мягко говоря, не часто упоминаемую в российских средствах массовой информации связь между Беловежской Пущей и Чеченской войной. Дело в том, что Президент Джохар Дудаев был прямым политическим детищем Президента Бориса Ельцина. Он не просто рассуждал по той же логике: если Россия считает возможным выйти из Советского Союза вопреки Конституции СССР, то точно так же Чечня вправе выйти из состава России вопреки ее Конституции. Он не просто воплотил знаменитый лозунг Бориса Ельцина: берите суверенитета, сколько проглотите! Он к тому же еще и представлял себя патриотом СССР (большой России), регулярно выступая с заявлениями следующего типа: Россия незаконно вышла из состава Советского Союза; Чечня же закону верна и из состава СССР не выходила; поэтому она вынуждена была выйти из состава России; как только Беловежские соглашения будут отменены и Советский Союз восстановлен, Чечня признает себя республикой в составе этого Союза. Разумеется,

за этой логичной конструкцией скрывался сепаратизм. Однако трудно оспорить, что конструкция была логичной, а по отношению к российскому Президенту — логичной убийственно.

С юридической стороны наиболее спорными выглядели два последних обвинения Президента: в развале армии и в геноциде российского народа. При этом сложность заключалась не в том, чтобы привести доказательства депопуляции или подрыва обороноспособности, но в том, чтобы доказать, что злоупотребления должностными полномочиями, повлекшие эти последствия, совершены Президентом из корыстной или иной личной заинтересованности. И все же на примере обвинения в геноциде рискну утверждать, что признаки преступления в обоих случаях были налицо. В пользу такого утверждения свидетельствуют, по крайней мере, три группы фактов.

Во-первых, если в России 90-х гг. можно говорить о какой-либо стабилизации, то прежде всего — о стабилизации кризиса. Одной из стабильных кризисных тенденций этого времени стало сокращение населения, причем столь сильное, что специалисты дружно говорят о крупнейшей демографической катастрофе мирного времени в XX в. Согласно округленным данным официальной статистики, смертность в России превысила рождаемость: в 1992 г. — на 220 тыс. человек, в 1993 г. — на 750 тыс., в 1994 г. — на 920 тыс., в 1995 — на 785 тыс. человек и т. д. При этом даже самые «объективные» (т. е. приверженные президентскому курсу) демографы полагают, что, по крайней мере, на 1/3 это сокращение — результат «политики реформ»! Другие уверены, что «заслуги» этой политики гораздо выше. Если же говорить о будущем, то, согласно все тому же Госкомстату, при продолжении нынешних тенденций население Российской Федерации к середине XXI в. сократится вдвое.

Во-вторых, от имени Правительства, назначенного Президентом, всецело ему подчиненного, ответственного перед Президентом, но «безответственного» перед Парламентом, обществом и Государственной Думе многократно предлагались проекты «реформ», а также законопроекты, которые своим неизбежным следствием должны были иметь дальнейшее сокращение населения страны: повышение пенсионного возраста при снижении средней продолжительности жизни; вытеснение бесплатной медицины платными услугами при нищающем населении; сокращение круга лиц, получающих детские пособия, при падении рождаемости и т. п. (см. первый раздел статьи). Предполагать же, что, разрабатывая и внося в Парламент подобные проекты, Правительство либо администрация Президента были не в состоянии прогнозировать их демографические последствия, — значит усомниться не только в квалификации, но и в дееспособности высшего руководства страны.

В-третьих, на протяжении 90-х гг. Президент многократно, в том числе с грубыми нарушениями Конституции, отклонял принятые Парламентом законы, направленные на поддержание жизни граждан, т. е. те самые законы, принятие которых если не остановило бы демографическую катастрофу, то, по крайней мере, уменьшило бы ее масштабы. Важнейшим среди таких законов, без сомнения, является Федеральный Закон «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», драматическая история которого описана выше. Многократно отклонялись Президентом также поправки к Федеральному Закону «О ветеранах»,

Федеральный Закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», многочисленные попытки Парламента поднять минимальные размеры заработной платы и пенсий. К близкой автору области законодательства об образовании Президент проявил особую «заботу», на протяжении 7 лет (с 1992 г. по 1999 г.) регулярно отклоняя все принятые Парламентом законы, за исключением одного. Среди других дважды отклонялись: новая редакция Закона РФ «Об образовании», Федеральные Законы «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», «О государственной поддержке начального профессионального образования», «Об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья». Другими словами, студенты, дети из малообеспеченных семей, которые учатся в ПТУ, а также дети-инвалиды пользовались особой «милостью» Президента. Уверен: если когда-нибудь будет выполнено специальное статистическое исследование, оно докажет, что Президентом чаще всего отклонялись законы, направленные на поддержку социально-демографических групп, где смертность значительно превышает среднестатистические показатели, т. е. групп, как раз и нуждающихся в особой заботе государства.

С точки зрения интерпретации фактов подобного рода, самого серьезного внимания заслуживает книга бывшего министра российского «демократического» Правительства С. Ю. Глазьева, которая так и называется — «Геноцид». В частности, прослеживая историю российской приватизации 90-х гг., автор на большом материале убедительно показывает, что президентско-правительственная «команда» в большинстве случаев выбирала варианты решения, наиболее вредные для страны и ее народа, но наиболее полезные для криминального и иностранного капитала, в том числе лиц и компаний, к этой «команде» наиболее приближенных (Глазьев С. Геноцид. Россия и новый мировой порядок.— М., 1997).

Таким образом, если задаться вопросом, который с римских времен ставят перед собою все, кто пытается раскрыть преступления, а именно вопросом: «Кому выгодно?», становится очевидным, что утверждение о наличии в действиях Президента признаков преступления имело не только политические, но и известные юридические основания.

Неуважение к Парламенту

Это неуважение стало вторым отличием процедуры отрешения по-российски от импичмента по-американски, причем проявлялось оно сразу с трех сторон: администрации Президента; лиц, приглашенных в качестве свидетелей, и средств массовой информации.

Хотя на рассмотрение вопроса о своем отрешении от должности в Парламент не явились оба Президента (Б. Клинтон и Б. Ельцин), в США президентская администрация всячески подчеркивала свою готовность сотрудничать со спецпрокурором, со спецкомиссией и, наконец, с обеими палатами Федерального Парламента. Адвокаты Президента США бывали на всех заседаниях, а сам он давал показания Большому Жюри. Напротив, несмотря на несопоставимую тяжесть обвинений, из администрации российского Президента постоянно раздавались пренебрежительные высказывания в адрес специальной думской комиссии, да и самой «прокоммунистической» Государственной Думы. По какой-то противоестественной логике депутатов более всего обвиняли в политизации

вопроса, хотя по самой своей природе отрешение от должности Президента (будь то США или Россия) — это акт политический, причем ключевой. Не случайно не только в условиях криминально-олигархического режима в России, но и в относительно благополучных Соединенных Штатах при голосовании по этому вопросу депутаты разделились не по юридической квалификации и не по степени «гуманизма» в отношении к обвиняемому, но главным образом по партийно-политической принадлежности.

Соответственно Президентам вели себя и лица, приглашенные в качестве свидетелей. В Соединенных Штатах показания дали все без исключения, кто был приглашен. В России на пленарное заседание Государственной Думы не явился ни один из тех, кого можно считать ключевыми фигурами событий. В числе приглашенных, но не явившихся: Михаил Горбачев, Руслан Хасбулатов, Александр Руцкой, Павел Грачев и многие другие. Показания же давали либо политики второго ряда, либо юристы, приглашенные левыми фракциями и группами. Разумеется само собой, что никакой ответственности за отказ от сотрудничества со спецкомиссией Парламента никто не понес.

Еще более различалось отношение к процедуре средств массовой информации. Общим было, пожалуй, лишь то, что в обоих случаях они, хотя и по-разному, не отражали общественного мнения. Как известно, в Соединенных Штатах около 2/3 всех граждан выступали против импичмента Президента Б. Клинтона. Однако газеты, теле- и радиоканалы стремились более или менее равноценно представить точки зрения как сторонников, так и противников американского Президента. Сначала конгрессмены, а затем и сенаторы выстраивались в очередь перед телекамерами для того, чтобы заявить о своей позиции, причем слово предоставлялось всем, а не сторонникам только одной партии. В России, где, согласно опросам, за отрешение от должности Б. Ельцина выступали 3/4 всего населения, средства массовой информации в большинстве своем в объективность не играли, но обрушили всю мощь «четвертой власти» на законодательную власть, которая в любой цивилизованной стране признается первой, в данном случае на Государственную Думу. Соответственно и эфир был заполнен лояльными к Президенту или откровенно правыми политиками, которые на все лады доказывали неправоту или, в лучшем случае, бессмысленность процедуры отрешения. Собственно говоря, ничего удивительного в этом нет: ведь уже вскоре после избрания Б. Ельцина Председателем Верховного Совета России в июне 1990 г. «ностальгия по демократии» у многих ведущих российских политиков и журналистов сменилась «ностальгией по Пиночету». Казалось бы, «откуда у хлопца чилийская грусть»? Но, видимо, такова судьба России, что и революция, и контрреволюция мыслятся в ней в мировых категориях. Вот только как собираются новые господа построить в России демократию, методично по делу и без дела дискредитируя представительную власть, без которой демократия невозможна,— так и останется загадкой либо политическим уравнением, решение которого лежит в области мнимых чисел.

Политическое давление и подкуп парламентариев

В любом современном государстве, даже самом что ни на есть демократическом, Президент (или Премьер) и его «команда» ведут работу с

депутатами Парламента. Практически в любом государстве эта работа не ограничивается рамками цивилизованного лоббизма, о чем свидетельствуют периодические скандалы. Однако в условиях российского «бандитского капитализма» «обработка» депутатов приобретает самые грязные и примитивные формы. Методы такой обработки стары, как само государство. Отличие эпохи «полной и окончательной победы демократии» заключается лишь в том, что подкуп по значимости приближается к насилию, а иногда его превосходит. Так, уже во время утверждения премьером С. В. Кириенко депутатов не только пугали роспуском, но по Государственной Думе ходили упорные слухи о том, что некоторым депутатам в обмен на голос «за» предлагалось по несколько тысяч долларов.

В канун и во время процедуры выдвижения обвинения против Президента России оба метода применялись с размахом, а «ставки» возросли. Согласно все той же кулуарной информации, теперь уже только за неучастие в голосовании можно было получить до 35 тыс. долларов. Лидер фракции В. Рыжков, сделавший рефреном пламенных обвинений в адрес левых фракций слово «выгода», был абсолютно прав. Вот только... совершенно перепутал адрес! Что же касается политического давления, то автору пришлось наблюдать душевные муки одного из депутатов левой фракции, которому лично позвонил Президент Поволжской республики и угрожал компроматом в случае, если он проголосует за отрешение. В конце концов совесть и советы товарищей взяли верх. Однако вряд ли кто-то, кроме координаторов в администрации Президента, может точно ответить на вопрос, сколько было случаев, когда верх взяли угрозы и подкуп.

Самое поразительное в этой истории заключается в том, что едва ли не все средства массовой информации сообщали о давлении на депутатов и предполагаемом подкупе некоторой их части. Многие каналы на депутатов за это обрушились, и вполне справедливо. Однако, кажется, ни один канал и ни одна «респектабельная» газета не догадались одновременно поставить вопрос о морали и ответственности администрации Президента — организаторов предполагаемого подкупа. Между тем стоит в очередной раз напомнить, что Президент Р. Никсон в 1972 г. вынужден был уйти в отставку, совершив грех гораздо меньший — установив подслушивающие устройства в штаб-квартире демократической партии. Совершенно очевидно: если бы в ходе расследования хотя бы один факт дачи или предложения взятки депутату Государственной Думы удалось доказать, это вполне могло послужить основанием для начала новой процедуры выдвижения обвинения против Президента России. Однако, по-видимому, после расстрела Парламента, коробки из-под ксерокса с полумиллионом долларов, грязного компромата против Генерального Прокурора, сомнительных развлечений во время волжского «круиза» и описания всего этого и многого другого в книге А. Коржакова все уже настолько свыклись с тем, что окружение Президента давным-давно находится вне всякой морали и права, что никому даже в голову не пришло где-либо специально поставить вопрос об ответственности организаторов «мелкооптового рынка» по покупке депутатских голосов. Уверен: в любой стране с минимально развитыми демократическими традициями это стало бы скандалом, на порядок превосходящим Уотергейт.

Действительные результаты и ожидаемые последствия

На протяжении года, предшествовавшего неудачной процедуре отрешения, автору не раз приходилось давать политические прогнозы насчет того, наберет ли нижняя палата необходимые для выдвижения обвинения 300 голосов. Каждый раз на основе анализа расклада голосов во фракциях и группах ответ был таким: скорее, нет. И все же надежда, как ей и положено, не умирала до последнего. Уже вполне предчувствуя исход, депутаты левых фракций до самого конца хотели верить, что чувства и логика их обманывают. Незадолго до объявления результатов голосования в зале распространилась весть, что обвинение по Чечне набрало 283 голоса. Через несколько минут кто-то из вновь прибывших пустил слух, что таких голосов 302. Угасшая, было, надежда на минуту воскресла. Но тут же официальное сообщение комиссии в очередной раз подтвердило, что в политике чудес не бывает. Впрочем, даже эти результаты, которые большинство левых переживали, как поражение, примечательны во многих отношениях и, более того, содержат в себе нескольких маленьких побед.

Во-первых, для данного состава Государственной Думы, который регулярно утверждал бюджеты, кандидатов в премьеры, но не смог принять ни одной поправки к Конституции, такой результат представляется достаточно высоким. Более 70 депутатов, не принадлежащих к левым фракциям, но высказывающихся за отрешение от должности Президента-«реформатора» — результат достаточно симптоматичный. Прибавим к этому, что, не будь давления и подкупа, результат мог быть и иным: за отрешение Президента от должности не проголосовали 17 депутатов, в свое время подписавших документ о выдвижении обвинения, т. е. ровно столько, сколько не хватило до 300 голосов! Чем объясняется разительная перемена точки зрения, догадаться не трудно.

Во-вторых, примечательны результаты голосования некоторых бывших активных сторонников Президента. Так, за отрешение Б. Ельцина проголосовали бывшие члены межрегиональной депутатской группы Тельман Гдлян и Элла Памфилова, бывший лидер демократической платформы в КПСС Владимир Лысенко и бывший личный друг Президента, начальник его охраны Александр Коржаков. Сужение политической базы режима проявляется здесь вполне наглядно.

В-третьих, результаты голосования фракции «Яблоко» заслуживают упоминания по двум причинам. С одной стороны, эта самая дисциплинированная в Думе фракция, объявившая о солидарном голосовании, дала весьма высокий процент «брака». За солидарное решение не проголосовали 9 депутатов — почти 20% фракции. Очевидно президентские «администраторы» поработали с депутатами фракции очень плотно. С другой стороны, 25 депутатов фракции (более 54%) проголосовали за отрешение Президента Б. Ельцина от должности по пункту о расстреле российского Парламента, в свое время поддержанному их лидером Г. Явлинским. А 5 из 46 осудили Президента за незаконный роспуск Советского Союза. И это тоже свидетельство постреволюционной «переоценки ценностей».

В-четвертых, накануне парламентских выборов результаты голосований позволяют четко разделить политиков, относящих себя к оппозиции, на действительных и мнимых противников режима. Так, С. С. Сулакшин — в свое время член межрегиональной депутатской группы, затем автор книги «Измена», посвященной российским реформам, — голосовал точно так, как советовала

президентская администрация — за отрешение Президента по всем пунктам, кроме Чечни! Теперь доказывать свою принадлежность к оппозиции ему будет достаточно трудно, какими бы соображениями он на самом деле ни руководствовался. «Раскрутка» результатов голосования перед выборами в Государственную Думу может существенно сказаться на их (выборов) результатах по одномандатным округам.

Что касается ожидаемых последствий выдвижения обвинения против Президента России, то по этому поводу средства массовой информации и массовое сознание были почти единодушны (именно потому, что первые формировали последнее): процедура в России кончится ничем. Во время многочисленных встреч автору постоянно задавали два несовместимых вопроса: 1) Почему вы его до сих пор не сняли? и 2) Зачем вы затеяли это бесполезное дело? Такое явно не диалектическое «единство противоположностей» — один из феноменов кризисного сознания. Попросту говоря, в голове современного российского гражданина все смешалось еще больше, чем в толстовском доме Облонских. С одной стороны, жизненный опыт подсказывает ему, что терпеть дальше невозможно. С другой стороны, телевизионные передачи типа «Зеркало» или «Итогов» внушают, что ничего сделать нельзя. Вот и сидит он «на двух стульях» сразу, обвиняя тех, кого еще недавно избирал, одновременно и за мнимое бездействие, и за действия, единственно возможные при данных условиях.

Действительно, на основе действующей Конституции снять с должности Президента России едва ли не труднее, чем встретиться с живым инопланетянином. Для этого требуются: 2/3 голосов в Государственной Думе; решение Верховного Суда о совершении Президентом не какого-нибудь, а тяжкого преступления; решение Конституционного Суда о точном соблюдении процедуры; 2/3 голосов в Совете Федерации, большинство членов которого, как уже говорилось, экономически зависимы от дотаций из Центра. Наконец, все должно быть уложено в трехмесячный срок. В противном случае даже если будет доказано, что Президент является иностранным шпионом, вся процедура автоматически прекращается. Прибавим к этому, что, например, Верховный Суд теоретически мог вернуть дело в Государственную Думу, сославшись на то, что не имеет достаточной законодательной базы для его рассмотрения. И тогда процедура отречения Президента от должности прекратилась бы в самом начале. Наконец, после выдвижения обвинения Государственной Думой Президент мог решиться на очередную попытку государственного переворота, каких на протяжении срока полномочий он совершил немало.

И тем не менее развитие событий по одному из сценариев данной группы было отнюдь не предопределено, поскольку, в отличие от 1993 г., российская политическая элита давно уже устала от своего лидера, а военные, наученные опытом парламентского расстрела и чеченской трагедии, отнюдь не рвутся за него в бой. Другой сценарий, который и готовили руководители левых политических движений, заключался в том, чтобы сразу после выдвижения обвинения Государственной Думой собрать Совет Федерации и добиться принятия большинством «сенаторов» постановления с требованием о добровольной отставке Президента. В отличие от формального отрешения, для такого постановления достаточно простого большинства голосов. В этом случае президентская

«команда» оказалась бы перед весьма сложным выбором: либо продолжать борьбу в условиях нарастающего недовольства народа и политической элиты, либо уйти, получив от Парламента все возможные гарантии будущей жизни для бывшего Президента и «Семьи». Не берусь предсказать результата, но второй вариант не представляется абсолютно фантастическим.

Отсюда следует, что попытки обвинить Госдуму в пустой трате времени и отказе от работы над законами — ее прямой обязанности — не выдерживают никакой критики. Во-первых, попытка выдвижения обвинения против Президента России заняла три дня, из которых днем планового пленарного заседания был только один. В тех же Соединенных Штатах при несопоставимых основаниях для обвинения было затрачено на порядок больше времени. Во-вторых, и главное: в случае успеха отрешение Президента Б. Ельцина от должности могло стать главным практическим делом Государственной Думы. Именно практическим — ибо необходимость смены экономического и политического курса давным-давно назрела и перезрела и остро ощущается обществом. Только такая смена позволит стране начать медленно и упорно выбираться из «кювета», куда она свалилась на крутом повороте истории. При нынешнем Президенте страна будет продолжать катиться вниз по склону под восторженные крики мародеров о «единственно верном курсе реформ». В революционные и постреволюционные эпохи политический год — срок немалый. Вот почему, сознавая, что для отрешения Президента Б. Ельцина от должности левые в Государственной Думе сделали почти все, что могли, не могу тем не менее унять чувства горького разочарования. И поскольку история не прощает политикам упущенных шансов, в памяти моей всплывают нехстаты со школьных времен знакомые строки из лермонтовского стихотворения, по странному созвучию названного «Дума»:

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovитой,
Ни гением начатого труда.